

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ФИНЛЯНДСКИЙ ОКРУГ

**НИКТО
НЕ ЗАБЫТ,
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО**

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Часть 4

**Детство,
опаленное войной**

*Воспоминания жителей Финляндского округа
о войне и блокаде Ленинграда*

**Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга
муниципальный округ Финляндский округ**

Книга «Никто не забыт, ничто не забыто» создана на основе воспоминаний и материалов из личных архивов участников Великой Отечественной войны, блокадников, тружеников тыла, бывших узников фашистских концлагерей, проживающих на территории нашего округа.

В книге отражены судьбы людей, живущих с нами по соседству, людей, которых мы можем видеть каждый день. Не все мы знаем, что им пришлось пережить во время великого испытания для нашей Родины — в годы Великой Отечественной войны.

Это издание поможет лучше узнать о людях, порой незаметных и скромных, спасших нашу страну от гибели. К сожалению, с каждым годом их становится все меньше. А ведь только они способны рассказать нам всю правду о войне. Надеемся, это издание поможет нам сохранить их воспоминания.

© Муниципальное образование Финляндский округ, 2013

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы держите в руках четвертый том Книги памяти, который называется «Детство, опаленное войной», написанный на основе воспоминаний жителей нашего округа, чьи детские годы были изуродованы Великой Отечественной войной.

По статистике война 1941–1945 гг. унесла около 27 млн жизней граждан Советского Союза. Из них около 10 млн — солдаты, остальные — старики, женщины, дети. Но статистика молчит о том, сколько детей погибло в годы Великой Отечественной войны. Таких данных просто нет. Война искалечила тысячи детских судеб, отняла светлое и радостное детство. Дети войны, как могли, приближали Победу в меру своих маленьких, слабых сил.

Сотни тысяч мальчишек и девчонок в годы Великой Отечественной шли в военкоматы, прибавляли себе год-два и уходили защищать Родину, многие погибли за нее. От войны дети натерпелись не меньше, чем бойцы на фронте. Попранное войной детство, страдания, голод, смерть рано сделали их взрослыми.

Дети воевали и в действующей армии, и в партизанских отрядах. И это были не единичные случаи. Таких ребят, по данным советских источников, во время Великой Отечественной войны были десятки тысяч...

Когда начиналась работа над четвертой частью книги, мы планировали разместить в ней лишь воспоминания детей войны. Но в течение работы над томом в Местную администрацию муниципального образования обратилось немало ветеранов войны, жителей блокадного Ленинграда, защитников Москвы, и мы не смогли им отказать. Поэтому четвертая часть Книги памяти, как и предыдущие три, представляет собой уникальный сборник материалов о Великой Отечественной войне, объединенный одной общей идеей — идеей победоносной борьбы с немецкими захватчиками.

Хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто принял участие в создании книги.

Низкий всем поклон, кто спас нашу Родину от фашистов, кто выстоял в самой жестокой войне, кто отдал свои жизни во имя мирного будущего!

*Глава муниципального образования Финляндский округ
Всеволод Беликов*

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СОВЕТ И МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ФИНЛЯНДСКИЙ ОКРУГ
ВЫРАЖАЮТ ИСКРЕННЮЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПОМОЩЬ В ИЗДАНИИ
ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ КНИГИ ПАМЯТИ «ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ»**

Местному отделению городской общественной организации
«Дети войны, погибших и пропавших без вести родителей»

Председателю *Комлевой Розе Александровне*

Общественной организации бывших малолетних узников
фашистских концлагерей

Председателю *Яковлевой Нине Алексеевне,*

Куратору по Финляндскому округу *Ивановой Тамаре Александровне*

Общественной организации муниципального образования Финляндский
округ «Совет ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и
правоохранительных органов»

Председателю *Солину Анатолию Анатольевичу*

Общественной организации муниципального образования
Финляндский округ «Жители блокадного Ленинграда»

Председателю *Куликовой Галине Филипповне*

Студентам университетов г. Санкт-Петербурга:

Дмитриевой Анне (Санкт-Петербургский государственный университет)

Ивановой Лидии (Электротехнический университет «ЛЭТИ»)

Спектор Полине (Электротехнический университет «ЛЭТИ»)

Маргарита Ивановна АНТОНОВА

Семья наша была большой: отец, мать, бабушка и шесть детей. Когда началась война, мне было 14 лет. Я училась в школе, окончила 7-й класс, поступила в ремесленное училище № 26.

17 января 1942 года от дистрофии умер отец, 6 февраля — брат, а на следующий день — 7 числа — сестра. Но на этом наши беды не закончились. Через несколько дней умерла еще одна моя сестренка. Ее увезли в братскую могилу на Волковское кладбище, так как мы уже не в силах были хоронить. А двоих младших похоронили в квадратном ящике в могиле отца.

9 марта 1942 года в эвакуацию отправились мама и сестра (1928 года рождения), а я осталась в Ленинграде, потому что училась в училище, и меня не вписывали в эвакуационный лист для выезда. Потом я ушла на казар-

менное положение в ремесленное училище, там же и питалась. Еду носила домой, старалась подкармливать родственников.

В 1941 году участвовала в оборонных работах в Петергофе. 20 июня 1943 года нам вручали медали «За оборону Ленинграда».

В 1943 году нас — группу ребят — под руководством замдиректора училища Канаевой Ксении Федоровны вывезли в подсобное хозяйство на станцию Пери, где мы выращивали овощи: морковь, капусту, огурцы для наших шефов — моряков с крейсера «Киров».

После окончания училища меня направили разметчицей на завод № 196 судостроительный, который впоследствии назывался «Судомех», а сейчас «Адмиралтейский». Там я отработала 42 года.

Валентина Ивановна **АНТОНОВА**

В нашей семье было 5 детей. В 1938 году, когда маме было 42 года, а папе — 54, родилась я, самый младший ребенок в семье. К тому времени старший брат Вася 1917 года рождения был уже женат, Михаилу было 17. Перед войной в семье было трое маленьких детей: Александр — 1932 года рождения, Владимир — 1935 и я. Папа работал в главном штабе Военно-Морского флота, мама была домохозяйкой. Мы жили на Петроградской стороне, на Большой Посадской улице. А потом переехали в дом № 3 «А» на улице Лабораторной, так как в этом районе держали коров, и маме, конечно, хотелось для нас покупать свежее молоко.

В 1939-м закончилась Финская война, и простые жители Ленинграда даже не могли подумать, что ждет их в скором будущем.

Армия Советского Союза начала перевооружаться, был подписан акт о ненападении между Германией и Советским Союзом.

Шел 1941 год, закончилась учеба в школах, учебных учреждениях. Дети уезжали на отдых, родители в отпуска. Наступил июнь, и 22 числа ровно в 4 часа утра, как поется в песне, «Киев бомбили, нам объявили, что началась война». Над Ленинградом появились фашистские самолеты. Люди были в растерянности, напуганы, не готовы. Творилось что-то невероятное, но никто не верил в долгую войну.

Набирались полки в ополчение, на войну, женщин отправляли рыть окопы. Дети оставались дома одни. Началась эвакуация. Гитлеровские войска все больше

и больше зажимали в кольцо Ленинград, и 8 сентября это кольцо замкнулось — началась блокада.

12 сентября горели Бадаевские склады, что находились на Черниговской улице: горели продовольственные запасы. Сахар коричневой рекой тек по улице. Люди под обстрелом кто как мог набирали эту карамель, смешанную с землей, с надеждой на выживание. Так в Ленинграде начался голод. Чтобы выжить, ели все: даже столярный клей и жмых, которым в мирное время кормили скот.

Организовали контроль над выдачей хлеба. Рабочие получали 250 г, иждивенцы — 125 г. Люди

часами стояли в булочную, чтобы получить эти драгоценные кусочки. Но иногда поход в магазин заканчивался трагично: многие попадали под обстрел и погибали. На домах появились надписи-предупреждения: «Эта сторона при артобстреле наиболее опасна». Погиб и наш Шурик. Тогда ему было всего 10. Он пошел за хлебом и попал под пули. Раненный, он едва дополз до дома. От хлеба остались одни крошки. А Шурика через три дня не стало. Мы остались с Вовкой вдвоем. Мама работала в госпитале — приходила домой поздно. Папа выезжал на передовую, где стояла морская пехота. В одну из таких поездок он тоже попал под артобстрел, и через месяц его не стало. Мама осталась одна с двумя детьми. Чтобы как-то выжить, она меняла на продукты все, что можно.

Зима 1941—1942 гг. была очень холодной. Морозы доходили до 30—50 градусов. В городе не было ни электричества, ни отопления, ни воды. Окна в домах завешены. Темно, холодно. Пришла смерть...

Достать печку-буржуйку в то время было великим счастьем. Трубу выводили в окно, на дрова шло все,

что горело, не говоря уже о мебели и книгах.

Голод и холод косил жителей Ленинграда. Доведенные до отчаяния люди не гнушались есть кошек, собак, крыс и даже людей. Думаю, что и наш кот Барсик пропал не просто так. Как-то во время очередной бомбежки я с братьями спустилась в бомбоубежище. В руках у меня был любимый котик. Я носила его в мамином теплом платке. Пока мы пережидали тревогу, мы, видимо, заснули. А когда проснулись, то котика с нами не было. В руках у меня был пустой платок. Я тяжело переживала эту утрату.

Шел 1942 год. Открыта Дорога жизни через Ладогу. По ней возили на грузовиках-полупортках продукты, эвакуировали людей. Но часто на озеро налетали фашисты и бомбили. Бывало, что машины с людьми уходили под лед. Много погибло и взрослых, и детей.

К этому времени с моего брата Миши была снята броня, и его призвали в армию — в отряд особого назначения. Больше мы его не видели.

Помню, как по городу ходили отряды молодых девочек лет 14—16 и выносили из домов трупы. Детей, обнаруженных рядом с мертвыми родителями, они передавали в детские дома.

Но удивительно, что при всем этом ужасе город жил: работал спортзал, кинотеатр, театр. И наперекор всему в 1942 году симфонический оркестр исполнил седьмую симфонию Дмитрия Шостаковича.

Приходит весна 1942-го, появляется травка, зелень. И вот мы — маленькие — собираем крапиву, лебеду,

всю зелень, чтобы мама сварила из нее щи: бульон мы пили, а зелень мяли на второе.

26 мая погиб мой старший брат Вася, который служил летчиком. Он был сбит на Ленинградском фронте. Папа и брат Шурик похоронены на Богословском кладбище.

Ценой жизни жители и бойцы нашей армии отстояли город от натиска гитлеровских войск, не дали городу погибнуть во льдах и в стуже. Слава тем, кто под огнем 900 дней и ночей жил, творил и сражался на берегах Невы! Слава тебе, Ленинград!

*Сражался город дорогой
Под вой сирен, под свист снарядов,
И голод сильною волной
Бил жителей родного Ленинграда.
Так продолжалось 900 дней,
Трудились взрослые и дети.
И вот настал счастливый день,
Как снова солнце засияло в свете.
Блокада прорвана, снята!
Войска соединились вместе,
Два фронта выгнали врага,
А Ленинград стоит на месте!
И хорошеет город наш,
Родной любимый Петров град,
И дети, внуки берегут,
И никогда и никому не отдадут!*

Надежда Леонидовна АСАФОВА

Много лет прошло с тех пор, как началась Великая Отечественная война 22 июня 1941 года. Было воскресенье, стоял солнечный день. Когда вспоминаешь, кажется, что все было вчера.

Сначала как-то все шло своим чередом. А когда перестали отovarивать продуктовые карточки, стало страшно. Я видела многих знакомых людей умирающими от голода, но помочь не могла. А так хотелось. От голода у меня выпадали зубы и волосы. У девушек прекратился ежемесячный цикл и не восстанавливался 2–3 года, пока организм не получил нормального питания. У многих людей опухали животы.

В то время мой папа Романов Леонид Клементьевич работал в Адмиралтействе и находился на казарменном положении. Он как мог поддерживал меня, всякий раз старался мне отдать свой сухарик, сам не съедал.

Помню, очень часто происходили воздушные налеты. Тогда по радио передавали: «Воздушная тревога!» три раза, выла сирена. А когда передавали «Отбой», у всех нас на лице была улыбка.

Я не помню, в каком это было году, но 1 января мы отмечали Новый год. У меня было две свеклинки, мы затопили печку, и я сварила борщ: свекла, вода и соль. Больше не было ничего. К нам пришла родственница тетя Маша и подарила мне вареное яйцо. Она работала где-то на кухне в военной столовой, и это яйцо там ей подарил повар,

а она передарила мне. За столом все делили поровну. И хотя борщ был без хлеба, без капусты, зато горячий. Эту встречу Нового года мне не забыть.

Когда сгорели Бадаевские склады, мы вынуждены были подать заявление на эвакуацию. Когда подошло наше время, мы выехали в организованном порядке в товарном вагоне, где стояли две буржуйки. Нам постоянно приходилось поддерживать тепло. (Конечно, дрова брали там, где плохо лежит.) Все это время мы не раздевались. Нас было человек 70. А в живых осталось меньше. Ехали до места назначения 30 дней.

Иногда нас завозили в тупик, пропуская военные эшелоны. Воды не было, папа обратился за помощью к машинисту. Тот сказал, что может дать только немного отработанного пару и налил канистрочку. Папа заплатил за это 15 руб. Мы согрелись. Потихоньку мы добрались до места назначения — на станцию Мостовая на Кубани. Нам дали несколько дней отдыха, расселили в домах у местных жителей. С ними мы выходили на работу в степь. Сажали табак, кукурузу, подсолнух. Папа косил овес. Нам дали участок земли. Мы посадили кукурузу, фасоль. Но откуда ни возьмись пошел град, величиной с яйцо, и под корень побил урожай. Я впервые увидела такие градины. Мы много работали и часто в тяжелых условиях. Как-то меня отправили в горы на сплав бревен. По пояс мы стояли в воде и шестом толкали бревна. Я заболела малярией и очень долго не могла в себя прийти. Из-за высокой температуры несколько дней меня лихорадило. Ни лекарств, ни врача не было.

Примерно в сентябре молодежь отправили на уборку подсолнуха. Там во время работ я проколола стопу правой ноги. В рану попала грязь, стопа распухла, лечить снова нечем. Этой же осенью в нашу станцию пришли немецкие войска. Спокойно и тихо вступили и расположились в домах. Я перебралась на кухню. Через несколько дней надо было ехать в районную станицу на работы. На железной дороге, когда нас стали регистрировать, оказалось, что у меня нет лопаты, чтобы копать землю для рельсов. Немец-пролаб отправил меня на кухню. Сказал: «Будешь носить воду, дрова, чистить картошку». Там же, на кухне, мы и спали на скамье. Стопа у меня разболелась и загноилась.

Прораб увидел, как я хро-
маю, и сказал, что пришлет
мне врача. Вскоре пришли
два немца, один посмотрел
ногу и сказал, что надо этот
нарыв резать. Но в таких ан-
тисанитарных условиях он
резать не будет, а выдавит
гной вручную, если я не буду
кричать от боли. Я согласи-
лась. И там же, на кухне, он
выдавил рану. Было больно,
но сразу стало легче. Перед
уходом он сказал, что утром
принесет мазь. Я думала,
как обычно, мазь будет в ба-
ночке. А мне принесли пол-
литровую банку, полную их-
тиоловой мази. Я брату не
хотела, говорила, что мне
хватит и чайной ложки. Но
оказывается эту мазь по ре-
цепту мой лекарь приготовав-
ливал сам. И оказалось, что он не врач вовсе, а ветеринар, и рецепт
был рассчитан на коня. Пришлось эту мазь нанести. Ни бинтов, ни
ваты не было. Какая-то женщина сняла с головы свой платок и пе-
ревязала мне рану. Прошло.

Однажды на утро надо было приготовить котел чищенной кар-
тошки. Но картошка закончилась. Старшие женщины сказали об
этом прорабу. Он вышел на проезжую часть и увидел, что на телеге
какой-то мужчина везет мешков пять крупной картошки. Оста-
новил коня и велел все мешки перенести на кухню. Мужчина
отказался. Тогда немец второй раз его попросил, тот сказал,
что он мешки нам не принесет. Тогда наш прораб размах-
нулся и наотмашь ударил мужчину в зубы. Тот заплакал,
подставил ладони ко рту, выплюнул выбитые зубы.

*Повешенные за украденную каску
с надгробья немецкого солдата
советские мирные жители*

Все это мы видели из окна, а потом долго не могли уснуть. Стали этого немца бояться еще больше. Он — наш начальник-изверг. В другой раз я видела, как он ударил женщину по лицу, у нее носом пошла кровь. Она плакала и просила прощения за какое-то дисциплинарное нарушение.

Однажды мы с хозяйской дочкой остались одни дома. К дому подъехали два жандарма, сказали выйти одному человеку и встать в строй. На дороге уже собралось много людей — человек 100. Дочка хозяина сказала, что не может оставить дом без присмотра и проводила меня в строй. Нас повели под конвоем за станицу. Когда привели, выстроили в шеренгу перед виселицей, на которой висели тела трех немцев, и стали допрашивать всех, чтобы назвали имя партизан. Все знали, что это их рук дело. Наступило молчание. Тогда немцы привели овчарку. По команде собака стала всех обнюхивать. Я стояла как вкопанная. Дойдя до меня, собачка остановилась, стала обнюхивать мой сарафан. Она была очень красивая. Я любила животных и протянула руку, чтобы погладить. Но немец крикнул на собаку, и она отошла дальше. Мне было не страшно, потому что моей вины тут не было. Но было наивно так думать. Дойдя до конца строя, когда два немца сняли с плеч автоматы, молодая женщина (звали ее Мария), местная, чтобы спасти нас всех, призналась все-таки, что она сестра партизана. Нам крикнули: «Разойдись!», а Марию увели. Только тогда я опомнилась. Папа прибежал с поля, на нем лица не было. Сказал: «Думал, тебя не увижу!»

Сложно, очень сложно было жить. Тревожно! И всегда домой хотелось. Местное население нас называло не эвакуированными, а выковыренными.

Не дает мне покоя еще один, как мне кажется, очень важный случай. После окончания ремонта железной дороги, нам заплатили по 46 немецких марок за три месяца и отпустили домой. Начальник дорожного строительства, прораб, немец, спросил, пойду ли я домой пешком 8 км. Я сказала: «Пойду!». Тогда он дал мне конверт и сказал передать его станичному правителю (где я живу), но ни в коем случае не читать. Конвертик был не заклеен, какой-то маленький. Я его взяла, положила

Немецкие солдаты фотографируются на фоне двоих повешенных советских партизан

в карман бушлата. Вслед он несколько раз крикнул: «Не читать!». Я пошла одна через степь, а пройдя половину пути, ужасно захотела узнать, что же там все-таки написано. Оглянулась — никого, достала, только хотела развернуть, как вдруг какая-то неведомая сила заставила меня положить письмо обратно. Я дошла спокойно до станицы, пришла в комендатуру, вошла в кабинет, но того, кому конверт предназначался, не было. За столом сидел, как мне было сказано, заместитель. Я спросила, имею ли я право отдать ему это письмо? Он ответил: «Да». Взял и стал читать. А когда прочитал, произнес громко: «Ну, девчонка, счастье твое, что ты его не прочитала!» Я сказала, что мне не разрешили. Он ответил: «И правильно сделала». До сих пор не знаю, что там было написано. До сих пор мучаюсь от любопытства!

Анфиса Георгиевна АФАНАСЬЕВА

Перед войной я состояла в группе росавиахимовцев, училась управлять самолетом. Чаще всего мы совершали тренировочные полеты с двух аэродромов: Левашово и Плеханово. Один аэродром располагался здесь, под Ленинградом, а второй — под Волховом. Я не раз летала на самолете над городом и каждый раз, глядя на него с высоты, удивлялась — как он держится, на чем стоит: кругом сплошная вода! Как на ладони, видно было, как в солнечный день блестят его реки и каналы. И откуда бы я ни летела, отовсюду был виден Исаакиевский собор. Петропавловскую крепость видно было не всегда, а широкий купол Исаакия замечен был со всех сторон.

Обучение летному делу мы закончили перед самой войной. Я научилась управлять самолетом и получила летные права. В то время многих молодых людей увлекала романтика неба. В их числе оказалась и я. Я мечтала, как буду летать в голубом небе над любимым городом и любоваться его красотой, но вдруг началась война...

О начале войны мы узнали, когда были в аэропорту Пулково. В тот день полетов не было, мы тихо, спокойно сидели с ребятами. И вдруг нам сказали: «Сейчас Молотов будет выступать. Важное правительственное сообщение». Мы включили радио и прослушали его выступление, в конце которого он сказал: «... Победа будет за нами!»

Страх у меня не было. Все потому, что окружение было хорошее и очень хотелось летать.

С первых дней войны я стала выполнять различные поручения и служебные задания. На «Лавочкине» летала в Левашово, в штаб. Полетов было немного. Дважды я попала под обстрел фашистских самолетов, но чудом ушла от них. Вы не можете себе представить эти ощущения. Ты находишься в воздухе, на огромной высоте, а звук такой, как будто по крыше кто-то бегают. Это пули от фашистского самолета стучат по металлу.

Когда я приземлилась, ко мне подошел мой механик и сострил: «С кем целовалась?» На самолете были пробоины от немецких пуль. После полетов я не могла ни есть, ни спать, была в стрессовом состоянии.

Через некоторое время меня вызвали на медицинскую комиссию. «Ишь ты, какая! Летать она хочет! Снять её немедленно с полетов! Она в Финляндию еще завтра улетит!» — кричал на всю комнату доктор. И меня отстранили от полетов.

Спустя много лет я случайно встретилась с этим доктором, председателем медицинской комиссии, и он рассказал мне, почему меня списали на землю. Как он сказал, мои сослуживцы каждый день к нему приходили с просьбами отстранить меня от полетов, боялись, что однажды я не вернусь с задания. «Раз её дважды уже клевал “мессер”, то третьего раза — не миновать», — говорили они. (У летчиков было поверье, если два раза тебя обстреляли и ты невредимый вернулся на землю, на третий — убьют.) «Как они мне надоели! Что я должен был делать? Приходили разные летчики и все просили об одном: “Спиши ее на землю”. И я списал», — признался мне врач.

Разлуку с небом я сильно переживала! Как расстаться с такой красотой? Тогда, в молодости, это казалось невысланным!

После того как меня сняли с полетов, я попала в госпиталь. Как только врач увидела все мои документы и услышала мой рассказ, то сказала мне: «Забудь об этом! Ты не первая такая у меня. Не каждому дано летать». Я долго лежала в подавленном состоянии, не могла даже разговаривать, только писала записки.

Вскоре из госпиталя меня выписали и отправили в местечко на берегу Ладоги. Там стоял вагончик с белым флагом и красным крестиком. Сопровождающий

сказал мне: «Здесь побудь дней пять или шесть! А там видно будет». После этого меня отправили в госпиталь в Старую Ладугу. Поскольку в госпитале медработников не хватало, я стала работать медицинской сестрой.

Мои старые сослуживцы интересовались, как я устроилась на новом месте, и приговаривали: «О, здесь очень гладко. Тихо и спокойно. Давайте-ка ее направим в Шум. Вот там тяжко, там она отвлечется от неба».

В госпитале меня очень любили раненые. Наверное, потому что у меня очень легкая рука. Попав раз ко мне на процедуру, других медсестер больные к себе уже не подпускали.

Помню, у нас в госпитале был один солдат — Володька. Он мучился сильными головными болями. Никто не мог понять причины, и поэтому его считали симулянтом и «сачком». Он говорил мне: «Сестра, помоги мне! Боль невыносимая! Голова болит!» Однажды я увидела, как сильно его рвало. Я тогда пошла к доктору и рассказала об увиденном, просила еще раз его осмотреть. Но он не послушал меня. Мне

пришлось обратиться к трем врачам. Все они мне говорили: «Что ты за него хлопчешь?!» — «Я вижу, что он очень болен. Неужели вы этого не замечаете?» — отвечала я. Никто не хотел соглашаться со мной. Но потом все-таки нашелся один доктор. Он обследовал солдата и говорит: «Да, у него инородное тело в голове». Сделали трепанацию, а там — иголка. Чтоб достать ее, понадобился магнит. А где его взять?

И вот меня направили в штаб, чтобы там помогли раздобыть магнит. В штабе мне выписали пропуск и отправили на завод «Красный выборжец». Я приехала на завод. На проходной меня встретили, провели в цех к огромному столу, на котором лежали магниты разных размеров и форм, и говорят: «Выбирай». Я спрашиваю: «А два можно?» «Все забирай, нам не жалко».

Я взяла два магнита и помчалась на аэродром. На следующий день Володьке сделали операцию. Помню, как мы окружили операционный стол. Трепанировали череп, стали доставать иголку, а она не выходит. Хирург чуть пинцетом её подцепил — и она поддалась. Мы все как закричим: «Ура!». С тех пор боли у Володьки прошли. Оказывается, иголка эта мучила его все время. А попала в голову еще в детстве: соскользнула с воротника материнского халата, на котором была прикреплена, и через младенческое темечко просочилась.

В годы войны мне пришлось не только лечить. Я сама оказалась в палате смертников...

В 1942 году после авианалета мы с доктором Борисом Павловичем поехали собирать раненых и погибших. Доктор мне говорит: «Машина пришла, поехали! Ты будешь собирать раненых, а я трупы». Все шло сначала нормально. Я оказала первую помощь одному раненному, как вдруг — новый налет. Мы — в разные стороны. Я упала, а рядом со мной разорвалась авиационная бомба и меня полностью засыпало землёй. Борис Павлович с Виктором — водителем машины, собрали трупы, а меня всё нет. Стали искать меня. Безуспешно. Тогда доктор говорит: «Поехали в госпиталь. Она, наверное, уже там». А Виктор — ни в какую: «Я не поеду, пока не найду Асю. Она должна быть где-то

здесь». И снова стали меня искать, обошли все кругом и — надо же — повезло: рядом, неподалеку от них лежит моя санитарная сумка. «Вот сумка, значит, и она где-то должна быть рядом», — обрадовался Виктор. Начали раскапывать землю и вытащили меня. Я еще дышу! Меня быстро погрузили в машину и повезли в госпиталь. Я находилась без сознания. Из этого состояния я никак не могла выйти. Прошло три дня, а я по-прежнему лежу и не прихожу в себя. Все интересуются, как я себя чувствую, думают, что делать. Доктор медперсонал уже предупредил: «Пару дней она еще, может быть, продержится, но больше рассчитывать не на что». Друзья облили всю меня слезами. Ушли. На третий день в госпитале появился новый доктор, которого к нам прислали из-под Синявино, грузин. Ему начальник госпиталя говорит: «Там такая девчонка хорошая лежит, в палате смертников. Пойди, посмотри, может, сможешь ей чем-то помочь». Он осмотрел меня и... поставил на ноги. Все стали интересоваться, как. Стали его расспрашивать, как ему это удалось? А он сказал: «У вас — русских — очень много разных присказок. Одна из них “Риск — благородное дело”. Вы ее приписали к палате смертников, а я решил рискнуть. Риск оказался оправданным, и через день я ее на танцы приглашу». А как это у него получилось — секрет. Никому не скажу!

Через некоторое время моя жизнь опять изменилась. На летчиков, летающих на Ленинградском фронте, ложилась очень большая нагрузка. Поэтому для них был организован специальный дом отдыха. На таком методе восстановления и лечения настояли врачи госпиталя. В качестве госпиталя выбрали небольшую деревеньку, восемь домов получше, привели их в порядок, поставили кровати и мебель. А управлять этим домом отдыха назначили меня. Летчики туда попадали по направлению врача: кто на день, кто на два, кто на три, а кто и побольше. После такого отдыха они не только по два вылета в день делали спокойно, а рвались на третий. Врачи удивлялись такому результату! И эти «орлы» потом летали над территорией дома отдыха и сбрасывали цветы. Более того, многие говорили: «Сбил фашиста — пишите не на мой счет, а на счет дома отдыха».

Летчики 124-го истребительного авиаполка перед вылетом на атаку аэродрома противника

Слева направо: летчик младший лейтенант Петр Афанасьевич Белый, командир звена младший лейтенант Дмитрий Васильевич Кокорев, командир звена младший лейтенант Михаил Павлович Барсов, комэска-2 старший лейтенант Александр Георгиевич Пронин, командир звена младший лейтенант Анатолий Авксентьевич Король, предположительно, летчик младший лейтенант Алексей Пантелеймонович Васильев.

Однажды сюда приехал генерал Рыбальченко. Он наслышан был про то, как здесь восстанавливают силы летчики, поблагодарил меня и решил пройтись по палатам.

- Ну ладно, пошли, по палатам пройдем, — сказал он.
- Не пойду, — отвечаю я.
- Как так?
- Они при мне не будут жаловаться.
- Ну ладно.

Пошел, поговорил с летчиками, а они все меня хвалили и отвечали: «Мы, товарищ генерал, здесь как у родной матери!»

— Такого я даже не ожидал. Молодец! — сказал мне Рыбальченко.

Как же они у меня отдыхали? Самым главным для них лекарством были сон, тишина и вкусная еда.

Надо отдать должное подвигам наших летчиков. В годы войны они совершили более 600 воздушных таранов, а немцы — ни одного!

Что творили наши ребята в воздухе, словами не передать. Вы слышали о Петре Пилутове? Одна из улиц нашего города названа его именем, есть школа имени летчика Пилутова. Он был моим однопольчанином. И я горжусь, что когда-то знала этого прекрасного человека, отважного пилота, настоящего товарища. Пилутов всегда выручал своих друзей в воздухе. Если видел, что кто-то попал в беду, всегда помогал. Два раза выручал в небе Димку Ермакова. И после войны на встрече с нами, боевыми друзьями, он всегда говорил: «Ребята, я с вами встречаюсь только потому, что спас меня Петя».

Помню, был страшный налет на Ленинград. Столько было самолетов — неба не видно! Ровным строем фашисты летели над городом. И вдруг Пилутов поднимается в воздух и разбивает вражеский строй! Мало того, еще умудряется сбить один самолет. И вдруг слышим: немцы в радиоэфире переговариваются: «Внимание! Внимание! Сумасшедшие в воздухе! Уходим!».

Сейчас уже нет рядом с нами этого бесстрашного человека. Он умер и похоронен в Невской лавре.

Победа!.. Как долго мы ее ждали.

О ней мы узнали по радио. Но интуитивно все давно чувствовали, что не сегодня, так завтра война закончится. Немцев в небе уже практически не было видно. Превосходство оставалось за нами.

Ростислав Иванович АШЕЙЧУК

Я хорошо помню тот день, когда началась война. Тогда мне было 11 лет, и вся наша многочисленная семья (из 7 человек) находилась в Павловске. День был солнечный, теплый. Я собирался пойти играть с мальчишками во двор. И тут по радио сообщили о начале войны. Я не могу сейчас точно передать свои ощущения и чувства от услышанного. Но хорошо помню, как мы с соседскими ребятами начали копать землянки, думая, что там можно укрыться от немецких бомбежек. Это было 22 июня, и уже на следующий день в город полетели снаряды. В Ленинград мы перебрались с семьей почти сразу после начала войны. Я пошел в школу № 79 на Большом проспекте. Тогда у меня было много друзей, а сейчас почти никого не осталось.

Многие моменты из детства в моей памяти уже стерлись. И это, наверное, неплохо. Но 1941-й — первый, самый тяжелый год войны — запомнился мне навсегда. Страшные бомбежки по ночам и дневные артобстрелы снятся мне до сих пор. Немец всем жизнь испортил!

А вот 1944-й остался в моих воспоминаниях светлым пятном, благодаря радостному событию: однажды я по своей детской карточке получил 200 граммов сухофруктов, и мама сварила нам компот. Мы были очень довольны!

Дети блокадного Ленинграда у грядок на Мытнинской набережной

Семья, в которой я родился и вырос, была простая, родители родом из крестьян. Отец работал слесарем, а мать на мясокомбинате — первой стахановкой была. Зарабатывали они очень мало, даже на еду, бывало, не хватало. Поэтому и ели мы все, что придется: ловили колюшку, собирали лебеду, одуванчики, и из всего этого варили суп.

После окончания школы я устроился на Кировский завод, где проработал 3 года многостаночником. Когда пришло время служить в армии, меня

отправили в Германию, на пять лет.

В молодости я любил играть на гитаре и петь песни. Одни из моих любимых военных — «Белая сирень», «Марианночка». В детстве я даже мечтал стать артистом. Но понимал, что надо учиться!

...О победе узнали мы также по радио. Тогда мы с дворовыми ребятами побежали сразу в магазин и на имевшиеся гроши в карманах набрали грецких орехов.

Подготовила Полина СПЕКТОР

Александра Ефимовна БАРОНШИНА

В Ленинград наша семья переехала в 1939 году. Правда, отец мой перебрался сюда гораздо раньше, будучи еще 14-летним подростком. Он служил мальчиком у одного помещика.

В Ленинграде жили на Предпортовой улице. Папа работал на железной дороге в паровозном депо, и поэтому, когда началась война, на фронт его не взяли.

На нашей улице стояли двухэтажные дома, деревянные, очень похожие на бараки. Там же находился сарай с дровами и коровами. Недалеко была овощная база.

В школу я ходила на Среднюю рогатку, это километра три или четыре пешком. Помню, как мы сдавали экзамены. Я вошла в кабинет, а комиссия шепчется: «Почему она такая бледная?». Это я так волновалась, хотя училась хорошо. А когда сдала экзамен, покраснелась вся... Это было в мае, а в июне началась война. И я узнала, что такое карточки. Отоваривать карточки мы ходили на Среднюю рогатку. А там, в основном, 90 процентов жили немцы. Они держали хозяйство. У них такие поля моркови и капусты были! И когда началась война, их всех сослали в Сибирь.

По дороге к ларьку за хлебом нам приходилось проходить через ряды противотанковых ежей. Однажды по дороге домой мы попали под обстрел: неожиданно над нами появился самолет. А я хулиганистая была. Остановилась, голову задрала и смотрю на него. Он так низко летел, что я

видела лицо летчика и не могла оторвать глаз от него, пока кто-то из взрослых меня не схватил и не толкнул в канаву. И как только я упала, прозвучала пулеметная очередь. Глупая тогда была, многого еще не понимала. Однажды мы с ребятами пошли на поля морковку дергать и опять попали под обстрел. Мы залегли в борозды, а я говорю: «Ребятки, вы не бойтесь. Немец бомбу бросит, она над нами взорвется, разлетится, а мы уцелеем». Но, слава богу, бомбу никто так и не скинул, а мы остались живы. Но со временем и я стала понимать многие вещи.

Я очень скоро поняла, что немцы очень пунктуальны. Как только наступала полночь — начинался обстрел. Первое время мы не понимали, что происходит, впопыхах вскакивали, а потом уже знали, что каждую ночь бомбят. И без 15 двенадцать мы одевались и уходили в бомбоубежище — рядом с домом мужики вырыли окопчик, в котором мы и прятались. Вдоль стен окопчика стояли скамеечки, на них мы и пережидали бомбежку. Каждый из нас тогда пытался не только сам спастись, но и сохранить свое имущество. Как-то наш сосед предложил папе: «Дядя Ефим, давайте закопаем за сараем в яме наше имущество. Все равно нам отсюда придется уходить. А потом вернемся и выкопаем». У нас хоть и не было особо вещей, но папа согласился, и они с соседом вырыли яму и сложили свои пожитки. Имущество у соседей мне показалось богатым: у них были красивые сервизы. Но больше всего мне запомнился аккордеон с клавишами. В полночь, как обычно, начался обстрел, и первая бомба полетела в «нашу» яму. В это время Пулковские высоты были заняты немцами. И мы у них были как на ладони, и, я думаю, они наблюдали за нами в бинокли и решили преподнести сюрприз. От наших пожитков не осталось ничего. Помню только, как во все стороны летели клавиши аккордеона.

Вскоре к нам пришли наши военные и сказали: «Через час мы будем отступать. Здесь будут немцы. Бегите в Ленинград». Что делать? Кто в чем был, в том и отправился в город, своим ходом, часть пути пешком, часть — на трамвае. Помню, мы бежали до «Электросилы», а там сели на трамвай и доехали до центра. Я не помню, на какой остановке мы вышли, но помню, что мы потеряли старшую сестру — она не ус-

Зенитное орудие (85-мм образца 1939 г.) на фоне Исаакиевского собора в блокадном Ленинграде

пела выйти. Мы были в ужасе, но, к счастью, она быстро нашлась.

В Ленинграде идти нам особо было не к кому. Мама вспомнила, что недалеко от Таврического сада живет ее тетка Матрена. Мы отправились к ней. Тетка Матрена жила на улице Слуцкой, в нижнем этаже большого старинного особняка. После нашей «избушки»

дома с флигелями показались мне дворцами. Тетка Матрена жила в полуподвальном помещении, окна — наполовину в земле. Воды в доме не было. Приходилось ходить в Таврический сад на главную водокачку. Но в нее вскоре после нашего переезда упала бомба, и все полуподвальные помещения затопило. И наше в том числе. Как мы оттуда выбирались, вспомнить страшно. Тетке Матрене тогда было 90 лет, спастись она не сумела и утонула. А мы опять очутились на улице.

Так как папа был железнодорожником, мы поехали к Финляндскому вокзалу. Папа обратился к начальству, рассказал о наших бедах и мытарствах, и нас направили на квартиру в один из железнодорожных домов на станции «Кушелевка». В этой квартире жила женщина по имени Наталья с пятилетней дочкой. Ее муж был на фронте. В квартире были высокие потолки и просторная кухня — метров 18. Толстые стены. Поговаривали, что когда-то в этом доме жил сам граф Кушелев. Но хозяйке жить с нашей многочисленной семьей из шести человек: мама, папа, мои сестры, младший брат и я — в тесном соседстве не хотелось. И она нас пускать

наотрез отказалась. Мы снова оказались на улице. Три ночи ночевали в зале ожидания на вокзале. Недалеко от железной дороги была столовая с прачечной. Вот у котла в этой прачечной мы и грелись. Что мы ели, я уже не помню. Но встретила нас в эти дни одна бабушка, татарочка, тетя Мотя. Она приютила нас у себя в квартире. Муж ее работал поваром. Они нас накормили супчиком, дали ночь переночевать. А на следующий день приехала управдом, которая и разобралась с этой Натальей. «Если ты непустишь семью, где почти одни девочки, то я к тебе поселю паровозников. Они придут домой, одни штаны бросят — потом не отмоешь...» — сказала управдом, и проблема была решена. В это время действительно разбомбили на Ржевке общежитие «паровозников», и, выбирая из двух зол наименьшее, Наталья, конечно, выбрала нас.

Мы жили на кухне, хозяйка — в комнате. Правда, чаще всего она находилась у соседки. В кухне была плита, которую мы топили. Для этого я ходила на сортировочную, в депо за углем. Приходилось подворовывать. Сначала я собирала тот, что валялся по путям. А однажды смотрю, гора угля свалена, я подошла поближе, чтобы с краешку набрать (а сколько я — ребенок могла унести?), наклонилась, как вдруг кто-то из паровозников как даст мне коленкой под зад: «А! Ты воруешь!» Я полетела, носом упала на шпалы. Пытаюсь встать — не могу, разревелась. Проходит женщина и говорит мне: «Мальчик, ты чего лежишь?» (Я была одета в мальчишье пальто, мужскую шапку, и меня принимали за мальчика.) Я реву. Она перевернула меня и говорит: «Господи! Да это наши беженцы!» Эта женщина была с нашего дома, она помогла мне встать и отвела домой. Пришла я без угля.

Мимо наших домов, через Кушелевку с Ладоги проходили эшелоны с продуктами. На открытых платформах везли мешки с мукой, и желающих получить хотя бы горстку было хоть отбавляй. Добывали мы эту муку, конечно, незаконно, но когда очень хочется есть, а твой младший брат умирает от голода дома, о правилах как-то забывается. Помню, как зимой мужики разрезали мешок, и мы пытались окоченевшими пальцами зачерпнуть хотя бы горсть муки. Но вдруг раздался выстрел — и

Жительница блокадного Ленинграда везет тело умершего на ручной тележке.

охрана кого-то убила. После этого случая я за мукой больше не ходила.

Вскоре умер наш Коленька. Произошло это на наших глазах. Ему было лет 11–12. Чтобы не чувствовать голода, мы старались подольше поспать. И в тот день мы не торопились просыпаться. Но тут на кухню вошла хозяйка

и закричала: «Тетя Маня, Колька умирает!» До этого я слышала какой-то храп, но думала, что это храпит мама, и про Колю совсем не подумала, хотя он спал вместе с мамой. Мы вскочили... А у него пена изо рта и носа, глаза закатились. Но самое страшное не это. Мама закричала: «Коленька, сынок! На кусочек хлебушка!» Он услышал, что ему хлеб предлагают, и у него потекли слезы. И он тут же умер. Мы завернули его тельце в одеяло и повезли на кладбище. Куда именно идти не знаем, мы же не местные. Нам сказали везти в братскую могилу. По пути нам попалось кладбище Железнодорожной узловой больницы: могилы вырыты, два мужика сидят. Мы подумали: «Вот хорошо, все готово». А мужики нам говорят: «Давайте буханку хлеба». «Какая буханка?! — сказала мама. — Он бы не умер, была бы у нас буханка». «Тогда поезжайте прямо», — ответили нам мужики, и мы пошли. Дошли до Пискаревки. Братская могила представляла собой один огромный ров, вырытый экскаватором. Захоронят один, вырывают другой. Трупы во рву валялись кое-как. Мама говорит: «Я не хочу Коленьку на трупы класть, не хочу! Давайте поищем местечко, чтобы к земельке приложить». Мы спустились с ней в ров, нашли местечко сбоку, прижали Коленькино тело и ушли. ...А у меня до сих пор перед глазами: валяется

девочка лет пяти, ручонки толстенькие, сама пухленькая, совершенно голая — уже раздели и бросили голенькую. Мама сильно плакала: «Я не хочу уходить, оставьте меня здесь!» Было это зимой 1942 года. Впереди ждал еще не один год голода и страданий.

За водой люди ходили на Неву. Но нам с Кушелевки добираться было туда далеко. Около станции «Пискаревка» была вырыта канава с проточной водой. Туда я с ведром и ходила. Чтобы набрать воду, приходилось ложиться на живот и ковшиком черпать воду. Никогда не забуду, как однажды я шла с полным ведром домой. Голодная, обессиленная, я подошла уже к нашим домам и споткнулась о валяющийся труп. Он был занесен снежком, и поэтому был практически невидим. Я пролила всю воду, расстроенная пришла домой, а мама отправляет меня назад: «Иди обратно». Но, по-моему, я так и не пошла.

Несмотря на блокаду, в городе работало восемь школ. И я решила пойти учиться и записалась в 105-ю среднюю школу Выборгского района. Находилась школа в районе нынешней станции метро «Выборгская», даже чуть дальше, среди больших старинных домов. Я поступила в 5 класс. Но больше мы ходили туда из-за питания. Сдавали карточки, и нас кормили то супчиком, то кашкой. Класс у нас был хулиганистый, и из школы нас исключили и направили работать на 7-й хлебзавод на Сердобольской улице. Наверное, это было даже к лучшему. Мы были в тепле, пекли хлеб, и иногда нам перепадали кое-какие крохи.

Все три голодных лета мы — школьники работали на огородах. Первое лето 1942 года мы работали на полях в районе Полюстрово. Пололи и за работу получали лебеду. Из нее мы готовили еду.

Но самое страшное было, когда мы ходили в Пискаревский лес за «творогом». Кто-то нам сказал, что в этом лесу можно набрать творог. Мы с сестренками взяли баночки и пошли пешком в лес. Пришли, а где брать творог, понять не можем. Смотрим, возле деревьев все разрыто. Глубоко разрыто. Чернозем заменил нам творог. И считалось, чем чернее чернозем, тем лучше «творог»! Мы набрали баночки, и тут появились какие-то мужики: «Уходите! Это наш творог!» — закричали они нам.

И вытолкнули нас из леса. «Творог» этот люди при-

носили домой, разводили водичкой и ели. И уж, конечно, не брезговали мы выброшенными в помой костями. На Кушелевке стоял вагончик-столовая. Повара выкидывали на улицу использованные кости, я их собирала, и мы жгли их на плите, чтобы получалась коричневая мука.

Очереди за хлебом были всегда. И на что только не шли люди, чтобы получить лишний кусочек. А хлеб был какой — сплошной жмых, дуранда. Однажды в очереди я наблюдала такую картину. Одной из женщин взвешивали хлеб, как вдруг сбоку другая схватила этот хлеб и упала на пол. Люди из очереди ее начали бить ногами, руками. Она проглотила хлеб, встала и сказала: «А теперь хоть убейте».

Были случаи, когда хлеб вырывали прямо из рук, особенно у бабушек. Бывало, они идут чуть живые, в руках несут свою пайку, а кто-то подбежит и выхватит. И я один раз грешным делом подумала сделать то же. Увидела одну такую бабульку и думаю: «Ничего, я сейчас у нее с руки быстро смахну», но не смогла, заревела и отошла в сторону. А потом, когда прибавили немного хлеба, мы с сестрой ходили по очереди карточки отоваривали. Прятали даже друг от друга, потому что каждый из нас надеялся съесть маленький кусочек довеска, если он попадался.

Помню, как и на меня напали, пытаюсь выхватить хлеб. Я возвращалась уже домой, накрутила себе на руку длинную ручку сетки. Навстречу идут строем по четыре человека МПВОшники-мужчины, и вдруг один из них отделился, хватя меня за сетку и потянул к себе. Я растерялась, подумала: «Ну все, семья — столько человек! Умрем!», а он тянет к себе эту сетку. Я не знаю, откуда у меня взялись силы, но я размахнулась и дала ему ногой между ног. Он сетку выпустил, скрючился, и я убежала.

Казалось, в блокаду ели все, что только можно было. Когда мама устроилась в вагончик-столовую на Кушелевке котлы мыть, она после смены приносила отскрёбыши. Пригорит, бывало, каша или другая еда, она все выскоблит, соберет, часа в 4 ночи придет и будит нас: «Вставайте!». Мы встаем и едим это. В ход пошли и козырьки от папиных фуражек, и ремни. Все это шло на студень.

Не знаю, для чего именно, но каждый день папа пешком ходил в Васильевский порт, отмечал там рабочую карточку. Однажды он не вернулся домой. День ждем, два ждем, три. Нет его. Решили: по дороге умер. Вставали мы тогда в 6 утра, чтобы отovarивать карточки. И вот я вышла из дома, иду к магазину и вижу у дуба кто-то лежит: я подошла и обомлела — папа. Живой. Я побежала за мамой. Мы его принесли. И когда он пришел в себя, он рассказал нам историю о том, как он сел на Невском обменять свой кусок хлеба на табак — очень хотелось курить! И проходившая мимо женщина, увидев, как он обессилел, отвела его к себе домой, накормила и держала у себя до тех пор, пока отец не окреп. Несколько дней она его откармливала, а потом спросила: «Ты можешь идти домой сам или тебя проводить?» Отец пошел домой, конечно, один. И вот, дошел до дуба и упал. А я все думаю, знать бы, что это за женщина, где она живет — отблагодарила бы.

С благодарностью я вспоминаю и свою учительницу. В блокаду меня и еще одну девочку она повела в Театр музкомедии. Мы сидели на балконе. Шел балет «Баядерка». Мы смотрели представление, а я думала: «Господи, голод, люди мрут, мы еле живые. А они танцуют, поют. Веселят нас...» После концерта учительница повела нас к себе домой, напоила чаем и угостила куском хлеба...

Все мы очень ждали День Победы. Узнали об этом под утро, в 4 часа. Наша соседка работала стрелочницей. И как раз напротив наших окон был ее пост. Я помню, она прибежала, кричит: «Теть Маня, дядя Ефим! Война кончилась!»

Лидия Александровна БЕЛЬКОВА

Великая Отечественная война была жестокой, долгой. Она унесла миллионы человеческих жизней. Мы — дети — тоже испытали много тягот и лишений.

Мой отец, Загоскин Александр Петрович, в первые же дни ушел на фронт, и уже в 1941 году из-за ранения в голову попал в госпиталь под Волховом. Вскоре этот госпиталь разбомбили, и все, кто там находился: раненые солдаты, офицеры, врачи и медперсонал — погибли.

Когда отец погиб, мне было три года, поэтому помню я его плохо. Без конца приходили похоронки с фронта в дома наших соседей, пришла похоронка и в наш дом... Мама моя — Загоскина Калистрения Васильевна — очень тяжело перенесла гибель отца. Она долго болела, а в 1944-м умерла. Я осталась жить с бабушкой — Загоскиной Анной Павловной и ее тремя дочерьми, еще несовершеннолетними Евстолией, Катериной и Анастасией. Бабушке было очень тяжело, ведь воспитывала она детей одна.

Поэтому бабушка отдала меня в Сямженский детский дом. Отвезла меня на саночках в деревню Лисицинская. При расставании с ней я очень плакала, рыдала, цепляясь за ее одежду. Мне было тогда 6 лет. Повсюду был голод, холод, и от этого расставания мне становилось еще холоднее.

В детском доме постоянно хотелось есть, хотя нас и кормили супом и кашей. Больше всего мне почему-

то запомнился гороховый суп, пшенная каша и черный хлеб, пахнувший керосином, из-за того, что формы, в которых их выпекали, смазывали керосином — масла ведь не было. В детдоме нас было больше ста человек. Младшие жили отдельно от старших в деревенских деревянных домах. Зимы были лютые, холодные, гулять на улицу не пускали. Мороз был такой, что птицы на лету замерзали и падали в снег. Спали мы по двое на кровати валетом. Хотя у нас в доме было печное отопление, все равно было холодно. Топить приходилось дровами.

Еще помню, с каким вниманием, несмотря на все тяготы войны, относились к нам воспитатели. Старались каждого погладить или прижать к себе, приласкать. Я до сих пор вспоминаю их ласковые глаза и руки. Летом мы ходили на луга, в лес. Собирали ягоды, грибы, съедобные травы и ели их.

Война кончилась в мае 1945 года. Помню тот солнечный, теплый, по-настоящему весенний день. Великий День Победы — 9 Мая. После радостного известия мы высыпали на улицу, снега уже не было. Мы подбрасывали

свои шапки и панамки ввысь и кричали: «Гитлер капут!». Жуков взял Берлин — радости нашей не было конца. Началась мирная жизнь. В детдоме стали лучше кормить — перешли на четырехразовое питание. Самым худеньким дополнительно давали масло, яйца, молоко и другие продукты. Я тоже была из числа тех, кого усиленно подкармливали. Хорошо помню, что всем перед обедом давали по столовой ложке рыбьего жира. Иногда рыбий жир давали и перед ужином, а летом утром, перед завтраком, давали майский мед. Это было такое лакомство для нас!

В детдоме после войны построили двухэтажный спальный корпус для всех детей. На первом этаже спали мальчики, а на втором — девочки. Еще был построен двухэтажный дом для администрации. Учебный корпус, где мы готовили домашние задания после уроков, стоял уже давно. Туда к нам на занятия приходили учителя математики, русского языка и по другим предметам и объясняли все, что кому-то было непонятно. Школа от детдома находилась близко. К учебе у нас все относились серьезно. В первом классе все дети учились на «4» и «5». У нас в классе была староста группы, которая после уроков докладывала завучу детдома, какие отметки мы получили в школе. Я как-то на уроке получила тройку и за это меня вызвали на беседу к завучу. После этого троек я больше не получала.

Недалеко от нас протекала река Сямжа. На реку мы ходили купаться летом и учились плавать. Туда же вместе с нами бегал и медвежонок Миша — настоящий медведь, которого весной в детдом привели местные

жители. Плавал он хорошо, но очень боялся машин и грозы. Его научили танцевать и давать лапу. Медвежонок к осени подрос, и его посадили на улице на цепь, а осенью и вовсе увезли — в цирк или зоопарк, мы точно не знали.

Летом мы помогали взрослым: дергали лен, убирали картофель, собирали колоски, ходили на сенокос, сгребали сено. Собирали лечебные травы, березовые почки и все это сдавали в аптеку. В детдоме держали свое подсобное хозяйство: поросята, кролики. Выращивали овощи. Для уборки помещений заготавливали на зиму березовые веники. Мы сами мыли полы в спальнях и учебных комнатах. Дежурили по столовой, по кухне. В детдоме была строгая дисциплина. Старшие дети шефствовали над младшими, помогали в учебе. Запомнилось, что на большую перемену в школу нам давали бутерброды в матерчатых, специально сшитых мешочках.

В детдоме был детсовет, куда входили старшие дети, которые помогали воспитателям: они дежурили по детдому вместе с дежурным воспитателем. Кроме учебы и помощи взрослым у нас были и развлечения. Нас водили в сельский клуб на киносеансы. Телевизора тогда не было. Поэтому в выходные дни мы часто усаживались вокруг радиоприемника, слушали радио. Или заводили патефон, слушали песни, музыку, играли на пианино и танцевали. Любили читать книги, которые брали в библиотеке. Большой популярностью у нас пользовались и детские журналы и газета «Пионерская правда». В детдоме для нас работало много кружков: танцевальный, акробатический, хоровой, драматический и другие. К каждому празднику дети выпускали по сценарию, который писали воспитатели. Приглашали на праздник в детдом учителей и шефов из Леспромхоза, которые всегда привозили нам подарки. Мы дружно отмечали дни рождения, пекли пироги и делали подарки. К Новому году сами делали игрушки для елки. Одевали нас хорошо: зимой мы носили валенки,

шапки-ушанки, зимнее пальто, шаровары для девочек, школьную форму. Весной давали ботинки с галошами, шапочки фетровые, осеннее пальто, а летом — панамки, летнюю обувь.

Торжественным моментом для нас был прием в пионеры, а уж потом, со временем, не могли дождаться, когда повзрослеем и станем комсомольцами. И уж совсем взрослыми мы себя почувствовали, когда директор детдома разрешила нам после окончания 7 класса поступать в училища по желанию. Нам предложили поехать в Ленинград, в специальное ремесленное училище № 27, и мы согласились. Училище полностью взяло заботу о нас: кроме того, что здесь нас обучали навыкам профессии слесаря-сборщика, нас полностью одевали, а летом вывозили за город, где мы отдыхали все лето. В училище мы учились 2 года, находилось оно на Волковском проспекте, в доме 4 «А». Закончила училище я в 1956 году. Нас отправили в Барнаул, на завод геофизической аппаратуры. Там мы работали по своей специальности. Завод был совершенно новый, еще не все цеха были оборудованы. Мы собирали приборы для геологов. Через два года вернулась в Ленинград, устроилась на работу и поступила в техникум промышленной теплотехники на отделение контрольно-измерительных приборов (КИП). Еще закончила дошкольное педагогическое училище и работала воспитателем в детском саду.

Дети нужны были государству, поэтому для нас были созданы все условия. Дети из детских домов трудились на благо любимой Родины — честно, хорошо и долго.

*Саратовский
Пединститут, 1955 г.*

Лариса Евгеньевна БУМАГИНА

*«А годы летят,
наши годы как птицы летят,
И некогда нам оглянуться назад».*

Да, годы уносят остроту печалей и радостей. За поствоенные годы произошло много событий: радостных и печальных, разрушительных для нашего государства, личных.

Восстали из пепла города и села, деревушки, запылали домны, восстановили промышленность, запустили в космос корабли и ракеты, буквально встали на ноги селяне — кормильцы страны, взрастили новое поколение — детей своих.

Дела, заботы, радости большие и маленькие, печали — жизнь вокруг. Но живы воспоминания о тяжелых годах войны и последствий её.

68 лет минули со дня Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне над фашистской Германией, но каждый раз перед Днем Победы, в день 9 мая, обостряются воспоминания, щемят сердце.

В жесточайших боях, в тяжелейших походах гибли люди всех национальностей нашей необъятной страны. Одинаково рыдали и убивались от горя родные, причитая и молясь на разных языках.

*«Надо мной фугаски не свистели,
Не кружил проклятый “мессершмитт”».*

Я тогда жила в тылу, в маленьком степном городке Красный Кут немецкого Поволжья, позже Саратовской области, с мамой, бабушкой и дедушкой. Играла с ребятами, как все дети, не делясь на украинцев, немцев, татар или русских. Ходили к друг другу в гости, шалили, забавлялись, а родители работали.

Что осталось в памяти? Идеальная чистота в доме и во дворе, опрятность в одежде, трудолюбие соседей.

Внезапно объявили по радио, что Германия напала на СССР. Мне, семилетней, было не объять умом: как это немцы начали с нами воевать? Вот же мои друзья-товарищи, дети районного прокурора немецкого участка Гигеля играют со всеми нами и не дерутся. Согласно приказу срочно сдали все радиоприемники и репродукторы — началась радиодиверсия.

Вскоре встали утром, а во дворах соседей немцев пусто. Детей и взрослых, как после выяснилось, в одну ночь выселили в Среднюю Азию. Побежали к дому моей крестной матери Клавдии Ивановны Беккер, что был через несколько улиц, — пусто. Вопрос к дедушке Афанасию: «Деда, а как же ребята без молока будут?» В ответ: «Война, будь она не ладна!»

Началась мобилизация в армию. Рядом был военкомат. От крика и отчаянного женского плача, воя детей леденело сердце. Уходили отцы, братья, сыновья и дочери в неизвестность. Резко сократилось снабжение, подача электричества. «Все для фронта!» И не роптали, думали о родных и любимых на передовой. Ежедневно утром спешили к радиорупору на рыночной площади услышать последние известия с фронта. Навсегда запомнила голос радиокomentатора Юрия Борисовича Левитана: «От Советского Информбюро... Наши войска после тяжелых боёв понесли потери и оставили... оставили... отступили...». Наваливался страх, повзрослели умом и дети.

Вдруг поутру дедушка стал рыть во дворе бомбоубежище с двумя выходами. «Дедушка, а зачем?» — «Приказали оборонять себя от бомбежки». — «А это что, деда?»

Назавтра слышали в небе тяжелый, неслыханный раннее звук «уу-уу-уу», надрывной. Летел немецкий само-

лет-разведчик. Вокруг все замерло — тишина, даже собачьего лая или щебетания птиц не слышалось, страх обуял.

На следующее утро фрицы сбросили бомбу на железнодорожный мост, но она, к счастью, не разорвалась. По этому мосту через реку Еруслан и нашу станцию беспрерывно шли эшелоны к Сталинграду, на Москву, на Восток, в Сибирь, в Среднюю Азию.

Арестовали каких-то наводчиков-сигнальщиков, которые подавали световые сигналы фашистам. Враг приближался к Сталинграду. Беспрерывно шли эшелоны, санитарные поезда. И в нашей самой большой новой школе обосновали военный госпиталь. Там были большие коридоры, все удобства. Леденело сердце от жалости, когда приходилось видеть страдальцев: иных без ног, иных без рук, слепых, с незаживающими ранами. В теплую погоду их выносили на носилках во двор школы, а она была через улицу от нашего дома.

Мама с сотрудницами ходили в госпиталь, писали за них письма, пели им песни, шили в праздник кисеты для них. Военкомат давал материал и табак, у самих-то возможности не было. Выздоровливающие приходили к дедушке в мастерскую, он был плотником-столяром в школе, отводили душу в беседе с «папашей», так они его называли. Наверное, сердцу было теплее от этого слова. Дедушка был начитан, умен, душевный.

Я пошла в первый класс в отдаленную школу, но стали прибывать беженцы с оккупированных территорий — школа переполнилась. Несколько классов перевели во временное помещение, я там училась.

Враг наступал. Продукты съедены, запасов-то не дали. По карточкам давали 200 г хлеба на ребенка, 400 г — на служащего, 600 г — на рабочего. Хлеб-сырец, его называли «запалец-в-палец», так как слой в палец липкий и вязкий был у нижней корки. За ним мы ежеутренне стояли в очереди у хлебного киоска, и даже в зимнюю стужу. То было лакомство!!! Да еще и временная сытость.

Электричество совсем отключили. Стали пользоваться «коптилкой». Это пузырек с керосином или бензином (на дне соль, чтоб не вспыхнуло), в нем железная

трубочка с фитильком. Горючее было дефицитом. Спичек не было, бегали за угольком сосед к соседу. Соль тоже была дефицитом. Появлялась «верблюжья соль», то есть в больших кристаллах и серая, ее не обрабатывали. Если кто-то выращивал картофель во дворе, посолить было нечем.

Но мы не были на оккупированной территории! Мы не испытывали неприкаянность, когда не было угла, где можно было остановиться. Прибывали и прибывали беженцы. В бывшем немецком доме поселили украинку Галю с двумя маленькими детьми. Жилье дал горсовет, люди дали ложки, кружки, получила хлебные карточки и запела. Как она пела украинские песни! Что-то делала в доме, мыла-скоблила, чистила стекла и забавляла детей песней. Чем еще могла? Взрослые утирали слезы, они понимали материнское счастье, что дети живы, она их сохранила на будущую жизнь, она их не лишилась. А я любовалась тетей Галей и ее песнями.

В нашем городке располагалось Качинское военное летное училище. Его выпускники убывали на аэродромы и сразу в бой. Любимым другом моей тети Саши был курсант Саша Никитин из Ленинграда. Он погиб в воздушном бою над Сталинградом в страшной битве через двое суток по прибытии. Это было потрясением в нашей семье. Мы все полюбили Сашу, он бывал у нас в увольнениях. Я все льнула к нему и пела: «Дядя Саша хороший и пригожий, дядя Саша — всех юношей моложе...» И он играл со мной в бегалки-догонялки. Светлый незабываемый человек! Светлая память. Двое Саш хотели пожениться. Перед убытием на фронт он оставил свой чемодан у Саши-невесты, как талисман — символ будущей встречи. На тетю Сашу страшно было смотреть. Она забывалась в операционной госпиталя напротив, где работала операционной сестрой, а дома — молчала, молчала.

Когда сняли блокаду Ленинграда, она стала переписываться с матерью, потом сестрою Саши Ольгой, кажется. Замуж она не вышла до конца своих дней и жила всегда одиноко. Портрет Саши всегда и везде висел на стене, где-бы она ни работала: учителем русского и литературы или в редакции, и где бы ни жила.

Так случилось, что в том бою был ранен Сашин командир. Майор Рягузов, выздоравливая, тоже приходил к дедушке. Однажды дедушка сказал моей маме, что Рягузов просил дедушку поговорить с нашей Сашей и убедить ее, что он уважает ее чувство к погибшему Саше (а он был его курсантом), но Сашу не вернуть. Он обещает оберегать ее чувство и свою добрую память о нем. Он тоже любил Сашу, мою тетю. Что говорил дедушка, не знаю, но тетя ответила молчанием. Она была красивой и достойной. Были еще и достойные претенденты позже, но «сердцу не прикажешь».

Жить становилось все труднее: донашивалась одежда, обувь, крохи какой-то еды заканчивались. Наши матери были изнурены голодом и переживаниями за детей своих. Моя мама много позже сказала мне, что ей было страшно возвращаться с работы и видеть мои большие голодные глаза и руки, подсунутые под шапку волос, чтоб не мерзли.

Из областного города Саратова матери шли по заснеженным дорогам и полям и тянули детские саночки с какими-то вещами для обмена в деревнях на горсть зерна или какие-то овощи. На поезд было не попасть — мчались военные эшелоны.

Вот в такую пору появилась «гастролирующая» банда «Черная кошка». Свой автограф бандиты оставляли на стенах в виде начертанного углем контура черного кота. Грабили путников и дома, были и убийства. Находились и нелюди в ту пору. Милиция ликвидировала банду.

Моя мама работала в народном суде. У суда была пара коней для выезда судей в район. В выходной зимний день ей разрешили съездить в поле и набрать чернобыла — сухой высокой травы, а коню заболел, но показал маме, как править лошадьми. Мама с напросившейся девочкой Тамарой — она была гораздо старше меня, уехали. День зимний короток, темнеет быстро, а работа нелегкая — наломать и нагрузить воз не женская работа.

Стемнело. Мама сбилась с дороги. Темнота вокруг. Мама взяла коней под уздцы и пошла по дороге, Тамара — наверху. Вдруг, о радость, засветились огонечки неподалеку! А кони заржали и начали шархаться. То были волчьи глаза. Закричала Тамара. Мама быстрее зашагала на самый

Ленинградцы на строительстве баррикады у «Кировского завода».

большой огонек — это светило окно крайней хаты, где жила семья с отцом.

Он уже вернулся с фронта безруким. Он и выручил. Утром мама приехала. А я всю ночь не спала, металась и подвывала, как щенок, тряслась. Дедушка пришел и лег рядом, успокаивал.

Враг потерпел поражение в битве под Сталинградом. В большое кирпичное здание кинотеатра стали привозить машинами пленных немцев, голодных и обмороженных. Однажды еле передвигающийся унтер подошел к забору-частоколу, где жила моя тетья, стал показывать фото матери, детей... Потом сказал: «Ихъ бин ниht наци. Ихъ шиссе ниht фрауэн унд киндерн. Ихъ бин нур зольдат. Гитлер капут». — «Я не нацист. Я не убиваю женщин и детей. Я только солдат. Гитлеру смерть». Он протянул кольцо с руки и попросил: «Ихъ мёхте брот, картофельн, ганц венихъ». — «Мне бы хлеба или картофеля, немножко».

Производство танков Т-34-76.

*На переднем плане 76,2 мм пушки Ф-34 образца 1940 года.
Цех челябинского «Кировского завода», 1943 год.*

Кольцо не взяли естественно. И на обмен дать было нечего. Я рассказала дедушке об этом, он ответил: «Паны дерутся — у холопов чубы трещат».

Солдат посылают. Наш солдат защищал дом, семью, Родину.

Германия извинилась. Наши защитники полегли на полях сражений. Так это было на земле.

Госпиталь перебазировался куда-то. Мы стали учиться в своей школе.

Большие светлые классы, физический, химический кабинеты, спортивный зал и холод — холодище. Три-четыре серых поленца закладывали в большую голландку на целый день. Сидели в пальто, шапках-платках, варежках, если не писали. Сесть на холодную скамью парты было страшно — все коченело. Чернил не было. Если был у кого-то химический карандаш, из стержня которого разводили чернила, тот считался счастливым. Мне дедушка делал коричневые чернила из мо-

рилки. Носили мы чернила в мешочке за пазухой, чтоб не замерзали в «непролевайках». Висели чернильницы в накинутых на шею за шнурок мешочках. Бумаги не было. Писали между строк на старых газетах, на чем придется. Учебников было очень мало. Нам давала учебники для групповой учебы повременно наша учительница. Часто раздавала несколько экземпляров задач и упражнений, переписанных из учебников.

Но учились мы прилежно. Никогда не забуду свою учительницу со 2-го по 4-й класс Анну Ивановну Трибунскую. Учитель-подвижник, она обучала нас и оберегала самоотверженно. На переменах водила с нами игровые хороводы, мы играли в подвижные игры — грелись. Она тормозила нас холодных-голодных холодная-голодная сама. Я на всю жизнь запомнила, как мы дружно пели:

*«...Ты не вейся, черный ворон,
Не маши бойцу крылом.
Не накличешь сердцу горя,
Все равно свое возьмем...»*

Наша строгая, но любимая за сдержанность, справедливость, тактичность и уважение личности ученика завуч Котелевская Мария Георгиевна была совестью и символом нашей школы. Она лепила, как скульптор, из нас граждан. Она отчитывала нас так, чтобы в нас проснулась совесть. Выговаривала: «Как же ты, Иванов, такой умница и постоянный защитник школьных малышей, умудрился снять конек с валенка мальчика, чтобы покататься? Ведь бабушка приходила. Теперь стоишь “очи долу”! Имеешь смелость извиниться? Решай сам»; «А вот Петров у нас достоин похвалы: сдал все зачеты по предметам, по которым отстал во время болезни, — в академический отпуск не пойдет, что очень отрандно!» Она могла даже в милицию пойти, если ребята по глупости что-то, конечно не криминальное, натворили, и отстоять. А озорников одолевал стыд.

Сколько будущих специалистов выпустила наша 3-я школа! Они знали наши наклонности и лепили тружеников и граждан из нас. Ездили с нами подбирать колоски после ко-совицы в поле, голодные-холодные они устраивали нам утренники и вечера, лектории.

Нашей школе передала свое пианино известная пианистка из Ленинграда. При эвакуации она как-то сумела вывезти пианино, больше ничего. Она рассказывала нам о композиторах, певцах, музыке, играла сама. Словом, помогала нам школа окрепнуть духом, стать достойными людьми.

В нашей школе были две классные комнаты, где занимались эвакуированные из Польши еврейские дети со своей учительницей. Советский Союз помогал бедствующим.

Шли бои на фронте, шли с ними в ногу нужда, холод, голод, но мы жили мыслью: «Все — для фронта, все — для победы!», дети помогали чем могли. У нас было железнодорожное депо, где ремонтировали паровозы. Сгоревший уголь выбрасывали на площадку. В этой массе встречался недогоревший уголь. Его-то и выбирали дети. Взрослым запрещалось подходить, а дети что же?

Война косила людей, как траву. То в одном, то в другом доме оплакивали погибших, рыдая в голос, а что еще страшнее — молча и с потухшими глазами. С замиранием сердца встречали почтальона: вдруг он несет извещение о смерти — похоронку.

Мой дядя Павел перестал присылать «треугольники». Жили в страхе месяца 3—4, потом пришло письмо, написанное чужой рукой: дескать, лежу в госпитале, в руку ранен, а так все в порядке. Жив!

Шло время. Бои откатились на Запад, вечерами стали давать электроэнергию, было светло. Мы всей семьей сидели за столом, грелись кипятком с какой-то душистой травкой. Вдруг стук в окно. Мама отдернула занавеску и стала падать — за окном стоял служивый в стеганке с офицерскими погонами, в портупее, в ушанке. Виднелось худенькое полупрозрачное лицо, похожее на Павлика. Мама пересилила себя, побежала в сенцы, оттуда донеслось рыдание и крик: «Павлик, родной, братишка!» Вошел мой любимый дядя Павлик, уменьшенный вдвое от худобы, слабый, слезы и радость на лице и боязнь — не устоит. На груди орден Боевого Красного Знамени или Красной Звезды (точно не помню).

Наш Павлик был призван в армию из педагогического училища мальчишкой. Стал офицером танковых войск.

В жестоком бою снаряды кончились, танк подбит,

Сборка автоматов ППД на одном из ленинградских заводов.

горючее на исходе, экипаж ранен, танк загорелся. Фриц на тяжелом танке решил раздавить наш легкий танк и стал подниматься на него, как на горку. Дядя резко рванул рычаги и фриц перевернулся вверх «лаптями». Наш танк горел. Подоспевшая наша пехота вытащила обгоревшего дядю. Он пролежал в госпитале 6 месяцев на животе, так как обгорела спина, ягодицы, ноги, пятки. Он лежал в Саратове на расстоянии нескольких десятков километров от дома. Сначала был в коме, потом было не до писем, потом не хотел расстраивать родных. После отпуска его отправили в войска, но не на строевую службу, его отправили в освобожденную Белоруссию на борьбу с бандитизмом. Долго он не прожил, умер через 4 года после Победы.

Теперь голос Ю. Левитана сообщал, что враг отступает в результате тяжелых боев, советские войска освобождают нашу территорию. Фашисты всячески старались взять реванш.

Однажды поздно вечером я вышла во двор и увидела огромное зарево в стороне города Саратова за Волгой. Было огромное расстояние, но огонь рвался в небо. Жуткое зрелище!

Оказалось, что фашисты прорвались и сбросили на завод крекинга нефти тяжелую бомбу. Горели бьющие в небо фонтаны нефти.

Невероятно было, но факт: мы не упали духом, не очерствели наши сердца. Когда было совсем не вмоготу, вся наша семья собиралась вечером у чуть теплой голландки, печки кирпичной, приходила тетя Оля — соседка, она жила в доме Гигелей с двумя племянницами: ее, фронтovou сестру, отозвали с фронта для воспитания этих сироток — дочек погибшей сестры; и мы пели. Да, пели: «Ревела буря, гром гремел», «Ой, Днипро, Днипро», «Из-за острова на стрежень». Мама, будучи девушкой, пела в церковном хоре и хорошо играла на гитаре. Пение было грамотное, слаженное. Горела коптилка, если опять отключали электричество. Пробивался сквозь замерзшие окна лунный свет. Но душа отдыхала.

Я помню, когда наши войска освободили часть Белоруссии, летное училище посылало транспорт за картофелем. Моя тетя Капитолина работала в училище и наряду со всеми получала тоже картофель. Его кожуру срезали с «глазками» — то есть местами с росточками. Эту кожуру посадили на выделенной земле и получили урожай. Пять мешков картофеля. Это был фестиваль! Сторонись, голодуха!

В этом училище одно время учился Василий Сталин. Отчаянный парень, любитель голубей. Напротив нашего дома жил Серафим Кузьмич, заядлый голубятник. Василий прибегал к нему в увольнения. Мелькали длинные палки с тряпками наверху, раздавались рулады свиста и посвиста — голубятники стояли на крыше и гоняли голубей.

И.В. Сталин как-то узнал, что Василия кормят в офицерской столовой, прислал письмо и предписание о переводе Василия на полное курсантское довольствие. За неисполнение предписания начальнику училища должно было последовать строгое взыскание. Не знаю, знал ли Серафим Кузьмич, с кем голубей гонял. Об этом рассказали моей бабушке Дарье ра-

ботницы столовой, где ранее бабушка работала помощником повара.

Я тоже была маленькой стряпухой — варила свежие свекольные листья, снятые с грядки во дворе. Однажды мама дала мне денег, чтобы я купила на рынке 1 стакан муки, из нее делали «затирку» (посыпали муку солью, обрызгивали водой, растирали пальцами, получившуюся мелочь варили в воде).

Сама мама пойти на рынок не могла, так как за опоздание или отсутствие в течение 5 минут судили. Я у «доброй» тети, были и такие люди — не ангелы, купила 2 стакана. Прибежала с радостью к маме: «Я купила два стакана!» Мама взглянула — намокли глаза: «Ляля это отруби, ты же не знала». А денег то больше нет.

Как и вся страна, мы с тревогой и болью в груди ждали вестей о блокадном Ленинграде, об эвакуированных детях, о ледовой дороге по Ладоге, о гибнущих от голода-холода жителях несломленного города.

Жили вестями о доблести и отваге, победах и неизбежных потерях наших защитников на фронтах жесточайшей войны. Навсегда запали в душу слова: «Ленинград мой, милый брат мой, Родина моя!» Это была и моя Родина — живая частичка нашего Отечества.

Весна 1945-го. Приближалась Победа, добытая огромной ценой. Ждали и боялись обмануться: союзники не торопились с кардинальной помощью. Взрослые что-то рассуждали по известиям по радио и из газет. Победа близка, чуть-чуть, чуть-чуть.

Утро 9-го мая. За окнами серенький свет — моросит дождь. Рано вставать. Мы с мамой в одной комнате, бабушка с бабушкой в другой за тонкой стеной.

Вдруг загрохотал отчаянный стук в оконную раму, крик сквозь рыдания: «Люды, що ж вы спитэ! Устаньте ж, люды! Победа ж, Победа!» То будила нас певунья Галя. Позже она уехала к себе на родину.

Послышался стук падающего тела и крик: «Сыночек родной, Алешенька-а-а». То кричала, падая в обморок, моя бабушка Дарья. Ее родной сын Алексей Еловенко погиб в воздушном бою, он был летчиком.

Побежали на площадь к репродуктору — он еще молчал. Бросились к военному училищу, там подтвердили — Победа! Целый день на центральной площади играл военный оркестр, лились песни со слезами радости, оплакивались погибшие, кружились в танцах... Конец войне! Конец проклятой войне!

Начались будни борьбы с разрухой, нуждой...

Мы одолели войну, но еще долгие годы залечивали раны в душе, лечились сами, восстанавливали порушенное войной, создавали новое в нашей Отчизне.

В апреле 1946 года, будучи ученицей четвертого класса, я была награждена бесплатной путевкой райкомом комсомола за отличную учебу и примерное поведение во Всесоюзный пионерский санаторно-курортный лагерь «Артек». Собирали носочки-чулочки, тапочки с трудом.

Сбор в Саратове. Сопровождала нашу областную группу до Симферополя фронтовая сестра Клавочка Луничева. Встретил нас «Артек» едой, вкус которой был давно забыт. Дети из детских домов, погибших фронтовиков, полусироты отдыхали от нужды военных лет.

И здесь война напоминала о себе. В лагере девочек Суук-Су осталась часть стены, бывшего дворца пионеров всех отделений лагеря. В этом большом красивом здании были комнаты смеха, игр, танцевальный и музыкальный залы, технические кружки, огромный концертный зал...

При отступлении фашисты дворец частично разграбили, потом подожгли. Он горел двое суток. Кто-то пытался тушить пожар — расстреляли.

А когда нас впервые вывели в чудесный парк на прогулку, то предупредили, что нельзя близко подходить к Черному морю, так как перед нашим заездом подорвались на mine двое ребят — море выбросило мину.

Были ребята со всех сторон Советского Союза. Я запомнила Валу Лениус из Луги, Тамару Кудрявцеву из Вольска. Спустя годы мы встретились с Тамарой в Саратове, где были зачислены на первый курс Саратовского государственного института.

Девочка дарит цветы Герою Советского Союза гвардии полковнику Анатолию Георгиевичу Афанасьеву, идущему во главе сводной роты 63-й гвардейской стрелковой дивизии во время парада на Дворцовой площади Ленинграда.

В лагере закончили 4-ю четверть учебного года, лечили нас, кормили замечательно, развлекали — воспитывали.

День Победы! Входим в столовую. Входит начальник лагеря и говорит, что повара и он извиняются за муравьев, ведь эти паршивцы решили полакомиться праздничным тортом и полезли на крем. Муравьи безопасны, но крем. Внесли огромный торт — украшения из разноцветного крема были усыпаны муравьями. Съели! Вот такой был веселый курьез. А потом в нижнем лагере, где жили мальчики, был общелагерный костер.

Через 45 дней вернулась домой. С поезда добежала до дома, потом к маме на работу. Она меня едва узнала издали — розовощекая булочка. Мама сидела за столом в легком красном платье. Гляжу — на ее ногах ва-

ленки! У нее порвались единственные босоножки «чарльстонки», она их отнесла чинить, но сапожник не успел. Утром в мае мама пошла на работу в валенках. Встреченным по пути на вопрос: «Верочка, что с тобой?», отвечала: «От ушиба распухла нога, не могу обуть ничего». «Нечего» сказать было горько.

Есть скудную еду после «Артека» поначалу было трудно, «го-лод — не тетка» сделал свое дело. Жизнь налаживалась. Трудно жили и просто выживали, выстаивая огромные очереди за хлебом после отмены карточной системы, трудясь, напрягаясь. Все одоле-вали и говорили: «Лишь бы не было войны». Спустя годы похи-хивать стали некоторые, куплетики сочинять про «лишь бы не было войны». Кошунственные ухмылки.

Я живу в Санкт-Петербурге десять лет. Мой муж Валерий Анд-реевич после окончания военного училища начал службу в поселке Саперное. Потом мы ездили по гар-низонам долгие 25 лет службы в ар-мии, теперь мы опять здесь.

В.А. Бумагин. Рудель-штадт, 1958 г.

Здесь наши дети, внучка и пра-внуки. Только Валерий Андреевич покоится на одном из мемориальных кладбищ рядом с общими могилами погибших и умерших от голода в пе-риод блокады 1941—1942 годов.

Нас, свидетелей той ужасной, жестокой войны, все меньше. Оста-ются памятники и художественные произведения. Кто не читал повести «Мальчик из города», «Девочка из Ленинграда» Ольги Берггольц, прочитайте.

Чтобы быть сыном, дочерью своей страны, нужно знать свою историю. Не хлебом единым жив человек. Нельзя жить без знания самих себя, своей духовности, изобретательности, созидательного труда своего народа, высокой культуры,

которая ценилась другими странами, заслугами и готовностью многих на самопожертвование ради других.

Певица Галина Ненашева проникновенно и трепетно пела:

*«Любите Россию,
Любите Россию
И будьте России навеки верны.»*

Побольше бы песен, напоминающих о чувстве собственного достоинства и гордости за свою родную сторонку. Горько было однажды услышать из уст подростка: «А что? Победила б нас Германия — попили б пива ихнева!»

Не пришлось бы молодым туристам из Чехословакии бросить укор группке наших молодых людей, что нельзя веселиться у могил мемориального кладбища. Горько, но утешаю себя мыслью: «Возможно, они вели себя так, чтобы скрыть скорбь или слезы!»

Году в 1980—1982-м я побывала в Минске, в музее Великой Отечественной войны. Осмотрев экспонаты и обьяв сердцем еще раз человеческую трагедию тех лет, я вышла со своей родственницей, жительницей Минска, из музея благодаря усиленной вентиляции последних залов (она необходима для людей со слабым сердцем). Навстречу нам, выйдя из автомобиля, шла группа французов. Старший из них вскинул руку со сжатым кулаком с приветствием: «Рот Фронт», приветствием антигитлеровской коалиции. Помнит мир подвиг нашего народа, ценит и помнит. Кое-кто подзабыл и клеветает на нас, что мы — страна варварская. Нам говорили «страна дураков» — мы вторили, нам говорят о нецивилизованности — мы, зачастую, стараемся срисовать худшее. Обидно!

Ленкарень, 1962 г.

Самара — Санкт-Петербург, 2002 г.

Обидно за тех, кто оставил нас жить, заслонив своей грудью.

Я убеждена, нашим тетям, дядям от образования нужно пересмотреть состав материала учебников. Не насаждать с первого класса детей знаниями зарубежных сказок, былин. Или не было сказочников в России старой, советской и новой? Не было творчества Расула Гамзатова, Пушкина, Бажова... Были эти люди, писали для души детей и взрослых. Нужен, на мой взгляд, министр просвещения для средней школы, глубоко знающий возрастные особенности детей, со своей командой, чтобы контролировать состав материала

учебников. Министр высшей школы и науки — другая категория. Молодежь нужно возвращать духовно, а не только вскармливать и наряжать.

Любите Россию. Помните предков, любите живущих.

Нина Федоровна БУРДАЕВА

Я родилась 26 декабря 1929 года в деревне Апушево Ярославской области. В Ленинград мы переехали в 1933-м. Жили на Обводном канале, в доме № 177, в 60-й квартире, напротив завода «Красный Треугольник».

В 1941 году мне было 11 лет. Мы собирались на дачу, когда объявили о начале войны. В нашей семье было 7 человек. Брата сразу взяли в армию, папа пошел на строительство бомбоубежищ. В магазинах стали раскупать все продукты. Начались сильные бомбежки.

8 сентября город оказался в кольце блокады. Горели Бадаевские склады с продовольствием. Помню, как две мои старшие сестры пошли на эти склады за горелым сахарным песком и принесли половину ведра. Этот песок мы кипятили в воде, процеживали через тряпочку и пили сладкий чай.

Во время одного из налетов мы спустились в подвал дома. В это время один из снарядов попал в край нашего дома, и часть дома разрушилась. Наша квартира была разрушена, и поэтому мы всей семьей переехали к моей старшей сестре на Римского-Корсакова. Здесь нас жило 9 человек в одной комнате.

Город постоянно подвергался бомбежкам. В один из таких моментов мы все ушли в подвал, кроме старшей сестры и ее дочки — они не могли подняться с кушетки. Бомба попала во двор, и сильной ударной волной сестру с де-

Изготовление артиллерийских снарядов на одном из ленинградских заводов.

вочкой выбросило в коридор. Все стекла и двери были выбиты, но сестра осталась жива.

Нашей семье опять пришлось переезжать. На этот раз на 18-ю линию Васильевского острова.

К тому времени в городе начали выдавать карточки, по которым можно было получить 125 граммов хлеба. Водопровод не работал, тепла не было. Но нас спасала печка-буржуйка, которую мы купили у соседа на последние сбережения. Буржуйку топили шкафами и столами. Спали все рядом на полу, прижавшись друг у другу, не раздеваясь. Была, правда, одна кушетка и одна кровать, но на них спали маленькие дети.

За водой ходили на Неву. Там была прорублена прорубь и всегда выстраивалась очередь. Воду носили в бидончиках.

Кушать дома было нечего. Сосед приносил столярный клей, мы его варили и ели получившийся «студень».

Однажды мы с мамой пошли в магазин за хлебом. Мама стала подавать карточки, как вдруг к ней под-

бежал какой-то парень и выхватил их — мы остались без еды. Маме стало плохо. Она упала на трамвайные пути и не могла подняться. А я стояла и плакала. К нам подошел военный и спросил, что случилось. Я ему все рассказала. Он поднял маму и помог нам дойти до ближайшего дома. Две недели мы жили без хлеба...

Мой папа работал в бомбоубежище. В один из налетов дом рухнул, и он остался лежать под завалами. Мы раскопали его только через три дня. Неделю он пролежал дома и умер от воспаления легких. Хоронить на кладбище папу повезли на санках.

Помню, как однажды я проходила мимо хлебозавода и увидела, как там выбрасывали на улицу хлеб. Народ хватал буханки, а я долго не решалась — боялась, что будут ругать: это же все-таки хлеб! А потом взяла один. Пришла домой и рассказала маме, что случилось. Она обрадовалась и сказала: «Хорошо. Есть, чем папу помянуть».

В декабре в нашей семье стали все умирать. 5 человек увезли на Пискаревское кладбище. В конце апреля 1942-го нам предложили эвакуироваться. Мы согласились. В машине, которая везла нас через Ладогу, было 15 человек. Ехали мы без вещей, всю одежду надели на себя. Было очень страшно. Лед на Ладоге уходил под воду, вода доходила до кузова машины, но, несмотря на риск, мы все равно двигались. Многие машины проваливались под лед. Но нам повезло, мы живыми добрались до противоположного берега. Еды не было, мы собирали снег, топили его на огне и пили теплую воду. Только через два дня нас покормили и посадили в товарный вагон. Ехали мы 11 суток. Не все выдерживали дорогу — на остановках из вагона выносили покойников. Мама, чтобы выжить самой и не дать умереть мне, на этих же остановках меняла вещи и часы на еду.

С горем пополам доехали мы до Ярославской области. Жить нам пришлось в деревне, в съемной комнате, мыться приходилось в печке. Мама стала работать, я пошла в школу. Зимой мы — дети — учились, летом работали: возили навоз, собирали колоски.

В 1945-м мы вернулись в Ленинград. Город был весь разрушен. Мы поселились в коммунальной квартире на 5-й Красноармейской улице.

Алексей Федорович ВОЛКОВ

Когда произносят слово «война» — не важно, где, — в моей душе проносятся страшные воспоминания, которые никогда не забываются.

В 1941 году мне исполнилось 10 лет, у меня только начиналась осознанная жизнь. Наша семья состояла из шести человек: мать, отец, три брата и сестра. И вот в один из воскресных дней, находясь во дворе своего дома, я увидел, как засуетились взрослые люди. Я понял, что произошло что-то страшное, и слышал крики «Война! Война!» Но сообразить, что это такое и что теперь делать, не мог. Но когда через три месяца я увидел в нашей деревне военных и три танка, когда я увидел, как немцы стреляли по людям, мне было страшно. Оказалось, мы жили на линии фронта. Кто мог, и мы в том числе, бежали из деревни в лес. Там мы построили землянку, сделали в ней нары и стали жить. Из деревни удалось привести корову и кур. Петуха держали в яме, чтобы не было слышно, как он кукарекал. Всю зиму мы прожили в лесу. В деревню вернулись лишь тогда, когда наши войска изгнали немцев. К тому времени в деревне остался один дом и баня. Все остальные постройки были сожжены.

Отец стал строить жилье, и я все тяжелые работы выполнял с ним. В деревне снова организовали колхоз, и мы все работали — выращивали зерно, овощи и прочее.

Самодельное бомбоубежище («щель») в ленинградском дворе.

Старший брат, которому был 21 год, ушел на фронт и погиб.

Деревня наша называлась Терebene (Стругокрасненский район Ленинградской области, сейчас это Псковская область).

В 1945 году война кончилась, мне исполнилось 14 лет. Все 4 года я трудился, работал на земле с плугом и верил, что наши братья и сестры и армия освободят нашу землю и победят в этой войне.

Сейчас мне 82 года, имею звание «Труженик тыла», сейчас нас приравняли к ветеранам войны.

Вадим Александрович ГАВРИЛОВ

В тот день, когда началась война, возможно, я радовался теплым лучам июньского солнца; а может быть, мы всей семьей собирались куда-то пойти — ведь это был выходной, — сейчас, конечно, я не помню. Тогда я был маленьким мальчиком, которому было всего 4 года. Но тем не менее отдельные моменты моего военного детства навсегда остались в моем сознании и, как вспышки, напоминают о себе на протяжении всей жизни.

В конце октября — начале ноября 1941 года меня с братом и бабушкой посадили на баржу. Как выглядела эта баржа, как ни странно, я помню до сих пор, наверное, потому что мое внимание привлекла палуба: она была деревянная, выложенная в виде шашечек, и в ней почему-то была видна вода. Ночью мы приехали на какую-то пристань на Волго-Балтийском канале. Было мне в тот момент страшно или нет — не знаю, тогда я еще мало что понимал. Но я очень испугался, когда кто-то закричал о том, что нас начали бомбить. Наша баржа оказалась зажатой в шлюзе, поэтому надо было как-то спастись. Взрослые стали обкладывать детей мешками с песком. То же самое делала и наша бабушка: пытаюсь укрыть нас от пуль и осколков, она отчаянно, не чувствуя усталости, ворочала эти 10-килограммовые мешки. В щелку я видел, как по нам стреляли «мессершмитты». Черная свастика пикирующего самолета, звук и отблески от

трассирующих пуль запомнились мне на всю жизнь: создавалось впечатление будто маленькие огоньки летят по небу. Но тогда я не понимал, что нахожусь в шаге от смерти. Это осознание пришло ко мне позже, когда я вспомнил ужасную картину: рядом с нами была женщина, полная такая, и у нее тоже был ребенок. Но спасти, вовремя прикрыть его она не успела — он бегал по палубе, и его убило. До сих пор я помню ее крики... Крики... Они были все время...

А потом была эвакуация в Казахстан, в город Джамбул. Незадолго до нас туда уехала семья моей тети. В своих письмах нам они писали, как неплохо устроились и что у них все хорошо. К ним мы, собственно говоря, и направлялись. Трястись в телячьих вагонах и спать на подстилке из сена пришлось долго. Но настал конец и нашему путешествию, и мы оказались в Джамбуле. Поселились мы в том же доме, где снимала жилье и моя тетя. У хозяйки был огромный сад, но срывать фрукты мы не могли. Она сама нас угощала. Конечно, жизнь в Джамбуле невозможно сравнить с жизнью в блокадном Ленинграде. Но и здесь нам приходилось затягивать пояса. И все же именно здесь у нас произошло радостное событие: мы нашли с мамой! Дело в том, что маму в первые дни войны как медработника призвали в госпиталь в районе Волховского фронта. Потом ее перебросили в Калининский госпиталь, и мы на какое-то время упустили друг друга из виду. И вот — о чудо! — госпиталь, в котором она работала, тоже эвакуировался в Джамбул. Жить нам сразу стало легче не только морально, но и материально, потому что мама получала паек. Но и это было далеко не последний большой подарок судьбы: вскоре в мамин госпиталь попал наш отец, контуженный под Можайском. Так наша семья воссоединилась на какое-то время, пока отца не выписали.

Отец мой с первых дней войны принимал участие в боевых действиях. До Великой Отечественной он успел побывать на финском фронте, поэтому, когда на нашу страну пошел немец, ему как опытному военнослужащему дали батальон. С ним он оказался под Москвой, на самом тяжелом участке — на Можайском шоссе, где, по его словам, проводилось до 50 атак в сутки. В батальоне у отца было 300 человек, половина из которых — совсем мальчишки — 17–19-летние

Шефы – трудящиеся Казахстана привезли новогодние подарки бойцам 8-й гвардейской стрелковой дивизии («панфиловцы»).

Выступает батальонный комиссар П.В. Логвиненко

новобранцы с 1 курса училища, обучавшиеся военному делу всего то месяц. Отец старался беречь молодых ребят, но в каждой атаке он терял по 20–30 человек, в основном необстрелянных бойцов. И смерть каждого из них он воспринимал как личную трагедию.

После выздоровления из Казахстана отца отправили на Белорусский фронт, в Кенигсберг, где он получил второе ранение и сильную контузию. Настолько сильную, что для нас – своих близких – пропал без вести: он ничего не помнил. В течение пяти лет мы жили с мыслью о том, что он, как было написано в извещении, при взятии Кенигсберга пропал без вести и награжден вторым орденом Красной Звезды. А оказалось, все это время он был, он жил, лечился; врачи пытались вернуть ему память.

Всего у отца было 5 орденов, среди них два ордена Красной Звезды и орден Славы первой степени...

Из джамбульской жизни помню один эпизод. Пошел я как-то раз с тетей на рынок продавать хлеб. (В то время буханку разрезали на 10 кусочков и продавали по одному, чтобы на вырученные деньги купить другие продукты.) Торговля подходила к концу, как к ней подошли два поляка (а их в годы войны в Джамбуле было много) и спросили: «Вам сахар нужен?» — «Конечно, нужен!» — ответила тетя, и они пошли к нам домой, где у нас хранились серебряные ложки, на которые и решено было обменять сахар. Бабушка бережно завернула фамильное серебро в холщовую белую тряпку и передала одному из мужчин. Переговорив между собой на польском, один из них вышел, а другой остался ждать, когда тот вернется с сахаром. Но, не дождавшись, вышел посмотреть, не случилось ли чего с товарищем, и сам дворами, дворами — тоже ушел. Так мы остались ни с чем: без ложек и без сахара...

В Джамбуле мы прожили до 1945 года, потом эвакуировались в Донбасс, куда переводили мамин эвакогоспиталь. И дольше всех из нас до этой точки Советского Союза, да еще и с приключениями добирался я...

По пути в эвакуацию наш поезд стоял в Воронеже. Воды в вагонах не было, и мне пришлось идти с бидоном в руках до ближайшей водокачки. В итоге я отстал от поезда и оказался в детском доме в городе Коврове. Вот здесь я натерпелся! Попал в настоящий ад, а два месяца, проведенные в нем, показались мне вечностью. Жить и учиться мне пришлось с ребятами разного возраста: от 8 до 18 лет. Надо сказать, что среди них оказалось немало мерзавцев. Управу найти на них было очень сложно: директором детского дома был инвалид войны, у которого вместо обычной ноги была деревянная. Он так и не сумел стать авторитетом для старших ребят, а женщины-учителя этих хулиганов просто боялись. И, надо сказать, не зря. Потому что издевались эти негодяи не только над нами, маленькими, но и над директором: спустили его со второго этажа. А нам они делали наколки. Я хорошо помню большой зал с кроватями. Нас там было человек сто. И когда очередь делать наколку дошла до меня, я сбежал оттуда и оказался на железнодорожной станции. Там меня поймали милиционеры и хотели отправить обратно. Но я рассказал о тех

Жители освобожденного города Жиздра возвращаются в свой город из леса, где они прятались от оккупантов.

издевательствах, которые происходят в детдоме, и очень просил этого не делать. Надо мной сжалились. «Ну и куда теперь тебя?» — спросил меня какой-то капитан. И я попросил, чтобы меня отправили в Донбасс к маме. Одного меня, конечно, никуда отправлять не стали. Но вскоре за мной приехала мама и забрала меня — ее нашли через госпиталь и сообщили о моих злоключениях. Счастью моему не было предела!

Я хорошо помню окончание войны. Возле нашего дома стояла танковая часть. И вдруг утром я слышу: в воздух стреляют из пулеметов, пистолетов, крики: «Война закончилась!» Мы обнимались, ликовали, плакали от счастья. Мы кричали: «Гитлер повешен! В Берлине висит Гитлер!»

...Все время, находясь на чужбине, мы мечтали вернуться в родной город, к себе домой. Но когда в 1946 году мы приехали в Ленинград, наша квартира на Садовой улице была занята. И маме дали комнату в Парголово. Не-

смотря на то, что война закончилась, жить было очень тяжело. Мы с ребятами бегали на вокзал встречать солдат, переправляющихся с запада на Дальний Восток, в сторону Японии. Из окон вагонов они бросали нам сухари, бублики. А больше всего нас радовали встречи с моряками — у них были шикарные американские пайки, которыми они с нами щедро делились. В жестяных банках, которые они бросали нам, находилась настоящая роскошь по тем временам: слоями лежали халва, галеты, шоколад. Открывались эти банки с помощью специальных колечек, что было тогда тоже диковинкой.

Кстати, здесь же, на железной дороге, в это время проявился мой артистический талант. Я уже подросток, мне было 9 лет, и я организовал концертные бригады. В нашей бригаде был Юрка-протез, который получил свое прозвище за стеклянную пластину в голове; Коля Николаев и еще три мальчишки. Мы ходили по вагонам и устраивали представления. Я часто читал стихотворение «Белеет парус одинокий». Помню, как-то читал и так увлекся, что оставшуюся часть этого произведения пропел. Тогда мне было не только интересно купаться в лучах славы, если можно так выразиться, — но я еще домой приносил еду! Это было большой подмогой для семьи. Мать меня, конечно, ругала и запрещала ходить по составам, потому что это было опасно. Наш Протез ведь именно там и «заработал» себе «заплатку». Но тяга к приключениям и творчеству, видимо, оказалась сильнее запретов.

Владимир Александрович ГОЛУБЕВ

Капитан 1 ранга в отставке Голубев Владимир Александрович родился 12 января 1926 года в городе Москве в семье командира Красной армии. Военно-морскую форму надел в пятнадцатилетнем возрасте, поступив в 1-ю специальную военно-морскую школу. Во время героической обороны Москвы осенью 1941 года участвовал в охране военных объектов и учреждений, тушил пожары, возникавшие при налетах немецкой авиации, а также строил оборонительные сооружения на подступах и улицах столицы. Осенью 1943 года в составе артиллерийских расчетов кораблей Каспийской флотилии обеспечивал противовоздушную оборону транспортов, перевозивших военные грузы из иранских портов Наушехр и Пехлеви в Баку, Махачкалу и Астрахань. Летом 1944 года был бойцом отряда специального назначения, охранявшим военные объекты и транспортные коммуникации от нападения диверсантов в ближайшем тылу Ленинградского фронта.

★ Участник Великой Отечественной войны и обороны Москвы. Удостоен более 30 государственных наград.

★ В настоящее время является членом президиума Санкт-Петербургского совета ветеранов Тихоокеанского флота и членом Международной ассоциации моряков-подводников. Активно участвует в военно-патриотическом воспитании молодого поколения.

Мое детство и отрочество прошло в центре Москвы среди старинных узких извилистых улиц и переулков левобережья Москвы-реки. Наша семья с момента моего рождения и до октября 1941 года жила в пятиэтажном очень красивом доме на углу Пречистенской набережной и Соймаоновского проезда. Дом выделялся своей необычайной архитектурой с многоцветной изразцовой отделкой фасада в стиле древнерусских теремов. Из окон нашей комнаты на третьем этаже открывалась перспектива самого центра старой Москвы. Почти напротив наших окон в некотором отдалении был виден большой каменный мост через Москву-реку, а за ним расположенный на береговом холме исключительный по своей красоте комплекс золотглавых соборов, зданий, стен и башен древнего Московского Кремля. Особенно красив бывал этот вид по утрам в ясные дни, когда поднимавшееся на востоке солнце заливало своим ярким светом золотые купола и кресты кремлевских соборов.

Но мне на всю жизнь запомнились и другие варианты этого вида, которые открывались из чердачных окон нашего дома во время массированных налетов немецкой авиации на Москву в июле-августе 1941 года. В этих налетах участвовало одновременно до нескольких сот вражеских самолетов. Некоторым из них удавалось прорываться к центру Москвы, и они появлялись, как нам казалось, почти над самым Кремлем.

Сине-черное ночное небо над городом пересекалось во всех направлениях ярко-белыми лучами зенитных прожекторов, которые непрерывно шарили по небу, выискивая немецкие самолеты. Время от времени светлый луч прожектора вдруг выхватывал из темноты не только многочисленные «толстые колбасы» аэростатов воздушного заграждения, висевших над городом, но и казавшийся серебристым силуэт вражеского самолета. Тут же несколько других лучей скрещивались на нем и уже не выпускали обратно. К этому яркому световому пятну устремлялись цветные трассы пуль и снарядов, а вокруг самолета появлялись яркие вспышки и пухлые дымовые облачка разрывов. Какое же чувство радости охватывало меня и всех находившихся рядом, когда самолет вдруг вспыхивал и начинал стремительно,

камнем падать вниз. Прожекторные же лучи, проследив некоторое время за его падением, затем снова переключались на поиск других целей. Но долго любоваться таким феерическим зрелищем не удавалось. Удары по крыше дома посыпавшегося вдруг с неба дождя немецких зажигательных бомб напомнили нам о цели нашего пребывания на чердаке. Часть «зажигалок» пробивала крышу и вспыхивала уже на полу чердака. Другая часть, воспламеняясь еще на крыше, прожигала листы кровельного железа и стекала на пол чердака ручейками расплавленного металла. Всем нам, находившимся на чердаке бойцам противопожарного звена, пришлось немедленно приступить к тушению очагов пожара. Специальными клещами мы подхватывали горящие «зажигалки» и совали их в чан с водой или в ящик с песком, где они быстро потухали. Попавшие же на пол лужицы расплавленного металла засыпались слоем песка и быстро застывали.

Однако со своими воспоминаниями я сильно забежал вперед. Следовало бы вернуться на несколько лет назад, когда над нашей страной уже стала явственно сгущаться угроза надвигающейся на нее войны. Дом, в котором мы жили, был семейным общежитием начсостава Военной академии имени М.В. Фрунзе и Военной академии Генерального штаба. И естественно военная угроза ощущалась всеми живущими в этом доме особенно остро. Это чувство усилилось с тех пор, как хорошо знакомые всем жильцы нашего дома стали один за другим уезжать в секретные спецкомандировки. Цель этих командировок, хотя ее и старались держать в тайне, скоро стала известна — участие в войне в Испании в качестве военных советников командиров республиканской армии. Несколько позже стало известно, что в Испанию стали поставляться советские танки и самолеты, которые обслуживались нашими танкистами и летчиками. Они наряду с бойцами интернациональных бригад составили костяк республиканской армии, обеспечив успешное противодействие переброшенным на помощь мятежникам генерала Франко немецким и итальянским бронетанковым и авиационным войсковым частям. Испанская гражданская война переросла в интернациональную битву с набравшим силу международным фашизмом.

Сочувствием и симпатией к патриотам республиканской Испании, боровшимся за свою свободу, прониклись советские люди. Карта Испании висела во всех классах нашей школы, мы живо интересовались сводками с фронтов войны, читали все, что появлялось об этой войне в печати. Символом и живым воплощением героического духа испанского народа стала для нас лидер компартии Испании Долорес Ибаррури (Пассионария) — женщина страстная, с необычайной силой воли.

Надо сказать, что и наша школьная жизнь становилась все более и более военизированной. После окончания основных школьных занятий нам стали читать лекции о защите от боевых отравляющих веществ. Мы стали активно изучать стрелковое дело. На груди многих из нас появились значки ГПВХО («Готов к противовоздушной и химической обороне»), ГСО («Готов к санитарной обороне») и пользовавшийся особым уважением значок «Ворошиловский стрелок». Просто так эти отличия не давались. Нужно было приложить немало усилий, чтобы их получить. Причем мы сами старались их заработать без всякого нажима со стороны взрослых. Кружки по изучению военного дела активно работали и в нашем общежитии.

Однако Испания находится все же довольно далеко от нашей страны. А вот у наших дальневосточных рубежей постоянно тлел огонь войны, не давая о себе забывать. Агрессивное поведение японцев давало немало оснований для того, что новая война вспыхнет именно там. Какое счастье для советского народа, что после уроков, полученных японцами в 1938—1939 годах у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, они не решились больше напасть на нашу страну. В августе 1945 года мы сами их окончательно добились, причем не на нашей земле.

Первые достоверные сведения о войсках немецкого вермахта я получил от отца после его возвращения в Москву в октябре 1939 года. Он участвовал в операциях советских войск по воссоединению украинского и белорусского народов. Несколько раз бывал в расположении немецких войск. По его словам, наше военное командование наглядно убедилось в отличной выучке и прекрасной организации германской армии, имеющей богатый опыт победоносной войны. Она

представляла очень серьезную победоносную силу. Руководством нашей страны были предприняты срочные меры по укреплению Красной Армии, повышению обороноспособности страны в целом и ее новой западной границы. Однако до Великой Отечественной войны оставалось слишком мало времени.

Между тем, в 1940 году в моей душе наконец разрешились многолетние колебания относительно выбора для себя конкретной военной профессии. То, что я стану только военным, было решено мною уже в раннем детстве. Однако мне хотелось быть то танкистом, то моряком, то пограничником. Решающее значение в определении планов на будущее для меня, как и для многих сотен московских мальчишек, сыграло неожиданное известие о создании в Москве 1-й специальной военно-морской средней школы, в которой кроме обычных школьных предметов будет изучаться также военно-морское дело с целью подготовки к поступлению в высшие учебные заведения Военно-морского флота. Вскоре выяснилось, что будет производиться строгий отбор поступающих в спецшколу по успеваемости и состоянию здоровья. Кроме того, все кандидаты будут проходить мандатную комиссию. Но меня это не испугало. Со здоровьем у меня было все в порядке. В школе все время я был отличником, а к сыну комбрига Красной Армии (было тогда такое воинское звание) у мандатной комиссии не должно быть претензий.

В спецшколе с 1 сентября 1940 года должны были начаться занятия сразу в 8, 9 и 10 классах. Я же только что перешел в 7 класс. И поэтому мог поступить в спецшколу только в 1941 году. Пришлось пока готовиться к поступлению. Увеличилась продолжительность моих велосипедных поездок в летнее время и впоследствии лыжных походов зимой 1940—1941 годов. А с осени 1940 года я стал также активно с полной отдачей учиться военно-морскому делу в соответствующем кружке московского городского Дома пионеров. Было тяжело несколько раз в неделю после окончания уроков в школе ездить через всю Москву на занятия в Дом пионеров. Но ведь впереди грезились необъятные морские дали, а в более близкой перспективе летняя практика на учебных кораблях, базирующихся на водохранилищах канала Москва-Волга.

Советские бойцы ведут бой в одном из пригородов Ленинграда.

Однако нападение фашистской Германии на нашу страну 22 июня 1941 года не только перечеркнуло эти мои планы, но и коренным образом изменило жизнь всего советского народа. Правда, в самом начале войны я, как и все мои друзья, представляли войну совсем не такой, какой она оказалась на самом деле. Мы искренне полагали, что наша Красная Армия вот-вот перейдет в контрнаступление и в кратчайший срок полностью разгромит посмевавшиеся на нас войска фашистской Германии. В общем, все будет так, как это было показано в популярной в то время кинокартине «Если завтра война». Теплилась в душе и надежда, что в нашей победе в войне помогут немецкие коммунисты. Ведь в Германии под руководством Эрнста Тельмана создана такая многочисленная и сильная коммунистическая партия.

Но суровая действительность быстро развеяла наши наивные представления о начавшейся войне. Немецкие войска, несмотря на героические сопротивления ча-

стей Красной армии, неуклонно продвигались по нашей земле все дальше и дальше. Начались налеты немецкой авиации на Москву. До середины июля относительно немногочисленные бомбардировщики «Люфтваффе», прорывавшиеся к городу, пытались вызвать большие пожары с помощью «дождя» небольших зажигательных бомб. Однако созданные москвичами противопожарные звенья, дежурившие на крышах и чердаках домов во время вражеских авианалетов, быстро научились бороться с «зажигалками». Кроме сгоревшего Тишинского рынка, больших пожаров не было.

С середины же июля немецкая авиация, используя захваченные в районе Смоленска аэродромы, стала совершать на Москву массированные авианалеты, в которых участвовало по несколько сотен самолетов одновременно. Началось применение для бомбардировок города в основном фугасных бомб, в том числе тысячекилограммовых с огромной разрушительной силой. Дежурство на крышах и чердаках домов противопожарных звеньев, значительную часть которых составляли старшеклассники, в том числе и девочки, стало очень опасным. В июле многие московские школьники 9 и 10 классов добровольно отправились на строительство оборонительных сооружений на дальних подступах к Москве. В августе в связи с резким ухудшением положения на Западном фронте было принято решение о строительстве противотанковых оборонительных сооружений на ближних подступах к Москве и даже в ее пригородах. За выполнение этих работ добровольно взялись многие тысячи москвичей, в том числе и 15-летние мальчишки и девочки. И трудились мы очень самоотверженно, до полного изнеможения. Рыли противотанковые рвы и окопы до кровавых мозолей на ладонях, таскали тяжеленные мешки с песком, устанавливали сваренные из обрезков стальных рельсов противотанковые «ежи».

В конце августа здание военно-морской спецшколы на Верхней Красносельской улице Москвы, опустевшее и притихшее после отъезда выпускников в высшие военно-морские училища, вновь наполнилось гулом рабочих голосов. Из летнего лагеря в Сельцах возвратились учащиеся новых 9 и 10 классов (по военному — 2-я и 3-я роты). А учащиеся 8 классов нового набора (4-й роты) стараниями военных спе-

циалистов школы: старшего лейтенанта Г.Я. Эндзелина, старшего политрука Н.А. Дубровского, лейтенанта запаса Ю.Р. Похвалы и боцмана Ф.Ф. Цисевича стали постепенно превращаться в хотя еще и совсем юных, но все же военных моряков. Нас учили ходить в строю, овладевать приемами рукопашного боя, стрелять из винтовки. Мы изучали также устройство имевшихся в спецшколе 45-миллиметровых корабельных орудий и зенитных пулеметов, учились выполнять обязанности их расчетов. Все это очень пригодилось мне впоследствии, когда в связи с откомандированием части моряков Каспийской флотилии для участия в тяжелых боях на фронтах в конце 1943 года, курсанты находящиеся в Баку военно-морских учебных заведений были направлены на помощь командам кораблей флотилии. В составе расчетов корабельных зенитных средств мы обеспечивали противовоздушную оборону транспортов, перевозивших военные грузы из иранских портов в Астрахань, Махачкалу и Баку.

В середине сентября 1941 года у спецов 3-й и 4-й роты появилась еще одна дополнительная обязанность. Пришлось принять на себя охрану школы и выполнение функций бойцов батальона местной противовоздушной обороны по охране объектов и учреждений столицы. Выполнявшая ранее эти обязанности 2-я рота была срочно отозвана для помощи саперным подразделениям Резервного фронта. Дополнительную нагрузку, которая легла на нас, правда, скрасило то обстоятельство, что наша 4-я рота облачилась наконец в настоящую морскую форму. Для 15-летнего мальчика что может сравниться с тем чувством гордости, которое он испытывает от того, что стал настоящим моряком и может гордо щеголять в новой с иголочки морской форме.

Между тем фронт все более и более приближался к Москве. В середине сентября немцы на западном направлении вышли на ближайšie подступы к столице. В газете «Вечерняя Москва» появилась статья, в которой разъяснялись способы и правила ведения уличных боев. Было принято решение об эвакуации из Москвы военных заводов и ряда учреждений, в том числе всех спецшкол. Когда я сообщил об этом отцу, то в ответ услышал, что есть категорическое рас-

поряжение о том, что все члены семей преподавателей и слушателей Военной академии Генерального штаба подлежат эвакуации только в организованном порядке вместе с личным составом академии и только после получения соответствующего приказа министра обороны. Естественно, пришлось подчиниться. Такой приказ вскоре был получен, и в одном из автобусов большой автоколонны, выезжавшей из города ранним утром пасмурного октябрьского дня, отправились в эвакуацию в Уфу я и мои товарищи по военно-морской спецшколе Володя Бахтин и Сергей Филипповский — сыновья преподавателей академии. Мы, как и все остальные, покидали Москву со щемлящим чувством, буквально со слезами на глазах. Жаль было расставаться с любимым городом, но больше всего сжимало сердце беспокойство за его дальнейшую судьбу. Однако в глубине души теплилась надежда, что наши войска отстоят город, переломят весь ход военных действий на фронтах в свою пользу.

И действительно, в начале декабря 1941 года мощный удар советских войск практически по всему периметру обороны Москвы ознаменовал начало сокрушительного разгрома немецко-фашистской армии и полного краха гитлеровского плана захвата столицы нашей Родины. Это была первая, действительно крупная и решительная победа советских войск в ходе Великой Отечественной войны.

Летом 1942 года я вместе с моими товарищами возвратился для продолжения учебы в 1-ю специальную военно-морскую школу, которая в то время находилась в эвакуации в городе Куйбышеве, а в 1945 году мне вручили медаль «За оборону Москвы», которой я был награжден.

Константин Константинович ГОМОЮНОВ

Родился 19 ноября 1923 года в г. Владивостоке.

Мать, Зинаида Николаевна (в девичестве – Добреянова, 1891 – 1978). Окончила Бестужевские курсы в Петербурге и уехала на Дальний Восток. До моего рождения преподавала русский язык и литературу, после – стала домохозяйкой (в то время в семьях интеллигенции так было принято).

Отец, Константин Азарьевич (1889–1955), окончил Новороссийский университет (г. Одесса). Преподавал географию в г. Хабаровске, занимался гидрологическими исследованиями дальневосточных морей во Владивостоке. В 1934 году перешел работать в Арктический НИИ (г. Ленинград). В 1956 году его именем была названа открытая нашей экспедицией бухта в Антарктиде.

Осенью 1940 году я поступил в 10-й класс Военно-морской спецшколы в г. Ленинграде. Окончив его летом 1941 года, поступил в Высшее военно-морское инженерное ордена Ленина училище им. Ф.Э. Дзержинского (г. Ленинград). Училище было эвакуировано в пос. Правдинск недалеко от г. Горького.

В конце октября 1941 года многих первокурсников направили в действующую армию. Я оказался в их числе. Был зачислен в разведроту при штабе 84-й отдельной морской стрелковой бригады.

В ноябре 1941 года участвовал в освобождении г. Скопина, а в декабре — в контрнаступлении под Москвой, начиная от г. Дмитрова. 14 декабря был ранен близ г. Клина. В июне 1942 года был выписан негодным к строевой службе и направлен на Уралмашзавод (г. Свердловск). 2 года работал электромонтером и один — хромировщиком. В 1945—1951 гг. учился в Ленинградском политехническом институте им. М.И. Калинина. Вскоре по окончании института был зачислен в кадры Советской армии. Зимой учился на курсах при Артакадемии им. Ф.Э. Дзержинского (г. Москва). С января 1953 года служил старшим инженером-радиотехником и начальником контрольно-измерительной лаборатории на технической базе зенитных ракет близ г. Ногинска под Москвой.

В 1956 году уволился и работал в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете. Преподавал. С сентября 2008 года — на пенсии.

МОРЯКИ В ОБОРОНЕ МОСКВЫ

Воспоминания мы пишем в надежде, что обращение к прошлому поможет кому-то из читателей понять настоящее и повлиять на будущее. Поэтому в воспоминаниях об Отечественной войне важны не только боевые эпизоды, но и вся предвоенная жизнь, определившая наш вклад в достижение победы.

Зимой 1934—1935 года я учился в четвертом классе. И уже тогда мы знали, что год назад к власти в Германии пришли гитлеровцы и сразу разгромили рабочее движение. Затем почти непрерывно:

- агрессия Италии в Эфиопии (тогда ее называли Абиссинией);
- агрессия Японии в Китае и Корее;
- военная помощь Германии и Италии мятежному генералу Франко в Испании при попустительстве Англии, Франции;
- мюнхенское соглашение, после которого Германия оккупировала Австрию и Чехословакию (яснее ясного стало, что Англия и Франция поощряют Гитлера к войне против СССР);
- военные провокации Японии в районе озера Хасан и на реке Халхин-Гол в Монголии;

- антикоминтерновский пакт (Германия—Италия—Япония).

Этих фактов было достаточно, чтобы приобрести уверенность в неизбежности бескомпромиссной войны с Германией (а возможно, и с Японией). Договор с Германией 1939 года воспринимался как отсрочка.

Мои сверстники не сомневались, что воевать нам придется. А раз так, подготовиться надо профессионально. Поэтому очень сильна была тяга к военному образованию. В 1940 году, окончив 9 классов, я поступил в 10-й только что открывшейся военно-морской спецшколы в Ленинграде. Было набрано по пять восьмых, девярых и десятых классов.

Спецшколы были в ведении наркомпроса. Главным нештатским учителем был зам. директора по военной подготовке Константин Васильевич Радько. Не знаю, из каких соображений его назначили, но он оказался, как говорится, на своем месте. За два месяца ему удалось подготовить из нас — 324 человек — парадный батальон. Построившись в шеренгах по 24 человека, мы успешно выступили на параде на Дворцовой площади 7 ноября 1940 года, а потом и 1 мая 1941-го.

О том, насколько большое значение нарком военно-морского флота Н.Г. Кузнецов придавал подготовке кадров, свидетельствует тот факт, что в один из приездов в Ленинград он посетил спецшколу и выступил перед учащимися. Одна из его ключевых мыслей запомнилась мне на всю жизнь: «Запомните, товарищи, вы готовитесь к тому, чтобы убивать...»

Всех моих сверстников воодушевляли успехи в развитии страны: появилось самолетостроение, автомобилестроение, тракторостроение, танкостроение, построены тепловые и гидравлические электростанции и многое-многое другое. Впервые в мире начала создаваться единая энергетическая система страны. Начал осваиваться Северный морской путь. Сооружались гигантские предприятия: Уралмашзавод, Магнитка, Кузбасс. Летчики на отечественных самолетах спасли со льдины экипаж раздавленного льдами парохода «Челюскин». Чкалов, Байдуков и Беляков, а вслед за ними Громов, Юмашев и Данилин на самолете АНТ-22,

созданном под руководством А.Н. Туполева, впервые в мире перелетели через Северный полюс в Америку. Впервые в мире на Северном полюсе была открыта дрейфующая научно-исследовательская станция. На отечественном стратостате был установлен мировой рекорд высоты подъема — 22 км. Что было сделано нашей страной в те годы впервые в мире, перечислять можно долго...

Были поставлены замечательные фильмы: «Путевка в жизнь», «Чапаев», «Цирк», «Волга-Волга», «Мы из Кронштадта»... Огромной популярностью пользовались песни «Марш энтузиастов», «Марш физкультурников», «Катюша» и многие другие.

Было открыто огромное количество детских технических станций, спортивных и музыкальных школ, дворцов и домов пионеров. Все это, разумеется, было бесплатным. Большой популярностью пользовались аэроклубы.

В середине второй половины 30-х годов произвел впечатление следующий факт: в средствах массовой информации резко изменилось отношение к русской военной истории. До того времени военные успехи России не упоминались, выдающиеся полководцы и флотоводцы — тоже. Неоднократно проводилась мысль Сталина о том, что Россия была отсталой страной и поэтому ее всегда били... И вдруг все изменилось на 180 градусов: появились книги о Суворове, Кутузове, Нахимове, фильм «Александр Невский», спектакль о Суворове в Пушкинском театре (помню даже, что главную роль играл Скоробогатов) и многое другое. Я воспринял этот факт как возникшее осознание необходимости формировать у людей патриотические чувства в предвидении неизбежности войны с Германией.

Люди понимали, что единственная сила, способная оградить страну от порабощения — Красная Армия. Сейчас в это трудно поверить: отношение к армии и солдатам было буквально любовным.

Известный поэт К. Ваншенкин отметил в «Правде»: «Обожание Красной Армии было в крови поколения».

Характерно отношение знакомых к событиям в Испании в 1936—1939 годах. Соппротивление испанских республиканцев сторонникам генерала Франко все воспри-

Женщины роют противотанковые рвы под Москвой осенью 1941 года.

нимали как начало борьбы с фашизмом. С неослабевающим интересом читали корреспонденции М. Кольцова и И. Эренбурга.

Еще любопытное воспоминание. Все мои знакомые, включая взрослых, полагали, что после нападения на СССР Гитлер долго не продержится у власти: немецкие трудящиеся сметут его за попытку уничтожить первое в мире социалистическое государство...

В некоторых сочинениях можно прочесть, будто в предвоенные годы чуть ли не у всех советских людей было подавленное состояние из-за массовых репрессий. Это ложь. О репрессиях мы, конечно, слышали. Но, во-первых, не представляли их масштабов, а во-вторых, были уверены, что они обоснованны. Процессы широко освещались в «Известиях» (до сих пор помню фразу из заключительного слова Радека, звучавшую примерно так: «В западных газетах пишут, будто следователи нас мучили. Ничего подобного. Это мы мучили их, стараясь скрыть истину»). Судебные заседания были открытыми, на них присутствовали журналисты. В Москву приезжали видные европей-

ские писатели: Ромен Роллан, Анри Барбюс, Лион Фейхтвангер и др. Всех их принимал Сталин. Книги, написанные ими после посещения нашей страны и сразу переведенные у нас, оценивали СССР на редкость положительно. А. Барбюс охарактеризовал Сталина как человека «с лицом рабочего, с головой ученого и в одежде простого солдата». Фейхтвангер в книге «Москва, 1937» написал, что присутствуя на одном из процессов, он убедился в достоверности обвинений, предъявляемых подсудимым.

Окончив спецшколу в июне 1941 года, я сразу же поступил в высшее Военно-морское инженерное ордена Ленина училище им. Ф.Э. Дзержинского (в обиходе — «Дзержинку»). Один месяц мы пробыли в лагере на о. Вольном в устье Невы, а в августе были эвакуированы в рабочий поселок Правдинск близ г. Горького. Кроме занятий по программе изучали стрелковое оружие и штыковой бой. Тренировок в стрельбе почти не было (три выстрела из винтовки Мосина и три выстрела очередью из ручного пулемета ДП-1).

Так как единого здания для училища в Правдинске не было, приходилось много ходить между разными корпусами. Ходили по взводу (взвод — одна учебная группа). Ходили с песнями (веселее!). (Чаще всего пели лирическую песню «Помню городок провинциальный / Тихий, захолустный и печальный...». Смотря фильм «Битва за Москву» Ю.Озерова, поразился: под эту же песню маршировали подольские курсанты!). Много раз разгружали баржи с цементом в мешках и щебнем.

В конце октября в связи с тяжелой обстановкой под Москвой поступил приказ об откомандировании в действующую армию примерно 2/3 первокурсников с присвоением звания «старшина первой статьи» (эквивалент армейского звания «сержант») и окончивших 4 курса — младшими лейтенантами. Со своими друзьями по спецшколе В. Ахутиным и Р. Жуковым, а также московским «спецшкольником» Ю. Жетвиным, с которым мы подружились в училище, я был направлен в формирующуюся тогда 84-ю отдельную морскую стрелковую бригаду. Кроме дзержинцев в нее были командированы курсанты Ленинградского учебного отряда подводного плавания им. С.М. Кирова и моряки Тихоокеанского флота и Амурской флотилии. Морские

стрелковые бригады насчитывали по 4500 человек. 20–50 процентов в их составе были моряки. В ноябре–декабре 1941 года было создано 25 таких бригад. Денежное содержание всех военнослужащих в этих бригадах было таким же, как в гвардейских частях.

Как ни странно, в штабе бригады нам предложили самим выбрать подразделение, в котором мы хотим воевать: разведроту при штабе бригады, роту автоматчиков или тяжелые минометы. Наша четверка выбрала разведроту. Она формировалась в дер. Ивановка Чердаклинского района Ульяновской области. Жили в крестьянских избах.

Боевая подготовка не проводилась. Хорошо, что военное обучение было организовано в средней школе. Уже в 9 классе мы изучили (включая сборку и разборку) винтовку Мосина, самозарядную винтовку Токарева (СВТ), автоматическую винтовку Симонова (АВС), ручной пулемет Дегтярева ДП-1 и даже станковый пулемет Максима. Регулярно (едва ли не еженедельно) стреляли в тире из малокалиберной винтовки.

В конце ноября нам выдали оружие — автоматы ППД (Дегтярева), ППШ (Шпагина), винтовки Мосина (автоматов даже в разведроте на всех не хватило) и гранаты РГД-33. Бригаду посадили в эшелон, но вскоре выгрузили в Ряжске с заданием выбить из г. Скопина немецкий механизированный полк танковой армии Гудериана, прорвавшийся, обойдя Тулу, и захвативший город.

Часть разведроты была посажена на полуприцепы (грузовые автомобили Горьковского автозавода грузоподъемностью 1,5 тонны) с заданием разведывать обстановку в районе Тула—Скопин. Ездили мы два или три дня, но в указанной зоне немцев не обнаружили. Бригада при поддержке авиации выбила противника из Скопина.

(Сведения общего характера взяты мной из исторической литературы.)

С 29 ноября по 1 декабря бригада была переброшена в г. Загорск и пешим порядком прибыла к каналу Москва-Волга близ г. Дмитрова. 5 декабря она вошла в состав 1-й ударной армии Западного фронта, единственной армии, состоявшей только из отдельных бригад и лыжных батальонов. 1-я ударная армия наступала в полосе Яхромы—Хорошило-

Выносной пост противовоздушной обороны на крыше гостиницы «Москва».

во. Решающую роль сыграла бригада 13 декабря в захвате высоты № 220 около села Борисоглебского. В ночь на 15 декабря 1-я ударная армия и 30 армия приблизились к южной оконечности г. Клин и к исходу дня полностью освободили город.

Во время полумесячного наступления стрелковые бригады армии превратились в батальоны, насчитывающие 300–400 бойцов. Ничего удивительно в этом нет. Подготовиться как следует мы не успели, а намерения были самые решительные. О них замечательно точно сказал Булат Окуджава: «И, значит, нам нужна одна победа, одна на всех — мы за ценой не постоим».

Сохранились впечатления от брошенной немцами техники, вооружений, от замерзших трупов — как немецких, так и наших... Запомнилось различие в отношении крестьян-хозяев изб, где нам приходилось ночевать на территории, не бывшей оккупированной, и освобожденной. Первые, конечно, не возражали, но и удовольствия не проявляли (понятно — неудобство). Зато вторые были рады нас и приютить, и накормить.

Во время наступления бойцы разведроты небольшими группами (обычно — одно отделение) шли впереди в направлении ее движения с целью обнаружить опорные пункты противника, расположение его частей, наличие танков и артиллерии. Сплошной линии фронта тогда не было. На некоторых направлениях немцы отступали, на других — оборонялись. Об этой постоянно меняющейся обстановке мы и должны были сообщать в штаб бригады, стараясь не ввязываться в бой. Несколько раз приходилось отходить, отстреливаясь. Немцы нас не преследовали — им было не до того.

При приближении к Клину — важному опорному пункту немецкой обороны — активность разведки усилилась. 14 декабря наш взвод получил приказ разведать обстановку вблизи от восточной оконечности Клина. Двигались мы по лесной дороге, параллельной Ленинградскому шоссе (идти без дорог было трудно из-за глубокого снега). Был яркий солнечный день. Мороз — по ощущению — около 30 градусов (зима 1941—1942 года была очень холодной. Достаточно сказать, что ледовая Дорога жизни через Ладогу открылась в середине ноября). Направлялись мы к деревне Борозда. Она оказалась расположенной на холме. Когда мы приблизились к опушке, немцы нас заметили и открыли огонь. Командир взвода принял решение провести разведку боем с целью выявить огневые средства противника. Нескольким бойцам, в том числе мне, он приказал наблюдать. Я выбрал показавшиеся мне подходящими кусты, заполз в них и встал на колени, чтобы лучше видеть. Однако местность, видимо, была хорошо пристреляна, и через короткое время пуля попала мне чуть выше левой ключицы. Я упал назад. Вскоре еще одна пуля попала в верхнюю часть левого бедра, перебив кость. После этого двигаться я уже не мог и постарался углубиться в снег...

Часа через полтора — два перестрелка прекратилась. Я подумал, что разведка не удалась. Но потом оказалось, что немцы, видимо, приняв ее как наступательную операцию, отошли к Клину. Еще через некоторое время за мной пришли товарищи и, соорудив из двух винтовок и шинели нечто вроде носилок, принесли меня в Борозду. Одеты мы были хорошо: валенки, ватные брюки, ватник, шинель, шапка-

ушанка (поверх — белый маскхалат, или масккостюм). Несмотря на это, продрог я очень сильно. В одной из изб оказались две медсестры. Они перевязали меня, а хозяева напоили горячим чаем. Быстро «оттаял».

Запомнились некоторые впечатления. Ощущение от первой пули напоминало сильный удар, сопровождающийся быстрым ожогом (впоследствии выяснилось, что она повредила три верхних ребра). Вторая пуля раздробила бедренную кость, и показалось, что ногу оторвало (мелькнула идиотская мысль: «Как же теперь я буду кататься на лыжах?»). Посмотрел на ноги — оба валенка оказались на месте...

Госпитали, в которых я лечился, были эвакуированы с Украины и располагались в помещениях санаториев в курорте Боровом (Казахстан). Уход и питание были прекрасными. Выписали меня в июне 1942 года негодным к строевой службе и направили на Уралмашзавод (г. Свердловск).

Ю. Жегвин погиб. В. Ахутин и Р. Жуков были ранены чуть позже меня. После выздоровления их направили в «Дзержинку»: разгром немцев под Москвой вызвал появление приказа Сталина возвращать в училища курсантов, выписанных из госпиталя годными к строевой службе. Все последующие годы мы продолжали дружить.

Галина Ивановна ГОРБАЧЕВА

Я родилась в Кронштадте.

Кронштадт — город-крепость, база Балтийского флота, был основным учебным центром по подготовке корабельных специалистов для ВМФ СССР. В гаванях и доках, на кронштадтских рейдах проводились довооружение, снабжение и испытание новых кораблей и подводных лодок, созданных конструкторами и корабелями Ленинграда.

Всё гражданское население подчинялось основным законам жизни города-крепости. Въехать и выехать из города можно было только по пропуску или по штампу в паспорте. Кронштадт с Ораниенбаумом сообщался пароходом «Чапаев». Из Кронштадта в Ленинград на пристань у Тучкова моста ходили два речных трамвая: «Андрей Коробицын» и ещё один.

Зимой из Кронштадта в Ораниенбаум по льду Финского залива ходил автобус. Для этого через незамерзающий главный морской фарватер при подходе автобуса матросы перебрасывали деревянный мост. Пассажиры выходили из автобуса. Он пустой переезжал мост, за ним через мост переходили пассажиры. И мост матросы убирали. Я из автобуса не выходила и переезжала мост даже в апреле.

Я, как и все кронштадтские дети, выросла у воды, благо её было много и близко. Мы всем двором хо-

дили на залив, купались, загорали, играли. Проводили там много времени, играли и в нашем дворе.

В ноябре 1939 года разразилась советско-финская война, Кронштадт сразу превратился во фронтовой город с полным ночным затемнением и боевыми дозорами.

По вечерам мы, дети, с криком «айда смотреть войну» бежали на чердак и в слуховое окно смотрели, как вдали полыхали огненные сполохи и слышался глухой отдаленный гул. Это были вспышки и гул артиллерийского огня на линии боев за Сестрорецком на линии границы с Финляндией в 17 км от города и стрельба наших кораблей в артиллерийских дуэлях с финскими батареями, и бомбовые удары нашей авиации.

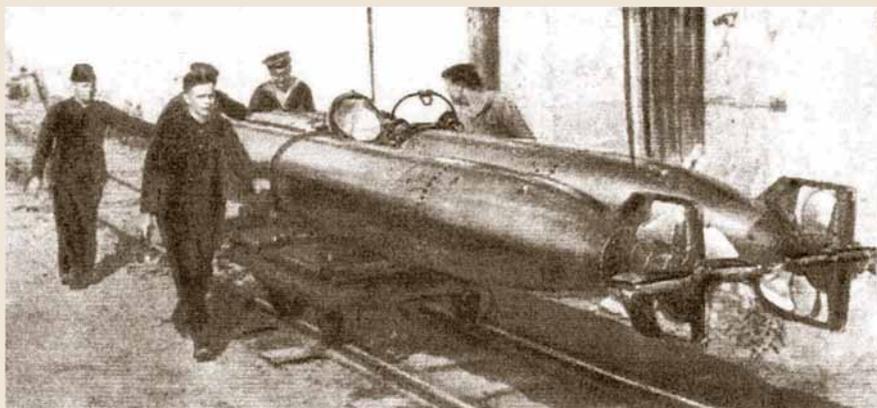
Войну наша семья встретила в составе: мамы Анны Николаевны 43 лет (1898 г.), домохозяйки; моего брата Валентина 17 лет (23.11.1925), молодого человека, окончившего среднюю школу; и меня 10 лет (27.04.1931), школьницы, окончившей два класса.

Семья наша проживала в Кронштадте на Красноармейской улице (теперь Владимирской) в доме 27 кв. 3. Этот трехэтажный дом до революции принадлежал дьякону Туркину. Дом наш выходил на две параллельные улицы: Красноармейскую и Кронштадтскую.

Наша коммунальная квартира находилась на втором этаже в помещении бывшего присутствия во флигеле по Красноармейской улице. Окна выходили на Красноармейскую и во двор. Состояла квартира из 6 комнат. В одной жила наша семья, рядом в комнате проживала пожилая Александра Семеновна, за ней дядя Саша Кулешов с женой и четырьмя детьми в 2-х комнатах. Напротив нас жил Александр Иванович Иванов, мичман военно-морского флота с женой Евдокией Ивановной и дочкой.

Вскоре после начала войны ушел в Красную Армию сосед дядя Саша Кулешов, а его семья — жена и четверо детей — эвакуировалась.

Потом эвакуировалась семья мичмана Иванова. Соседка Александра Семеновна ушла на казарменное положение в морской госпиталь. Но изредка приходила проведать свою комнату.

Погрузка торпед. Кронштадт. 1944 год.

Две большие хорошие светлые комнаты Кулешовых понравились мичману Иванову, и он самовольно въехал в них. Стал там жить и пользоваться имуществом Кулешовых. Однажды зимой из воинской части пришел домой дядя Саша Кулешов проведать свое жилье. Увидев на своих дверях чужой замок, очень удивился. От соседей он узнал, что в его жилище въехал мичман Иванов. Он дождался его, встретил, крепко избил и вызвал управдома.

Моя подруга Мария Медяник жила на первом этаже нашего дома в помещении бывшей мясной лавки. Бывая у неё, я всегда с интересом разглядывала громадные кронштейны с большими крюками, вмурованными в стену. На них когда-то висели говяжьи, свиные и бараньи туши.

До войны мама не работала, была домохозяйкой. Она получала хорошую пенсию на меня и на брата за отца, военного моряка, умершего в 1933 году. Шила и вязала на дому — тем семья и жила.

С началом войны в соответствии с Постановлением Совнаркома СССР, решением Ленгорисполкома в городах Ленинграде, Колпине, Кронштадте, Пушкине и Петергофе с 16 июля была введена продажа по карточкам хлеба и некоторых продовольственных и промышленных товаров.

Чтобы получить рабочую карточку, мама пошла работать в Кронштадтский арсенал Балтийского воен-

но-морского флота, находившегося на Июльской ул., дом 2. Она получила рабочую карточку с нормой выдачи хлеба 800 г в сутки. 27 июня 1941 года Ленгорисполком принял решение о привлечении граждан Ленинграда, Пушкина, Петергофа и Кронштадта к оборонным работам. Горожане рыли траншеи, щели, огневые позиции артиллерийских батарей.

Мой брат Валентин в 1941 году окончил среднюю школу и тоже работал на оборонных работах. В частности, в августе 1941 года участвовал в постройке, в кратчайшие сроки, аэродрома на Бычем поле возле Русского кладбища, на который сразу перелетела эскадрилья самолетов истребителей.

В связи с войной 1 сентября дети в школу не пошли. Школы были заняты под госпитали, и занятия в школах были отменены. Работала только 426-я школа, в которой учились ребята старших классов (с 7 по 10 класс) из нескольких школ.

Однажды в сентябре я стояла у открытого окна и смотрела во двор, где ребята играли в битую бутылку. Был ясный, теплый, солнечный день. Начался воздушный налет. Низко пролетел немецкий самолет. И вдруг я вижу, мальчик Ваня упал на землю и лицо его залило кровью. Прибежали взрослые и отнесли его в нашу парадную. Я быстро сбежала вниз. На полу безжизненно лежал Ваня.

Осенью я с братом ходила на убранные пустынные поля подсобного хозяйства военно-морского флота «Снабженец», расположенного за кронштадтскими воротами. Мы подбирали оставшиеся наружные зеленые капустные листья и вырывали из земли капустные кочерыжки. Эти зеленые листья и кочерыжки мама нашинковала и засолила. Мы называли это «хряпа».

Мамин знакомый матрос принес нам полмешка отрубей. Мама пекла лепешки из этих отрубей с хряпой.

Из-за того, что мы мало ели или ели что попало, мы все страшно страдали запорами.

У наших знакомых Ивана Даниловича и Натальи Ивановны Шевченко в начале 1941 года родился сын Вадик. Иван Данилович был морским командиром. Наталья Ивановна была военнообязанной, работала на так называемом «четвертом завкоме» — складе боеприпасов. Поэтому во-

зиться с Вадиком пришлось, в том числе и нам: маме и мне. Молока у Наташи не было. Вадик был истощенным слабым ребенком, настоящим маленьким скелетиком. Помню, когда мама пекла лепешки из отрубей и с хряпой, он уже понимал, голодный тянул ручки, показывая, что хочет есть. В конце 1941 года он умер у меня на руках.

Я с ребятами ходила ловить колюшку на залив, где мы обычно купались, за Северными казармами, за домом коменданта. Там на мелководье ходили большие стаи колюшки. Колюшка — небольшая рыбка, у которой колючки идут перед спинным плавником, две иглы на брюхе вместо плавников и отсутствует настоящая чешуя. Не имеет врагов, хорошо размножается. Ходит большими стаями, находится в беспрестанном движении. Одна из самых вредных рыбешек.¹

У меня был сачок из марли для ловли бабочек. Этим сачком мне удавалось наловить довольно много этой неутомимой быстроплавающей рыбешки. Мама пропускала её через мясорубку. Получались довольно вкусные котлеты.

Жители, которые имели возможность, т. е. лишнее время, силы и снасти, могли обеспечить себе хороший приварок к пайку.

В память о рыбешке, которая спасла людей в годы войны, в Кронштадте на стене Обводного канала установлен памятник колюшке.

В Ленинграде колюшку ловили на стрелке Васильевского острова «на шариках», т. е. на спуске, где на парапетах стоят два больших гранитных шара; на мелководье на Малой Неве, Большой, Средней и Малой Невках, на Крестовском и Елагине островах.

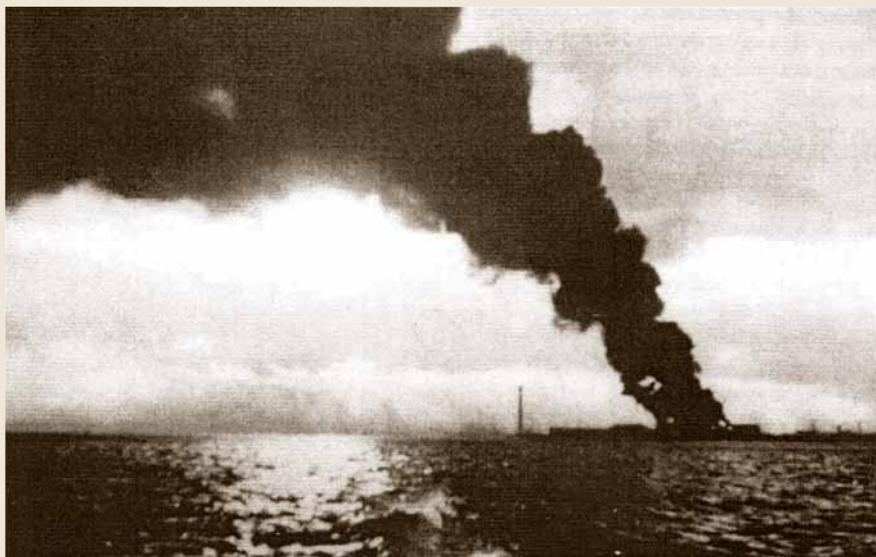
Ребята ещё ходили стрелять из рогаток воробьев, сидевших на кустах.

В Арсенале мама работала в «Деловом дворе». В те страшные дни она боялась оставлять меня одну в пустой квартире и с разрешения начальства брала меня с собой на работу. В ночную смену меня, утомившуюся, она пристраивала спать на боевые торпеды, подстилая под меня вместо подстилки ветошь.

---

¹ А.П. Сабанеев «Жизнь и ловля пресноводных рыб». Киев, 1960 год

Обстрел Кронштадта артиллерией противника. Сентябрь 1941 года. (Из фондов ЦВММ).

В Арсенале мама снимала консервирующую пушечную смазку с торпед и снарядов хлопчатобумажными «концами». «Концы» — это концы ниток, отходы ткацкого производства, собранные в тряпки, иначе именуемые ещё ветошью. Чистые концы мама приносила домой и разбирала их на нитки. Научила меня вязать. Вместе с ней мы из этих ниток вязали квадратные салфетки со стороной квадрата 40—50 см. Эти салфетки мама сшивала. Получались красивые хорошие покрывала, имевшие успех у покупателей, которые она продавала на «толчке» — маленьком рыночке в конце улиц Флотской и Красноармейской.

После героического прорыва главных военно-морских сил и штаба Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) 28—30 августа из Таллина в Кронштадт по Приказу командующего КБФ флагмана второго ранга В.Ф. Трибуца г. Кронштадт стал главной военно-морской базой КБФ.

21 октября 1941 года Приказом командующего КБФ главная военно-морская база была преобразована

в военно-морскую крепость Кронштадт.

В состав крепости вошли Ижорский и Кронштадтский укрепленные секторы с мощной артиллерией, предназначенные для защиты Ленинграда с моря.

В сентябре фашисты, поняв исключительное значение морской артиллерии КБФ в обороне Ленинграда, предприняли массированные бомбардировки и артиллерийские обстрелы города Кронштадта. Кронштадт был образно назван «Огненным щитом Ленинграда».

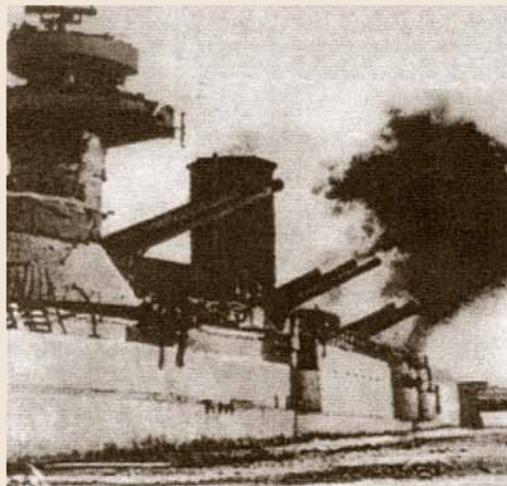
Враг метил в боевые корабли, батареи фортов, цеха Морского завода и Арсенала. Но били и по жилым домам, и Морскому госпиталю.

8 сентября 1941 года немцы взяли Шлиссельбург, плотно замкнув кольцо блокады Ленинграда, в которое попал и Кронштадт.

Немцы вышли к Финскому заливу в районе Урицк—Стрельна—Петергоф. Аэродромы в Котлах, Копорье, Лопухинки и другие, расположенные по южному берегу залива, оказались в их руках. Именно отсюда немецкая авиация проводила воздушные налеты на Кронштадт.

Финские войска вышли на рубеж: река Сестра в Сестрорецке, Белоостров, Лемболово, Лемболовское озеро, Таппери.

Система предупреждения о приближении вражеских самолетов на подходах к Кронштадту была не только нарушена, но и частично выведена из строя. Авиации КБФ в Кронштадте было очень мало.

305-мм орудия линкора «Марат» ведут огонь по врагу.

Кронштадт. Южная стенка Средней гавани.

Вот так развивались события в то тревожное время.

Первый массированный авиационный налет был 19 сентября. 15 самолетов-бомбардировщиков Хейнкель «ХЕ-111» произвели незначительные разрушения.

Самые страшные и разрушительные воздушные налеты, сопровождающиеся огнем тяжелой артиллерии, были 21 и 23 сентября.

Это были воистину черные дни для всех кронштадтцев. Рвались снаряды тяжелой артиллерии, выли сбрасываемые авиационные бомбы, гремели взрывы, оглушающе била корабельная артиллерия и зенитные батареи, трещали счетверенные зенитные пулеметы. Небо заволочило черным дымом и пылью. Флот и город в эти дни понесли тяжелые потери.

21 сентября немцы провели массированный четырехкратный налет. Воздушная тревога была объявлена в 11 часов 20 минут. Налет продолжался 4 часа 35 минут. Все это время над главной базой флота в воздухе находилось до 100 самолетов. Бомбардировщики «Юнкерс «Ю-87» и «Ю-88» под прикрытием истребителей «Фокке-Вульф» «FW-109» били по кораблям на рейде и в гаванях, по морскому заводу, ремонтному заводу КБФ, Арсеналу.

3 бомбы попали в линкор «Октябрьская революция». Повреждения имели крейсер «Киров», эсминцы «Гордый» и «Славный». Затонули эсминец «Стерегающий» и транспорт «Мария». Был сбит один «Ю-88». Пострадал Морской завод, ремонтный завод КБФ и Арсенал.

23 сентября был самый массированный шестикратный налет. Первый налет начался в 8.00. Одиночными самолетами и группами по 6–7 самолетов на разных высотах от 1500 до 5000 метров. Последующие налеты проводились группами от 6 до 50 самолетов. Общая продолжительность налетов составила 11 часов 46 минут. Налеты сопровождалась огнем тяжелой артиллерии.

В результате получили повреждения эсминцы «Сильный» и «Грозный», плавбаза «Смольный», подводная лодка «Щ-322», крейсер «Киров», минный заградитель «Марти». Затонули лидер «Минск», подводная лодка «М-74», СКР «Вихрь», буксир и баржа с боеприпасами, буксир

*120-мм орудие батареи лейтенанта Нарядчикова готовится к открытию огня по вражеским позициям.
Якорная площадь. Апрель 1942 года. (Из фондов ЦВММ).*

«КП-36». Сел на камни транспорт «Леваневский». Были сбиты 16 самолетов противника.

Самым трагическим событием этого страшного дня стал взрыв колоссальной силы на линкоре «Марат». От попадания пяти-соткилограммовой бомбы сдетонировал боезапас первой башни главного калибра. От взрыва оторвалась носовая часть до второй башни. Он сел на грунт. Погибло более 320 человек командиров и краснофлотцев линкора и рабочих Морского завода. Несмотря на тяжелые потери, «Марат» продолжал вести бой, ведя артиллерийский и зенитный огонь.²

Вечером после окончания бомбежки по всему городу прошел слух: ««Марат» взорвали». Мы, ребята, побежали в Петровский парк. Верхушки деревьев и часть деревьев были сметены взрывом. На ветвях деревьев болтались на ветру тельняшки, рубы и части обмундирования погибших моряков и рабочих.

² Кронштадт. Война. Блокада. СПб., 2005.

На земле лежали погибшие. Дальше идти мы побоялись и возвратились домой.

После бомбежки улицы были завалены битым стеклом и кирпичом, деревянными обломками. Валялись вырванные взрывами оконные рамы и сломанные двери. В разрушенных домах хорошо были видны межэтажные перекрытия, жилые комнаты с наклеенными обоями и оставшейся мебелью и печами, кухни и коридоры, выкрашенные на высоту человеческого роста синей краской на побеленных стенах. На месте разрушенной части дома высилась гора битого кирпича, деревянных обломков перекрытий, стальных перегородок и мебели и много искореженных остовов железных кроватей. В Морской собор попало лишь 2 снаряда. Немцы Морской собор не трогали, так как он служил им ориентиром.

В последние дни октября сильно похолодало. Морозы доходили до 40 градусов. Лед образовался на всей Невской губе. Почти пятидесятикилометровый ледовый фронт, фланги которого упирались в Ораниенбаумский плацдарм на юге и в район Сестрорецка на севере, давал возможность противнику проникнуть в Кронштадт и Ленинград именно по льду.

Наземных войск, кроме 141-го артиллерийско-пулеметного батальона, в Кронштадте не было. Поэтому основу обороны составляли лишь огневые средства, которых тоже не хватало.

Две 254-мм пушки четырехорудийной батареи форта «Риф» были сняты и установлены в районе немецкого кладбища, где была создана новая батарея № 665 190-го ОАДН.

22 ноября 1941 года командование КБФ и Кронштадтской крепости ввели в действие план зимней обороны: «...на о. Котлин оборудовать отсечные позиции путем устройства завалов — баррикад, которые прикрыть пулеметным и артиллерийским огнем. В городе устроить завалы — баррикады, отсекая отдельные районы города, не давая противнику распространяться по городу, в окнах устроить огневые точки для прострела улиц и перекрестков».

В результате было установлено более 15 км проволочных заграждений, 89 дотов и дзотов, 21 подвижная огневая точка, приспособлено к обороне 166 домов, развер-

нуто 47 артбатарей, выставлены мины, в том числе электроуправляемые.

На складах артиллерийского отдела отыскали 16 тумбовых и колесных орудий. Несколько пушек и пулеметов установили на металлические сани и отправили в различные точки «ледового фронта» на линию Мартышкино — Лисий Нос. Основную же часть такого вооружения передали Городскому оборонительному участку.

Для наблюдения за противником и корректировки огня нашей артиллерии было оборудовано несколько наблюдательных постов, главный из которых находился под куполом Морского собора в Кронштадте. Дальность видимости с него составляла 45 километров. Это давало возможность засекаать огонь батарей врага и вести корректировку с большой точностью. КНП в Морском соборе, которым командовал Л.Л. Шретер, сыграл очень важную роль в организации контрбатарейной борьбы артиллерии КБФ и кронштадтской крепости с фашистами.

Разведчики-наблюдатели вели непрерывное визуальное наблюдение за противником. И как только его батареи начинали обстрел Ленинграда или Кронштадта, обрабатывали все данные, полученные с других постов, и определяли координаты стреляющих орудий врага. Затем в контрбатарейную борьбу вступала наша артиллерия, которая неизменно брала верх в этой смертельной схватке...

«Артиллеристы КБФ показали мастерство, героизм, продемонстрировали блестящее качество отечественной материальной части, в особенности пушек 130-мм и 180-мм калибра и их боеприпасов. Нужны были бы сотни морских боев, чтобы сравниться с интенсивностью стрельбы артиллерии КБФ. В военной истории едва ли повторится такой пример классического использования морской артиллерии для нужд наземных войск, как беспримерная работа КБФ в Великую Отечественную войну».³

В наших руках на южном берегу залива остались форты Красная Горка и Серая Лошадь с мощной артиллерией в Ораниенбаумском плацдарме. Вокруг были установлены наблюдательные вышки, постам которых было сказано: «Если

---

³ Из воспоминаний генерал-лейтенанта Г.Ф. Одинцова, командующего артиллерией Ленинградского фронта

появятся отряды немцев до 700 человек — эти отряды отбивались стрелковыми морскими частями. Если же появятся отряды более 700 человек — давать их координаты и вызывать артиллерию Красной Горки». После нескольких пристрельных выстрелов такие отряды надежно уничтожались огнем крупных калибров.

В 1940 году был направлен работать в Таллинский арсенал работник Кронштадтского арсенала дядя Федя Волков, муж родной маминой сестры Феодосии Николаевны.

В августе 1941 года город Таллин окружили немецкие войска.

Дядя Федя участвовал в знаменитом прорыве кораблей, транспортов и вспомогательных судов КБФ в город Кронштадт 28—30 августа. Тогда из 206 их погибло 56 и примерно 10 903 человека. Ему в этом прорыве повезло, он прорвался.

После прибытия в Кронштадт дядя Федя сразу пришел к нам, одетый в дорогое кожаное пальто. Разговорились. Я его и спрашиваю: «Где же твои вещи?» Он вытащил из кармана будильник и говорит: «Вот все мои вещи». Он стал жить у нас.

Когда началось голодное время, он ушел на казарменное положение в общежитие Арсенала на Кронштадтской улице, сказав, что мы его объедаем. Зимой к нам пришел мальчишка из Арсенала, сказал, что дядя Федя просит прийти к нему. Мама пошла и привела его. Вернее, притащила на себе. Он обвис на ней и еле передвигал ноги. Привела, посадила его на венский стул. Затопила печку. Сидим, разговариваем. Он просит: «Анна, дай мне белого сухарика». Вдруг с него потекло под стул. Мама говорит, что это у него все отключилось. Мы уложили его на кровать, и мама пошла в булочную. Принесла белой булки, выдаваемой на мою детскую карточку. Затопила самовар, нарезала булку маленькими кусочками и положила их сушить на крышку самовара, но он умер, не дождавшись, когда они подсыхнут. Мы перенесли его на пол. Нагрели воды и вымыли дядю Федю.

Одели, завернули и зашили его в простыню. На моих детских саночках повезли в морг Главного Военно-морского госпиталя. Там уже лежало много покойников штабелями. Мы уложили его в низкий штабель, где было поменьше покойников.

В сентябре 1941 года, после того как брату Вале исполнилось 18 лет и наступил призывной возраст, ему пришла повестка из райвоенкомата о призыве его в действующую Красную Армию. Брат говорит мне: «Галя, я ухожу в армию воевать с немцами». Он мне это сказал, а я смотрю на него и ничего не понимаю. В моей голове это просто не укладывается. Такой тоненький, беленький, голубоглазый, нежный, небольшой мальчик — мой брат и боевой солдат? Я ему и выпалила: «Какой ты солдат? Тебя же там сразу убьют».

В ноябре 1941 года Валя был ранен. Пропал без вести. Эти тогда произнесенные мною роковые слова всю жизнь не дают мне покоя.

Мама принимала неоднократные попытки узнать о его судьбе. Они не дали результатов. О судьбе Вали мы ничего не узнали.

Зимой 1941–1942 годов мама служила бойцом формирования Местной противовоздушной обороны Главной военно-морской базы Краснознаменного Балтийского флота (сокращенно МПВО ГВМБ КБФ) г. Кронштадта.

Она была в команде медико-санитарного подразделения и была причислена к объектам военных предприятий на основании приказа народного комиссара Военно-морского флота (НК ВМФ).

Мама дежурила на чердаках, совершала обходы военных объектов и жилых домов. В жилых домах она совершала обходы квартир, в которых выявляли умерших и выносили их.

Мама боялась оставлять меня одну в пустой квартире и всегда брала с собой на дежурство.

Во время обхода одной квартиры я захотела в уборную. Мне показали, где она. Я открыла дверь в уборную, и на меня вывалился труп женщины. Она умерла на стульчаке и так на нем и сидела.

Обходы совершались группой из трех человек, в основном состоящей из женщин. Иногда в группу включались военные моряки.

Зимой 1941 года умерла хорошая мамина подруга. После нее остался один-единешенек сын Володя Морозко, мальчик на пару лет старше меня. Мама решила взять его в нашу семью. Некоторое время Володя жил с нами. Но потом жизнь показала, что нам всем не выжить. Мама договорилась, и мы отвели Вовку в Морскую воинскую часть на улице

Восстания. Нас встретил командир части, осмотрел Вовку, встряхнул его и сказал: «Подойдет». Его взяли «сыном полка». Он воевал, остался жив. После войны приезжал в Кронштадт. Мы встретились. Потом связь прервалась.

Мамин знакомый матрос-водолаз принес нам целое ведро изюму, поднятого с затопленного в море судна. Я попробовала его и сразу выплюнула. Он был горько-соленый, весь пропитан морской водой и есть его было невозможно. Мама как-то его отмочила, и мы его весь съели.

У нас в доме был пес по кличке Ермак. Мама с соседкой, тоже Анной, убили его. Мясо разделили. Мы его тянули как можно дольше.

В нашей семье жил кот Васька. Все время он болтался под ногами и у стола. Зимой мама сварила вкусный мясной суп. Сидим, едим, а кота не видно. Я и говорю маме: «Куда-то кот задевался?». Только потом я поняла, что мама сварила Ваську. И мы его ели несколько дней.

Мамина подруга Зинаида Ивановна Надлонник, жившая рядом в доме на углу Красноармейской, 29 и Карла Маркса, с двумя детьми Володей, 1929-го и Надей, 1939 года рождения, зимой, 1942 года переехала жить к нам, так как у нас было теплее. Мама, тетя Зина, Володя и я ходили в разрушенный дом напротив и таскали оттуда всякие деревянные обломки для нашей буржуйки. Зинаида Ивановна спала с Надей на кушетке, а я с Володей на кровати, одетые в пальто и валенки. Вскоре в 1942 году они эвакуировались.

Зимой мама заболела и легла в больницу. Я осталась в квартире совсем одна. Меня взяла к себе одна одинокая женщина. Как только я к ней пришла, она осмотрела мою голову. Голова была полна вшей. Она смазала мою голову керосином. Так как у меня были на коже расчесы, мне было очень больно, и я не давалась.

Когда мама вышла из больницы и пришла к ней за мной, то сняла с себя золотую цепочку с золотым кулоном и с руки золотое обручальное кольцо и отдала ей. Я была при этом и удивилась, зачем она это сделала, мне стало жалко маминых украшений. Я тогда не поняла, что это мама

отблагодарила за меня. Обручальное кольцо она не взяла, вернула, сказав: «Это твое, я взять его не могу».

Зимой мы испытывали сильную нужду. Маме пришлось сменять на хлеб наш большой платяной шкаф из дуба и кушетку.

**Справка о нормах продажи по карточкам хлеба населению
по постановлениям Военного совета Ленинградского фронта
за период с июля 1941 года**

Дата	Рабочие и ИТР	Служащие	Иждивенцы и дети
17.07.1941	800	600	400
02.09.1941	600	400	300
11.09.1941	500	300	200
01.10.1941	400	200	200
13.11.1941	300	150	150
20.11.1941	250	125	125
25.12.1941	350	200	200
24.01.1942	400	300	250

Балтийский флот имел свои запасы продовольствия.

В конце сентября-октябре по приказу Военного Совета Ленфронта из запасов продовольствия ВМФ в Кронштадте в Ленинград было отправлено 1545 т муки, 105 т сахара, 24 т рыбных консервов, 4 т сгущенного молока. Вплоть до 1944 года моряки курили папиросы Ленинградских табачных фабрик имени Урицкого и Клары Цеткин «Беломорканал» и «Звездочка», а высшие командиры курили «Герцеговину Флор», любимые папиросы И.В. Сталина.

В Кронштадте была своя железная дорога. Она начиналась за городской стеной у корпусов «Четвертого завкома». По дороге ходила дрезина. Дрезина — это небольшая тележка на четырех колесах для перевозки людей и небольших грузов. Она приводилась в движение при помощи рычага-ручки. Когда настало голодное время, я с подругой из нашего дома Кимой Коробченко надумали поехать к морякам в форт ДЕН. Попросились к морякам на дрезину, моряки нас подвезли. Там, за военным постом, перед русским кладбищем были вырыты

землянки, в которых жили краснофлотцы форта. Мы пошли к ним и попросили немного хлеба. Моряки не отказали, дали целую буханку, которую мы съели, не дойдя до дома. Летом 1942 года я пошла в школу в третий класс, не в свою школу № 8, а в школу № 10. Мама мне сшила матерчатую сумку,

которую я носила на лямке через плечо. В ней я носила кружку, миску и ложку. Нас водили обедать на улицу Ленина, дом 30 и на Флотскую улицу в столовую военной казармы. Давали на обед второе и чай. Тогда мы проучились недолго.

18 января 1943 года была прорвана блокада Ленинграда, а уже 7 февраля, в результате сверхскоростной стройки, в Ленинград на Финляндский вокзал пришел первый поезд с продовольствием из Челябинска. Самым ощутимым результатом прорыва блокады был хлеб. Теперь рабочие и ИТР начали получать по карточкам 700 г хлеба, служащие, дети и иждивенцы по 500 г. Одновременно с хлебом пошел поток писем.

Потом, когда я училась в 5 или 6 классе в 423-й школе на улице Рошалья, из американской помощи мне выделили портфель «резиновый», суконные брюки и банку тушенки. Так как я была маленькая, а американский портфель был вертикальный, то, когда я шла с ним, он задевал землю и «отскакивал». Мы — кронштадтские школьники носили детские противогазы.

Советский солдат сбивает прикладом автомата немецкий дорожный указатель.

Фотография сделана в период операции по окончательному снятию блокады Ленинграда (операция «Январский гром»).

Однажды, когда я шла по Якорной площади, начался артиллерийский обстрел. На площади начали рваться снаряды. Уже разорвалось несколько. Вдруг я почувствовала сзади сильный толчок. Я упала. Кто-то тяжелый повалился на меня. Краснофлотец, спасая меня от осколков, накрыл своим телом. Им оказался старший матрос боевой части пять эсминца «Стройный» Степан Ясько. Он проводил меня домой. В это время я жила одна без мамы. Мы подружились. Всякий раз, когда его корабль приходил в город, и у него была возможность, он навещал меня, всегда принося в противогазной сумке хлеб, галеты и еще что-то из своего пайка и пайка его товарищей. Наша дружба продолжалась больше года. В 1944 году он подарил мне свое фото. Его долго не было. Я приходила на пирс в Усть-Рогатке, где обычно стоял их корабль. Но его я больше не видела.

27 января 1944 года была снята блокада Ленинграда и Кронштадта, а 9 мая 1945 года пришла Победа. Закончилась Великая Отечественная война. Наступил мир. Но Ленинград и Кронштадт продолжали находиться в морской минной блокаде. Для всех настала мирная жизнь, а военные балтийские моряки продолжали воевать, выполнять боевую работу — траление, в первую очередь фарватеров.

Продолжали гибнуть корабли и люди. Лишь 5 июня 1946 года гидрографический отдел Балтийского флота опубликовал извещение № 286 всем морякам об открытии для плавания Большого корабельного фарватера от Кронштадта до Таллина и до Хельсинки. Таким образом, морская минная блокада была прорвана. Корабли и суда теперь могли приходить в Кронштадт и Ленинград со всего мира.

Но кроме фарватера, по Финскому заливу плавать было невозможно. Он кишел минами и только в 1956 году был очищен от мин и официально открыт для плавания. В ознаменование героического труда и подвига военных моряков-балтийцев с 2005 года 5 июня начали праздновать как День снятия морской минной блокады Кронштадта и Ленинграда.

Валентина Николаевна ДМИТРИЕВА

Когда началась блокада Ленинграда, мне было всего 7 лет. Я, мама Евстолия, папа Николай, моя старшая сестра Зоя, тётя Степанида — глухонемая от рождения, но очень красивая женщина и бабушка Мария жили на втором этаже в деревянном доме, расположенном в Ленинграде в местечке под названием Рыбакова дача. Дом этот, наверное, находился под охраной какого-то ангела, потому что за время войны в него не попал ни один снаряд, в то время как от кирпичных домов, окружавших наш, к 1945 году практически ничего не осталось!

Несмотря на войну, 1 сентября я пошла в школу, и во время блокады закончила первые два класса. Зоя тоже училась со мной, но в 1941-м, после введения карточек на продукты, мы с ней заболели, ослабли и с каждым днём всё реже посещали занятия. И в третий класс пошли только после войны.

Зимой нам с Зоей приходилось носить воду с Невы. Я ходила с литровым бидончиком, она — с трёхлитровым. Было очень холодно. Чтоб не замерзнуть, вместо валенок мы носили «бурочки», которые мама шила нам из старого пальто.

Конечно, как и большинство семей, в блокаду смерть не обошла стороной и нашу. От голода умерла моя бабушка и тётя Степанида, папина сестра. Мама похоронила их на Пискаревском кладбище. Увезла покойников незаметно, так, что я даже ничего не видела. Поэтому этот тра-

Рыбаковская дача, 1951 год.

гический момент почти не помню.

Весной мама определила меня в стационар, потому что я болела дистрофией и могла умереть от истощения. Месяц лечения пошел мне на пользу. В больнице детей кормили лучше, и через некоторое время я даже стала ходить, а потом и «подкармливать» маму. За столом во время обеда я прятала в чулочек корочки хлеба, выходила на балкон и бросала их маме, хотя это было строго запрещено.

Зоя и Валя, декабрь 1934 года.

*Сверху вниз, слева направо:
Тетя Степанида, Евстолия Васильевна, Мария и Николай Чижовы*

Но, несмотря на запрет, то же самое делали и другие ребята. Каждый хотел поддержать свою маму.

Позже, когда меня уже выписали из стационара, людей на заводе стали кормить лучше, чтобы сохранить рабочую силу. Тогда моя сестра стала иногда незаметно для начальства приходить к маме на работу, и та весь свой обед складывала ей в бидончик, а вечером мы все вместе, втроём, ужинали этим пайком. Мама никогда не ела одна, всегда делилась с нами всем, что у нее было.

А какой был праздник, когда отца с фронта отпускали навестить нас. Он

приносил иногда целую буханочку хлеба. Какая это была радость! Папа живой, да ещё и с таким вкусным угощением!

А летом мама, бывало, сажала меня на улице на солнышке, давала травинку или ромашку, я её жевала и думала, что она вкуснее конфет. Тогда мы радовались каждому кусочку пищи, каждому лучику солнца!

Помню, однажды в 1944 году, когда уже прорвали кольцо блокады, на Пискарёвке снарядом убило лошадь. Люди, узнавшие об этом, бросились к ней и стали отрезать себе по кусочку конины. Маме достались только лошадиные губы. Она сварила из них холодец. Это был для нас большой праздник! Мама сказала: «Я не хотела вам говорить, что это губы, думала, вы есть

не будете». А мы говорим: «Мама, да как же не будем!? Раньше-то и не было такого вкусного холодца!»

«Освободили город Ленинград от фашистских захватчиков» — эти слова, прозвучавшие по радио 27 января 1944 года, я запомнила на всю жизнь. После этого сообщения все ликовали, выбежали на улицу, радовались, кричали. Устроили салют. Конечно, он был совсем другим, не такой, какие мы видим сейчас во время крупных праздников, не цветной — просто палили из ружей, давали залпы. Но тогда это было неважно — люди радовались освобождению.

Город долго приходил в себя после гитлеровских бомбежек. Люди по-прежнему голодали. Увеличенная порция хлеба проблемы не решала, вся страна страдала от недоедания. Ещё долго длился кошмар, ведь люди продолжали болеть, хоронили близких. Всё так же возили покойников на саночках. Но меня это уже не пугало и не удивляло. Однако в то, что кольцо может сомкнуться снова, не верили даже дети. Мы ждали, когда наконец мама придёт с работы, папа вернется с фронта, и всё будет так же хорошо, как прежде.

Сейчас это всё трудно передать словами. Притупилось чувство, хотя, когда фильмы про войну смотришь, сердце от боли сжимается и слёзы бегут по щекам.

Подготовила Анна Дмитриева

Людмила Васильевна ЕГОРОВА

В апреле 1941 года нашу семью постигло большое горе — трагически погиб мой отец. Возвращаясь домой с очередного партийного собрания (он работал председателем колхоза), вместе с товарищем он шёл по шпалам железной дороги, чтобы сократить путь. Был поздний тёмный вечер. Шел дождь, сильный ветер дул им в лицо. Мужчины громко разговаривали, не услышали шума идущего поезда за спиной и оказались под его колёсами. Оба погибли мгновенно. Наша семья очень тяжело переживала эту трагедию. Мать теряла сознание, и когда меня маленькую подносили к ней, я кричала (не знаю, почему) такие слова: «Мама, не плачь, мы другого папу купим». Кричала я, видимо, потому что хотела хоть как-то ее утешить.

Ещё при жизни папа говорил маме о том, что скоро будет война. По его словам, наше правительство старалось хоть как-то её отдалить, потому что наша страна была ещё очень слабая. Но ничего не получилось...

Война началась почти через два месяца после смерти папы. Люди в страхе не знали, что делать, и решили ехать подальше от немцев, вглубь страны, в сторону Ленинграда. Помню, как мы собрали необходимые вещи, продукты, и обоз лошадей с женщинами и детьми тронулся в путь. Мы проехали уже большую часть пути, как нас встретила советская армия и повернула обратно со словами: «Куда вы едете? Здесь уже фронт».

Через несколько дней мы снова были дома. Нам ничего не оставалось делать, как ждать «встречи» с немцами. В это время через нашу деревню проходило очень много беженцев из Ленинграда и его пригородов. Голодные и усталые, они шли семьями. Тяжело было и местному населению — приходилось делиться последним куском хлеба и крышей над головой. Вот и моя сестра из дома мужа переехала жить к нам, а в их доме поселилась семья из четырёх человек из Саблино: муж с женой и двое детей. Получалось так, что «доделились» до того, что самим кушать нечего стало. Пришлось печь хлеб с крапивой.

«Ждать» немцев пришлось недолго: на нашей Новгородской территории они появились быстро. Останавливались в наших домах, занимали комнаты, а нам оставалось ютиться всей семьёй из шести человек на кухне, в чулане, на печке. Молодые женщины и девушки, чтобы не привлекать их внимания своей внешностью, дабы не быть изнасилованными, старались одеваться небрежно, неряшливо и даже пачкали лицо сажей.

Когда немцы появились на нашей территории, первое, что они сделали, — назначили новое руководство, то есть старосту из местного населения и поделили всю землю в частное пользование крестьян.

К сожалению, среди нашего населения были предатели, которые встречали немецкую армию портретом Гитлера и сообщали, где находятся партизаны. В наших местах воевала «знаменитая» армия Власова. Конечно, патриоты переходили на сторону партизан, но и среди них оказывались жестокие люди, которых мы очень боялись. Нас, детей, ими частенько пугали, когда мы не слушались. Говорили: «Идут власовцы», и этим всё было сказано.

В партизанские отряды ушли и два моих брата 18 и 15 лет. Когда немцы находились в соседней деревне, к нам из леса приходили их товарищи. Накрывали стол одеялами, под него ставили лампу и там работали с картой, готовились к заданиям — поджогам мостов, где проходила немецкая армия, и подрывам железных дорог.

Помню, был такой случай. Группа партизан пошла на задание в соседнюю деревню вербовать молодежь

в отряд. Как только наши вошли в деревню, две цыганки — жительницы того села побежали к немцам, чтобы сообщить им о партизанах. Немцы приехали быстро. Партизан застали врасплох, и им пришлось прыгать из окон. Многие были убиты и ранены, тяжело ранили начальника Лукашевича, у которого служили мои братья. Всё это происходило ночью, поэтому раненым удалось уползти в кусты и вернуться в партизанский отряд. Убитых хоронили, как девушек, в платках, чтобы не вызвать подозрения у немцев.

В партизаны уходили от немцев и «наши» пленные, которые вместе с немцами жили в наших домах. Из-за одного такого пленного я чуть не лишилась старшей сестры. Звали его Николай. И ему очень понравилась моя сестра. Было ей тогда 20 лет. Взаимностью она, конечно, не ответила, так как ее муж воевал на фронте, и у них был годовалый ребенок. Николай настаивать на своем не стал, но, уходя в отряд к партизанам, со стены из общей рамки взял ее фотокарточку, и этого никто даже не заметил.

При выполнении задания Николай чуть снова попал в плен. Уцелел чудом, когда за ним гнались три немца. Они хотели взять его живым. Двое вскоре выбились из сил и отстали, а третий долго преследовал, буквально по пятам. Те поняли, что Николай может укрыться в лесу, открыли огонь, но попали в своего товарища. Николай упал мгновенно, испачкался кровью убитого и притворился мертвым. Подбежав, фашисты забрали у «мертвого» партизана документы, раздели его и ушли

в деревню, в свою часть. Когда приехали за трупами, обнаружили только один — немца. Раздетый Николай вернулся в свой отряд. Все это происходило в двух километрах от нашей деревни. Немцам, конечно, не составило труда по бумагам и документам, найденным у Николая, найти мою сестру и признать её связной с партизанами. Сестру взяли в плен, несмотря на рыдания матери, и увезли в районный центр на допросы. Поместили её в баню вместе с другими пленными партизанами. Один из них хорошо знал мою сестру. Но, кроме того, к ним посадили наушника, который докладывал о разговорах среди заключенных. Знакомый сестры ему как-то пригрозил: «Если ты что-нибудь скажешь про неё, я тебя тут же, на нарах, задушю». Тот, конечно, испугался и молчал. Пытали сестру много раз. В бане на полках, где обычно парятся, ее без одежды заставляли ложиться вниз лицом и били розгами, которые представляли собой гибкие металлические жилы, обтянутые резиной, диаметром 1,5 сантиметра.

Прошло несколько дней, как увезли сестру, и материнское сердце от переживаний не выдерживало. Мама собрала продукты, какие могла: несколько кур, несколько десятков яиц, домашний мёд — немцы всё это любили — и поехала в районный центр. Там ей объяснили, куда и к кому подойти. Пришла в приёмную и, рыдая, кинулась в ноги к начальнику. Мать говорила о том, что дочь не виновата, с партизанами не связана, что у неё маленький ребёнок, что фотография оказалась в кармане случайно, очень просила ее освободить. И вот свершилось чудо — сестру отпустили. От пыток вся ее спина была в рубцах.

Но беда не приходит одна. Не успело пройти одно горе, как на нашу семью обрушилось другое. Партизаны сообщили, что старший брат попал в плен и отправлен в Лугу. Мама поехала в лагерь для пленных русских, которых готовили отправить на работы в Германию. Она приехала во время обеда. На проходной дежурил русский пленный, поставленный немцами. Мама все ему рассказала, назвала фамилию. Он проверил списки и объяснил, где находится мой брат и как к нему пройти. Мать прошла в помещение и увидела, как у печки опухший от голода сидит ее дорогой сын и варит какую-то кашу. Навер-

ное, есть у каждого человека своя судьба или в тот день повезло с охраной — люди были добрые, — так или иначе, но мать с братом пропустили через проходную. Свобода! Рядом с проходной стояла лошадь в упряжке. Мать надела большой тулуп на сына, повязала свой платок ему на голову (у неё было два), уложила его в сено и поехала. Когда где-то по дороге их останавливали, говорила, что везет дочь из больницы. А лицо у моего брата было очень красивое и похожее на девичье. Когда они вернулись в деревню, он снова ушёл в партизаны.

Немцев, воевавших с нашими во время войны, принято ругать. Но, вы знаете, среди них встречались разные люди: и добрые, и злые. Тогда мне было шесть лет, но я помню, как они угощали меня вкусными бутербродами и конфетами. Брала меня на руки и рассказывали маме, что у них дома остались такие же дочки, по которым они очень скучают. Они говорили: «Пусть бы наш Гитлер и Сталин подрались, а народ не трогали» и еще: «Мы не стреляем в людей — это грех. Мы стреляем в воздух». Звали их Курт и Ганс.

Но бывало и по-другому... Однажды вышли мы с братом на улицу погулять, ему было 12, мне 6 лет. Во дворе сидела большая немецкая овчарка, и, видимо, фриц дал ей команду, чтобы она схватила брата за руку, и вся кисть его детской руки оказалась в пасти собаки. Когда пес отпустил, я увидела вместо кисти большой кровавый комок. Но, слава богу, рука и кисть оказались целы. На наши крики выбежала мама и вместе с немцами пошла в их травмпункт. Промыли рану, смазали неизвестной нам мазью, забинтовали, и после трёх перевязок через две недели рука зажила. Но шрамы от укусов остались на всю жизнь. С тех пор я боюсь всех собак, страх меня не отпускает.

Когда немецкая армия стала терпеть серьёзные поражения, немцы очень ожесточились, уничтожали деревни вместе с населением — людей сгоняли в сараи и поджигали. Партизаны нам сказали, что надо уходить в лес. Хлеб, зерно, картофель, ценные вещи, например, швейные машины, одежду мы убирали в деревянные бочки, которые опускали в глубокие ямы и закапывали. Выезжали из деревни в лес поздней осенью. Иногда шел снег. Партизаны уже разобрали мост, и

мы оказались отрезанными от всей остальной деревни. Идти приходилось болотом, оно — на открытом месте. А в деревне на расстоянии двух километров стоят немцы. Пешком, прячась в кустах, пройти незамеченными еще можно было, но вот продуктовую повозку с коровой в придачу маме переправлять было очень трудно. Немцы следили за нами с колокольни церкви, оттуда мы у них были, как на ладони. И как только мама подъезжала к открытому болоту, они начинали стрелять, она — обратно. Так повторялось несколько раз. Потом всё-таки ей удалось переехать это болото и уйти далеко в лес, к партизанам. В лесу мы с другими взрослыми и детьми жили в старом сарае для сена. Уже настали холода. Шел снег, поэтому костёр разводили прямо в сарае. Дети обогревались, а взрослые сутками строили окоп. Спасибо партизанам, которые помогли нам в строительстве. Построили окоп быстро. Основная его часть находилась в земле и только небольшая — на поверхности. В окопе сложили печь для обогрева и приготовления пищи. К тому времени весь мелкий скот пришлось зарезать. Однажды печь затопили днём, и тут же на нас посыпались немецкие бомбы из самолётов. Мы спрятались в снегу под огромными корнями поваленных деревьев. Хорошо, что всё обошлось без жертв. Приехали партизаны и сказали: «Топить печь можно только ночью, когда темно и не видно дыма».

Окопы с людьми были разбросаны по всему лесу, далеко от населённых пунктов. Бывало, в них попадали бомбы... Жить в таких условиях нам пришлось год. За это время дети настолько окрепли, что когда родителей не было поблизости, бегали босиком по снегу наперегонки от окопа до сарая и обратно. Это расстояние было метров 150. Наконец, настал день, который мы все так ждали. Я просыпаюсь в окопе и вижу: кругом — солдаты. Их было так много! Идут по лесу бесконечной цепочкой. Так продолжалось много дней и ночей. Вместе с ними ушли на фронт и наши партизаны, и мой старший брат. Младшего не взяли по возрасту, ему было всего 16 лет. Старший — Лосев Виктор Васильевич, воевал с 1943 года в Ленинграде на Чёрной Речке. Это место тогда называли «коридором смерти» между Волховским и Ленинградским фронтами. В конце войны он воевал

в Венгрии. Был награждён медалью «За отвагу». Служил снайпером. Но домой так и не вернулся. О его смерти нам подробно рассказал наш земляк, у которого на глазах и погиб мой брат. Пуля немецкого снайпера попала ему прямо в лоб. Похоронили брата в Будапеште в братской могиле.

После освобождения нашей территории от немцев мы вернулись в деревню, но там не оказалось ни одного дома, ни одного сарая. Всё дотла сожгли фашисты. Поселились мы в овощехранилищах. Жили так, пока не построили себе маленькие избёнки. Война ещё продолжалась, но на освобождённых территориях шли полным ходом восстановительные работы, развивалось сельское хозяйство. На прополку овощей и сушку сена привлекали детей с 12 лет. Открылась школа, но она находилась в другой деревне, в 5 километрах от дома. Мне, 8-летней девочке, приходилось ходить на уроки лесом, мимо кладбища. Осенью в 3–4 часа дня уже темно, а после войны в наших лесах рыскали волки — было очень страшно. Я и сейчас это вспоминаю с ужасом. Но я всё выдержала.

Подготовила Анна Дмитриева

Нина Павловна ЖУРАВЛЕВА

• *Инженер-лейтенант, участница обороны Москвы.*

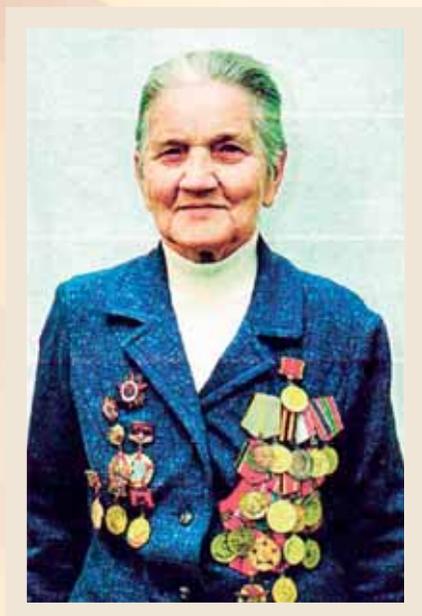
★ *Награждена орденом Отечественной войны II степени и 6 медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.» и «Ветеран труда».*

Родилась 27 апреля 1923 года в семье крестьянина в деревне Немченята Кировской области. В 1938–1940 годах усиленно проводилась работа по ликвидации неграмотности. Мы — комсомольцы ходили 2–3 раза в неделю заниматься с колхозниками.

Жизнь постепенно налаживалась, так было до лета 1941 года. Потом началась война. Ее грозные отголоски мы ощутили на себе. Времена наступили трудные. 22 июня 1941 года мы после выпускного бала (окончили среднюю школу — 10 классов) собирались отправлять документы для поступления в институт. Настроение было великолепное. Я хотела подать документы в медицинский институт города Ленинграда. Вдруг услышали, что началась война — фашистская Германия напала на нашу страну.

В апреле 1942 года Шабалинский РВК Кировской области призвал нас (девчат, окончивших 10 классов) для прохо-

ждения службы в РККА. Так 1 мая 1942 года я приняла присягу.

После изучения материальной части, которую мы должны были использовать в нашей службе, меня направили в 1-ю роту прожекторного батальона 251-го зенитно-артиллерийского полка слухачом-корректировщиком Красной армии. Служба по защите неба столицы началась в составе 1-й роты 7-го прожекторного полка 53-й зенитно-артиллерийской дивизии особой Московской армии. Наш полк стоял в 30 километрах от Москвы, близ Ленинградского шоссе у поселка Крюково.

Мы заняли позицию у станции Крюково, между пепелищами деревень. Израненной, но уцелевшей была только одна березка. Возле нее мы и отрыли наши землянки для своей матчасти и жилья в них.

Мы увидели брошенную немцами после боев за Москву технику — танки, бронетранспортеры, орудия и машины. Земля была усыпана гильзами.

Наша точка — 661-я позиция — имела на вооружении звукоулавливатель, соединенный через пост управления с прожектором, который направлял луч на летящую цель. Бдительно следили за небом опытные «слухачи». «Слухачами» были, в основном, уже служившие в армии мужчины, а у прожектора и поста управления девушки. На каждой точке было 6—7 девушек.

Как только к подступам Москвы приближался вражеский самолет, наш расчет по тревоге занимал свое место. «Слухачи» ловили по звуку и давали направление на приближающийся самолет, корректировщики определяли его нахождение, и через пост управления передавалась

команда на прожектор. Включался луч прожектора, и прожекторист непрерывно вел цель в зоне зенитной артиллерии, которая обстреливала самолет или отгоняла его от города. Жаль, что мы не могли вести личный учет сбитых самолетов врага так как в каждом случае участвовали одновременно несколько точек.

Вокруг Москвы была расположена наша особая Московская армия.

Вражеские самолеты летали и после того, как немцев отогнали от Москвы наши наступающие части. Так, в начале 1945 года ранним утром «слухачи» обнаружили неизвестный самолет, летевший вдоль Волоколамского шоссе. Наши точки, расположенные у шоссе, сразу не смогли уверенно определить — наш это самолет или немецкий, пытавшийся проникнуть в небо Москвы и сбросить бомбы на город. Самолет продолжал лететь к центру. Командир роты позвонил на нашу 661-ю точку. Вызвали меня из землянки (я была начальником звукоулавливателя, старшим сержантом) и дали задание срочно определить, чей это самолет. Я внимательно вслушалась в шумы и звуки мотора летящего самолета, перебрала в памяти, на что они похожи и твердо доложила — летит немецкий «Юнкерс». Его сразу начали обстреливать наши зенитки, и, повернув назад от города, он попытался улететь из зоны огня. Но вражеский самолет уверенно вели прожектора, и разрывы снарядов зениток с каждым разом были все ближе к нему. Его сбили уже вне пределов нашего сектора воздушного контроля. Попытка немецкой авиации нанести бомбовый удар на спящий город была предотвращена.

За успешное и быстрое выполнение этого и других таких заданий я была представлена к награде медалью «За боевые заслуги». Медаль мне вручал в полку командующий Центральным фронтом противовоздушной обороны в июне 1945 года.

24 июня 1945 года нашу 661-ю точку, вместе с прожектором привлекли к участию в салюте Победы в Москве. Мы со своим прожектором стояли у Белорусского вокзала, где проходили на Парад Победы наши победители. Салют начался в полночь, и по команде, включив луч прожектора, мы освещали, вместе с другими прожекторами, небо Москвы.

Демобилизовали нас на основании закона Верховного Совета Союза ССР приказом от 23 июня 1945 года. После демобилизации в конце августа я вернулась домой в Кировскую область, взяла аттестат об окончании средней школы и сразу же отправилась с ним в Ленинград — поступать в институт. В медицинские институты набор студентов уже закончился. Чтобы не терять еще год, поступила в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта на эксплуатационный факультет, который окончила с отличием. В институте была военная кафедра, мне присвоили звание инженера-лейтенанта.

Закончив ЛИИЖТ в 1950 году, по направлению поехала работать на станцию Псков Ленинградской железной дороги. Сначала работала дежурным по станции, а затем стала инженером станции Псков.

В 1948 году вышла замуж за студента ЛИИЖТа. В 1951 году в связи с переводом мужа вернулась в Ленинград. Меня тогда по переводу направили в проектный институт Ленгипротранс, а затем в Промтранснимпроект, где моя работа продолжалась в течение шестнадцати лет (до выхода 28 апреля 1978 года на пенсию по возрасту). За добросовестный долголетний труд 27 ноября 1978 года мне было присвоено звание «Ветеран труда» и я была награждена медалью «Ветеран труда».

У нас выросли дети, внуки и сейчас растут правнуки. Мне выдали удостоверение участника войны и знак «Фронтовик 1941—1945 гг.». Кроме него мне были торжественно вручены знаки — «Ветеран I корпуса ПВО — 9 мая 1984 года, в память об участии в защите столицы нашей Родины — города Москвы в годы Великой Отечественной войны в составе частей 1 корпуса ПВО», знак 60-летия битвы за Москву и медаль «В память 850-летия Москвы».

Ольга Тимофеевна ЗИМНИЦКАЯ

В 1941 году мне исполнилось 9 лет. Война застала нашу семью в Смоленской области. Нашу Смоленщину очень быстро заняли фашисты. Отец почти сразу ушел в партизанский отряд. С ним ушел и мой старший брат Толя.

Когда мне было 11 лет, маму арестовали как жену партизана. Меня, маму и младшего брата Витю возили из лагеря в лагерь и в конце концов привезли в Белоруссию — в большой распределительный лагерь. Спустя пару дней нас погрузили в большие товарные вагоны, так называемые «телятники». Привезли нас в Освенцим — концентрационный лагерь. Мы же ведь ничего не знали, куда едем и зачем, разве с нами кто-нибудь разговаривал?! Нам дали одежду, помыли, побрили и накололи каждому узнику на тело его порядковый номер в лагере. Мой номер был 65818. Барак, в который нас поселили, был ужасен: каменный пол, каменные двухэтажные нары, грязь. В основном в этот барак помещали женщин с детьми. Что бы ни случилось, ни одна женщина не плакала, потому что просто уже не было никаких сил — ни моральных, ни физических. Каждая из них понимала, что нас привезли сюда умирать.

Мы понимали, что каждый день кто-то из узников умрет: либо ты умрешь сам, либо тебя убьют фашисты. Бывало такое, что ложится женщина вечером спать с двумя

Группа детей, освобожденных из концлагеря Освенцим.

детьми, а на утро обнаруживает, что один из ребятишек уже умер. А что для матери может быть страшнее смерти ребенка?!

В ноябре 1943 года немцы в лагере разлучили детей с их матерями. Меня отняли от мамы вместе с братом. Как сейчас, помню мамину просьбу не бросать Витю и позаботиться о нем. Но я не смогла сдержать этого обещания. Витю у меня отобрали. Я была ужасно подавлена и долгое время не могла прийти в себя. За это время я сильно истощала.

Худую и изможденную меня перевели из Освенцима в эссовский институт гигиены. Меня выхаживали, откормили и 3 мая 1944 года вывезли в город Константин. Там я попала в детский концентрационный лагерь, где врачи и воспитатели были русскими военнопленными. Обращались с нами очень хорошо, потому что все были свои. Там я впервые начала работать.

Осенью и зимой 1944 года все чаще стал доноситься грохот артиллерийских выстрелов и взрывов. Мы понимали, что к нам приближается фронт. В этой связи

нас стали обучать, как прятаться во время бомбежек. Прячась во время авианалетов от своих же советских самолетов, мы хором напевали советские песни!

19 января 1945 года из лагеря нас освободили части Советской армии. Как мы их встречали!

В последующем всех вывезли в Москву, а потом распределили по различным детским домам. Я попала в нижегородский детский дом в поселке Пролетарий. Там же я встретила День Победы. О завершении войны объявили по радио. Помню, как воспитатели пришли к нам в спальню, и их радости не было предела. Все быстро оделись и выбежали на дорогу, размахивая руками и визжа от счастья.

Я была девочкой очень сообразительной, хорошо помнила свой домашний адрес в Смоленске и адрес бабушки в Белоруссии. Очень скоро я получила письмо от тети и попросилась к ней жить. Однако она мне отказала, сказав, что жизнь и так очень сложная и взять меня пока никак не может.

Но все же судьба оказалась ко мне благосклонна. Мама написала мне письмо в детский дом, и в 1946 году забрала меня в Белоруссию. Там я узнала, что папа погиб в бою, а старший брат Толя выжил и тоже вернулся к нам. Наша семья снова была вместе.

Из своей довоенной жизни я почти ничего не помню, наверное, потому что в Освенциме все это стерлось из памяти из-за невыносимых условий быта и постоянного страха смерти.

61 год я проработала медицинской сестрой. В 1955 году переехала из Белоруссии в Ленинград. Здесь живу и по сей день. Война во мне живет и сейчас, не дает покоя. Мне очень хочется мира на этой планете, чтобы никогда не повторились ужасы той войны, которую мы пережили детьми.

Подготовила Лидия Иванова

Наталья Александровна ИВАНОВА

Многое о войне мы узнали из воспоминаний нашего отца — Калинина Александра Матвеевича, что-то хранит и наша собственная память. Бомбежки по сей день видятся так, как будто это было совсем недавно — прошлое невозможно стереть из нашей памяти.

Мы — дети войны: на июнь 1941 года Светлане было почти 6 лет, мне — Наташе — четыре с половиной. Первые годы своей жизни мы с родителями жили в Мукково, по месту службы отца. После присоединения Эстонии к Советскому Союзу папу перевели в Палдиски (под Таллином). Имея военное образование (Ленинградское училище связи, 1933 год окончания), он руководил работами по созданию станций наблюдения за приближающимся противником для передачи по радио его координат и отражения атаки. Об этом написано в книгах «Никто не забыт, ничто не забыто» (2 и 3 часть). Впоследствии отец был участником обороны Ленинграда, сражался под Сталинградом, штурмовал Берлин. Службу он завершил в звании полковника.

Из нашей жизни в Палдиски сохранились такие воспоминания: мама нас иногда отпускала гулять за пределы дома, который стоял недалеко от пристани. Там мы подолгу наблюдали за кораблями, стоя у колючей проволоки. Хорошо помнится первый день войны: перед нами совсем низко летели самолеты с крестами, казалось, их было несметное множество. Военный городок фашистов не интересовал, они летели к пристани — стоянке кораблей. Видно, наши связисты и морская

артиллерия были на чеку, так как большая часть плавсредств благополучно перешла из Таллина в Кронштадт до начала блокады Ленинграда, хотя и с потерями. Из рассказов нашего папы вспоминаю такое: когда снаряд попал в крейсер «Казахстан», людей из воды

поднимали даже моряки «Охотника» — самого маленького судна, пока он не сел ниже ватерлинии.

Вскоре после налетов началась эвакуация семей военнослужащих. Папа не решился нас отправлять водным путем, и до Таллина мы ехали на грузовой машине в сопровождении матросов. Они стояли за кабиной и часто перестреливались с немцами. Дети лежали на дне кузова, накрытые брезентом.

Посадка в поезд в Таллине была сравнима с адом: толпа людей с вещами в полном смысле «воевала» за возможность войти в вагон; меня толкнули под колеса, какой-то матрос достал и передал меня в окно. Только таким путем не только мы, но и другие дети могли попасть в вагон.

Ехали ночью, и вдруг налет. Пассажиры по приказу военного времени покинули вагоны и отсиживались в лесочке. Мама нас чем-то накрыла и просила не выглядывать. Было страшно: бомбы падали со свистом и взрывались, мы, конечно, вздрагивали и подсматривали, что это? К счастью, эшелон уцелел, самолеты улетели, по команде все заняли свои места и поехали дальше. В воспоминаниях папа пишет: «От Риты (*нашей мамы*) получил из Нарвы открытку: границу переехали благополучно». В Ленинграде мы были 10 июля, поселились у маминой сестры — тети Ани на ул. Блохина. Хорошо помню, как иногда мы с мамой или тетей ходили в зоопарк, который находился совсем рядом. Неужели он работал?

Как мы питались, не помню, но один раз за все блокадные времена, пока мы были в городе, к нам приехал отец и привез банку сгущенки и немного хлеба. Он по службе бывал в Кронштадте, Ораниенбауме и на фортах. В воспоминаниях он пишет: «Мы знали, когда немцы обедают и отдыхают, и в это время можно проехать, куда это необходимо». Но больше всего помню, как ко мне в больницу пришел мой любимый дядя Петя (муж тети Ани) и принес 5 печений. В палате было 5–7 детей, и после ухода дяди все они окружили мою кровать, со

слезами прося хоть кусочек. Так я раздала почти все и потом так плакала, что меня пришли утешать какие-то тети в белых халатах. Я помню, что из Кронштадта позвонил нам папа, как только закончился переход кораблей ВМФ из Таллина. Позже в воспоминаниях он написал: «Трубку взяла моя младшая дочурка. Милый ребенок не представляет, что творится вокруг».

Как часто мы с сестрой вспоминали, что до войны у нас дома было много игрушек, и как нас заставляли есть. Перед глазами вставал и последний мирный Новый год: накануне 1941 года в Доме офицеров на детском утреннике я сбежала от мамы, а через какое-то время меня вывели на сцену, поставили на стул, и я рассказала:

*«Кто там ходит по дорожке, ой, какой сердитый он,
А у нашего Алешки прыгнул мячик на газон.*

Вот так-так, сказала Таня, вот так-так, сказала я,

Кто ж теперь его достанет: по траве ходить нельзя.

Ким надулся, — не пойду, попаду еще в беду.

Вдруг пополз какой-то мальчик, рады мы,

Алешка рад:

*Молодец, скорей назад, но увидел сторож сада,
Приложил свисток к губам: "По траве ходить не надо,
Чей ребенок ходит там?"*

*Извините, дядя Сеня, ползунок не виноват:
Здесь висит постановление для читающих ребят"».*

Мама часто при мне рассказывала своим знакомым о моей «выходке». А я теперь понимаю, в кого пошла моя внучка — артистка театра имени Ленсовета Маргарита Иванова. Бабушкины гены передались ей по наследству.

В блокадные дни мы часто спускались в бомбоубежище. Помню мамин голос: «Светлана, не отставай, держись за мою юбку, мне тяжело нести Наташу» (от ужасов войны у меня отнялись ноги). Во время обстрела все сидели на узких лавках, прижавшись друг к другу, никто не разговаривал, но как только по радио объявляли конец воздушной тревоги, все радостно выходили.

Как мы эвакуировались из Ленинграда в 1942 году помнит Светлана: «В поезде большая часть — военные. Ночью вдруг остановка — взрывы бомб и известный уже нам звук пикирующего бомбардировщика... Опять благополучно проскочили».

Вместо Астрахани, куда мы должны были ехать со всеми семьями, имеющими отношение к военно-морской академии, мы заехали в Мичуринск — проститься с парализованным дедушкой — маминим отцом, Поповым Прокофием Степановичем, участником Русско-японской войны 1904—1905 года. Отец моих внуков, Гуров Алексей, нашел в архиве важные для всех нас сведения. Оказалось, что Прокофий Степанович с 18 лет служил на судне «Ослябя». В 1905 году он вместе с «Авророй» и другими кораблями вышел из Санкт-Петербурга и, обогнув Африку, достиг японской гавани, где состоялось сражение. Тогда наш дед попал в плен, из которого вернулся лишь через два года.

После похорон дедушки Прокофия мы собрались в дорогу, в Астрахань. Бабушка Надя замесила тесто, чтобы утром испечь нам в дорогу хлеб, но отъезд не состоялся. Ночью налетели вражеские самолеты, они разбомбили железнодорожную сортировочную станцию Кочетовка (10 км от Мичуринска). Там, в поселке, прилегающем к стан-

ции, жили родители нашей мамы. Вряд ли кто из детей войны видел столько взрывов бомб, горящих цистерн с горючим и пожар всех домов поселка одновременно. Видно, немцы знали, что именно здесь сортируются эшелоны с топливом для помощи фронту. В ту ночь все население поселка бежало от пожара куда глаза глядят. Нас мама накрыла в огороде периной, дала Светлане в руки сумку с документами, а сама вернулась за чемоданом. Когда она возвратилась, мы побежали вслед за всеми. Впереди увидели, что люди прыгают в яму, оставленную после торфоразработок. Там уже были все наши родственники, кроме бабушки. Огромное огненное пламя нас, к счастью, не достигло. На следующий день, когда все стихло, начались поиски пропавших. Светлана помнит, что на краю воронки от взрыва бомбы наш дядя Ваня (мамин брат) обнаружил кровь и кишки, а тело бабушки было засыпано землей. Ее четырехлетнего сына, с которым она бежала, отбросило взрывной волной. К счастью, он остался жив, и его взяла на воспитание тетя Аня.

После похорон бабушки мы добрались до Астрахани, но там не задержались из-за бомбежек. Впереди нас ждал длинный путь в «телячьих» вагончиках в Самарканд, куда мы доехали вместе со всеми семьями академии за два месяца. В вагоне по обеим сторонам от входа были лежанки с сеном для восьми семей, в середине — печурка. Очень хотелось смотреть в маленькие окошки, но они были слишком высоко. Отрадной для всех была остановка недалеко от Аральского моря, где нам разрешили искупаться. Помню, как мы долго бежали по раскаленному песку и каким долгожданным было купание. Мама часто плакала: от папы не было писем. Лишь позже мы узнали, что после Сталинградской битвы он долго был на излечении от ран.

В Самарканде всех нас поселили в огромном сарае. Каждая семья имела две кровати и тумбочку, но со временем приехавшие находили жилье получше. Мы поселились в частном доме, где у нас на четверых (мама взяла несовершеннолетнюю осиротевшую сестру Нину) была одна широкая кровать и стол. На нем мама что-то чертила по вечерам при свете керосинки, работая на дому от академии. Рядом была и кровать хозяйки. По утрам, когда та еще спала, мы подбирали с земли

Разведчики Ленинградского фронта во время боя у проволочных заграждений.

Фотография сделана во время первого дня операции по прорыву блокады Ленинграда (операция «Искра»).

урюк (в другое время хозяйка строго запрещала делать это). В Самарканде Светлана ходила в первый класс, она до сих пор хранит похвальную грамоту за отличную учебу. Перед школой она должна была проводить меня в детский сад. Кроме этого, у сестры были и другие дела: ходить в кишлак за 0,5 л молока — это были остатки после того, как насосется теленок. Третья ее обязанность — бегать на кухню папиной Академии и получать положенный нам суп из чепухи и кукурузную кашу.

Вспоминаю постоянное чувство голода. Мама подружилась с соседями, преподавателями академии, они подкармливали нас. Как-то они попросили собрать с земли черешню, и мы, набрав ее в подол, пришли отдать собранное. К нашей радости, добрые люди сказали, что это подарок, и можно нести все маме.

Никогда не забуду, как мама попросила посмотреть за кашей и снять с огня, когда сварится. Через какое-то время мы стали пробовать, сварилась ли и незаметно съели все до дна. Мама пришла, увидела пустую кастрюлю

и долго молча плакала, так как мы ей ничего не оставили. Больше такого не повторялось никогда.

Были в дошкольной жизни и радостные минутки: в канун Нового 1943 года нам, «снежинкам», за выступление в детском саду подарили по пирожку с рисом. В другой раз от папы получили журнал «Мурзилку», и мама стала учить меня читать. В детском саду были русские воспитатели от академии, они нам тоже часто читали.

Невозможно забыть День Победы... Но победу праздновали не все: одни соседи получили «похоронку» о сыне. Все они так плакали, что скорбела вся улица. Тогда мы уже вернулись в Мичуринск, хотя там жить было негде. Опять «сняли» комнату (сначала в подвальной части дома, но вскоре нашли другую). Наши соседи оказались отличными людьми. Это были две сестры, мамы ровесницы. Одна работала в театре, другая шила на дому костюмы для этой же труппы. Нас они часто пропускали в зал со служебного входа. Пьесу «Три богатыря» мы выучили наизусть и, собрав детвору соседних домов, «поставили» свой спектакль в сарае. Туда же пригласили взрослых (входной билет стоил один рубль). На вырученные от спектакля деньги все участники смогли попасть на просмотр диафильмов, владельцем которых был взрослый мальчик. За несколько «сеансов» мы знали наизусть «Сказку о рыбаке и рыбке» и «Сказку о попе и его работнике Балде».

Только осенью 1946 года из Германии после победоносного окончания войны за нами приехал папа, получив назначение в Пиллау (ныне Балтийск под Калининградом) на должность зам. начальника штаба флота. Я пошла к тому времени в третий класс. Папа получил двухкомнатную квартиру с печками в комнатах и плитой на кухне. У меня была одна обязанность — мыть некрашенные полы, которые нужно было скоблить ножом. Но когда мама болела и лежала в госпитале, мне нужно было разжечь плиту, чтобы к приходу папы с работы что-то сварить. Помню, что один раз дрова не загорались. Раньше я видела, как папа подливает на дрова какую-то жидкость и повторила этот прием. Как потом выяснилось, я плеснула бензин. Он быстро вспыхнул в консервной банке, которую я держала в руках. Огонь стал гулять по полу, загорелся половик. Я испугалась, открыла дверь и

стала кричать: «Пожар!»... К счастью, вблизи шел мужчина, который все быстро потушил. От страха меня трясло, а ужина не получилось.

В Пиллау, кроме военных, видимо, проживало немецкое население или они приезжали откуда-то и предлагали русским одежду в обмен на продукты. Как-то мама у них купила простреленные немецкие шинели из тонкого сукна и сшила нам пальто. Обменной «валютой» была треска (свежая и вяленая). Магазинов в городе не было, продуктового пайка на месяц не хватало, и офицеры выходили на катере в море, где на приманку ловили рыбу. Иногда из Прибалтики привозили живых гусей или индюшек, которых мы потом пасли около дома. На новый год, к дням рождения и другим праздникам у нас было «лакомство».

Интересной жизнью жила школа: в мае, когда цвела сирень, классом с учителем ходили на взморье любоваться красотами моря, зарослями сирени и парком, собирали янтарь и соревновались, кто дальше закинет его в море. А учительница по пути давала нам задание: придумать слова на определенную букву в соответствии с ее предметом.

После Пиллау мой отец служил в Архангельске. Там я окончила школу, а многих одноклассников впоследствии встретила в Ленинграде, где училась в университете. В Санкт-Петербурге я и живу со своими детьми и внуками. Светлана стала врачом и в звании профессора работает по сей день в Москве.

*В подготовке воспоминаний принимали участие
сестра Наталии Александровны –
Светлана Чернякевич, доктор медицинских наук
и внук Наталии Александровны – Данила Гуров,
ученик 11 класса 138-й школы.*

Ефросинья Дмитриевна КАШТАЛЬЯНОВА

Я родилась в 1923 году. Во время финской войны наша семья жила в Дибунах, но вскоре я и мои пять сестёр переехали в Ленинград, а мама и старшая сестра остались в деревне. Мы – Мария, Александра, Ольга, Зоя, Анна и я поселились в одноэтажном бараке у площади Калинина, в одной большой комнате. У Марии родилось двое ребятишек, девочка и мальчик: Нина и Женя. Всё было хорошо, но... «...Двадцать второго июня, ровно в четыре часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война».

Тогда я закончила только восьмой класс, кстати, на одни пятёрки, но сразу пошла в дружину, чтобы защищать деревянные дома от пожаров: сбрасывать зажигалки. Это было обязательным, трудным заданием для горожан, но более «приятным», чем проверять, нет ли в квартирах покойников. У меня лучше всех получалось ловить фугаски. Горящими я их брала рукавицами (клещами было тяжело, но безопаснее) и бросала в снег. Поначалу было трудно, а потом очень ловко выходило. Обычно налёт длился не больше часа, и в это время нельзя было никуда отходить. Хоть зажигательные бомбы летели прямо на нас, мы не боялись, часто хватали их на лету. В 1944-м я с подружкой Клавкой сдала 41 фугаску.

За эту работу нас дополнительно кормили чечевичной кашей, постной, без соли и сахара, но это было всё-таки лучше, чем ничего. Думаю, я выжила только благодаря этой каше, хотя мы также ходили на поле, за проспектом

Мечникова, и выкапывали из земли бракованные овощи: капусту и огурцы. Только испорченные туда выкидывали, а мы собирали, мыли и ели. Такая гадость! Но хотелось просто что угодно в себя запихать.

Воду носили в чайниках и бидонах с Невы, а снег растапливали на печке. У нас в комнате стояла самодельная печка: три кирпича, на них противень, на противне круглая печка. Мы топили её разными щепками, а когда мимо нашего барака проходил какой-нибудь мужчина, мы просили его оторвать доску от забора, чтобы огонь горел дольше.

В бомбоубежище мы не прятались. Страшно было. Боялись, что оно обвалится, не выдержав бомбёжки, тем более, такие случаи происходили не раз.

В 1942 году умерла старшая сестра Мария, оставив сиротками детей. Нина ходила в садик, а Женя ещё был мал. Однажды я подарила малышу игрушечного заводного слоника, а Женя заплакал: «Тётя, лучше бы ты мне кусочек хлебушка купила». Тогда же Ниночка проявила свои самые лучшие качества и силу характера. Девочка всегда приносила кусочек омлета из детского сада для братика, сама специально

не весь съедала. Представляете, какие дети были! Но Женечка всё равно умер, сразу после мамы...

Эвакуация началась в 1942 году. Александра, будучи партийным работником цеха, смогла вывезти всех нас в поезде со станками и рабочими в Казахстан. Тогда Олиному ребёнку был 1 год. В дороге малыш умер. Сестра долго не могла его отдать, чтобы мы вынесли его из вагона. Поезд останавливался на станциях, пассажиров бесплатно кормили: давали хлеб и кашу. Люди с котелками по очереди подбегали и накладывали себе еду. Мы отправили Олю за кашей, а ребёночка в это время вынесли. Ужас наводило огромное количество покойников в одеяльцах, лежащих под снегом.

Не знаю, почему и зачем, но в 1944 году, как только дали первый поезд в Ленинград, мы вернулись. И тогда случилось страшное. У нас украли карточки. Мы бы умерли от голода, если бы не родственники, которые жили в деревне. Они прислали нам мяса.

Когда мы приехали в наш барак, то увидели, что на Калининской площади почти не было людей. Кто эва-

Порожный обоз направляется за продуктами для блокадного Ленинграда по льду Ладожского озера

куировался, кто умер... Всего там жило человек двадцать от силы. Город казался пустым.

Все 900 дней и ночей я молилась Богу, чтобы тот помог нам выжить. И я могу сказать, что осталась жива чудом, ведь мне многое пришлось пережить.

Чудом остался жив и мой будущий муж Гриша. Как-то он шёл голодный по улице и упал. Вроде бы, обычная история, таких было очень много. Люди падали, подняться не было сил, замерзали и умирали. К Грише подъехала машина, которая увозила трупы. Женщина стала его грузить в багажник, как и остальных покойников, а он ей говорит: «Спасибо». Подумал, что она помогает ему подняться. Женщина сразу его в машину посадила на сиденье и повезла в больницу до полевого госпиталя. Так остался жив мой будущий муж.

Подготовила Анна Дмитриева

Илья Иванович КОРОЛЕВ

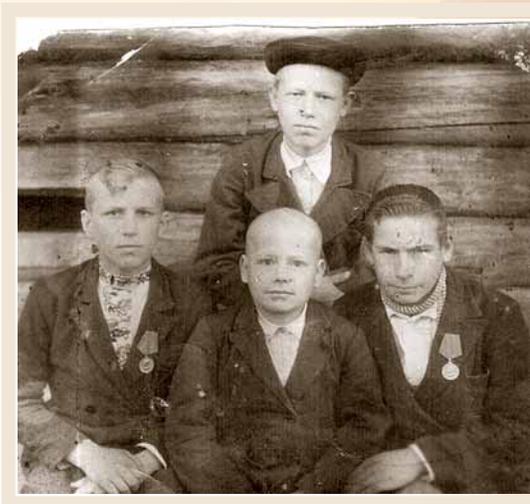
Я родился в 1930 году в деревне Большая Сельменьга в Вологодской области. До войны мы жили впятером: мать, отец, я и две мои старшие сестры. Одна училась на медсестру, а другая — в школе фабрично-заводского обучения (ФЗО) на слесаря и после работала в Ленинграде на Ленэнерго.

Отца, Ивана Дмитриевича Королёва, я видел очень редко, судьба постоянно разлучала нас. Он был председателем колхоза. Когда мне было 5 лет, его объявили врагом народа, потому что в колхозе пала лошадь. Отца осудили и отправили работать на Северобалтийский канал. Но однажды случилось чудо: приехавший туда в 1936 году Максим Горький попросил досрочно отпустить несколько человек. В их числе оказался и мой отец. После освобождения отец устроился на работу в леспромхоз в 5 километрах от дома. Там он заготавливал брёвна для укрепления опоры шахт. В 1934 году у меня родилась третья сестра, а потом и брат. Когда началась война, отец ушёл на фронт.

До войны я учился в сельской школе, а 6 и 7 класс закончил в районной, которая находилась в 15 километрах от дома. Понятно, образование было плохим, на всех не хватало учебников, трудно было достать тетради и газеты, чтобы хоть где-то писать, но хоть что-то. В 1941—1945 годах учиться вообще не было возможности. Мы голодали, работали все от мала до велика целыми днями в тылу с мыслями о Побе-

де. Поэтому не успевали ни в лес сходить за грибами, за ягодами, ни овощи на огороде вырастить.

Мы, «пацанята» лет 10–12, работали в колхозе: следили за лошадьми на пастбище, возили навоз на телегах в поле, дёргали лён. Когда начинался сенокос, выезжали на неделю в поле и жили в шалашах. Женщины нас не

будили по утрам, давали поспать. Но кормили плохо: паек, который нам давали, был скудный, порция — совсем маленькой, обычно — жидкий суп, в котором плавала капуста. Но мы понимали, что больше не будет ничего и терпели.

Недавно я задумался, почему у моих друзей — «пацанят», с которыми мы вместе работали в войну, есть медали «Труженик тыла», а у меня нет. Оказывается, хоть мы и трудились наравне, мне медаль не положена: я — сын врага народа. Только вот в 1942 году мой отец героически погиб в Ленинградской области, в лесу Тосненского района. Сейчас в Любани стоит стела, возле которой есть гранитные плиты и на одной из них фамилия моего отца.

Подготовила Анна Дмитриева

Елена Константиновна КОТЕЛЬНИКОВА

Я родилась в 1925 году. В 1941 году, в 16 лет я получила свой первый документ — паспорт, которого я с нетерпением ждала, ведь он делал меня взрослой. Я училась в 8 классе, когда неожиданно началась война. 22 июня мы уже копали траншеи на Марсовом поле. Это место массового захоронения, поэтому копать было очень трудно. Нам давали кирки, мотыги, и мы как первобытные люди, долбили землю для траншеи, в которой в случае бомбежки могли бы прятаться люди.

Блокада Ленинграда началась 8 сентября 1941 года. На следующий же день были введены первые карточки на все продукты и «трудовая повинность». Необходимо было каждый день по 2 часа отработать в доме. В городе появилась МПВО — местная противовоздушная оборона. При каждом доме были собраны команды: пожарная, санитарная, связи. При объявлении тревоги я должна была крутить ручку sireны, которая издавала громкие звуки, оповещающая город о готовящемся налете. Пожарные поднимались на крышу, чтобы тушить зажигательные бомбы. На чердаках стояло по 6 вёдер песка, вода, асбестовые колпаки и шесты. При падении бомбы искры от нее разлетались на 4–5 метров, и, чтобы не обжечься, этим длинным шестом надо было накрывать бомбу. Оставшиеся искры засыпать песком. Ведра на чердаки носили сами жители, своими руками. Я по-

могала всем соседям и надорвалась. Это я сейчас понимаю, что глупая была, а тогда хотелось помочь. А ещё нужно было ходить и проверять, нет ли покойников в квартирах, двери тогда не закрывались. Мы выносили тела, складывали их на санки и возили к Спасу-на-Крови, к церкви. Это же святое место. Помню, как в одну квартиру пришли, а там вся семья — дедушка, бабушка, мама и папа — лежат на полу, холодные, а по ним ползает маленький, 4-летний мальчик Моня. Я его потом сама в детдом оформляла. Приходилось нам и колоть лёд, и снег убирать во дворах. Делать это было трудно, но все же лучше, чем искать мёртвых.

Зимой было особенно тяжело: отсутствие питьевой воды, нерегулярная доставка хлеба в булочные (приходилось часами проводить в ожидании), неработающие канализация, водопровод и транспорт ставили горожан в невыносимые условия. Воду брали из Невы. Так как родители работали, все нечистоты во дворы выносили дети. Подвалы были оборудованы под бомбоубежища. Каждый дом имел своё укрытие.

Мой папа и старший брат Володя ушли на фронт. Володя с фронта не вернулся. В 1942-м мы получили от него последнюю телеграмму, в которой говорилось, что он находится в больнице в Карелии и у него куриная слепота. Больше мы от него сообщений не получали.

Ещё у меня была сестра Валя 1928 года рождения. Её вместе со школой эвакуировали в Ярославскую область. Мама работала в ателье. В 1942 году я устроилась в «Горвод» (сейчас это «Водоканал»). Работала помощником машиниста в водонапорном цехе. Очень далеко было

идти от улицы Халтурина до Воинова, ведь организм был крайне истощён, я весила всего 28 килограммов. Проработала я 2,5 месяца (7 мая – 17 июля 1942 года) и больше не смогла, понимала, что не выдержу.

В это время в ателье, где работала моя мама, упал снаряд, и её контузило. Надо было вывозить её из города, и мне пришлось уволиться. Я переехала с мамой в Новосибирскую область, потом привезла из Ярославской области сестру Валу (тогда она была в 7 классе).

Чтобы далеко не уезжать от родных, в 1943 году я устроилась работать на Механический завод № 5 на станции Чулымская. На нём мы делали мины. Но в этом же году наш завод эвакуировали в Москву. За работу на заводе у меня даже есть благодарность от Сталина.

С завода молодёжь часто убегала: кто к родителям за одеждой, кто поесть. По головке за это, конечно, не гладили, и нарушителей осудили – дали несколько лет тюремного заключения по окончании войны. А 9 мая, в 7 утра, в разгар рабочего дня, когда объявили капитуляцию Германии, пришёл начальник и остановил цех.

Осуждённые девочки плакали. Начальник спросил: «Почему плачут?» Мы объясняем: «Их в тюрьму теперь посадят». Он отвечает: «Никаких осуждённых! Победа!»

Подготовила Анна Дмитриева

Женщины, привезенные из СССР на принудительные работы в Германию, прибыли в транзитный лагерь Berlin-Wilhelmshagen. 1943 год.

Людмила Сергеевна КУЗНЕЦОВА

Родом я из Новгородской области. Мне было четыре с небольшим года, когда началась война. Кое-какие моменты остались в моей памяти. Помню далекие взрывы снарядов и сильную тревогу взрослых. Страх гнал всех в лес, в вырытые окопы. Мы жили там, пока холод и голод не заставили нас вернуться в дома.

Немцы были уже в деревне. Нас погрузили на телеги и повезли на железнодорожную станцию «Сольцы», загрузили в вагоны и погнали в сторону западной границы. Так, мы — бабушка, дедушка, дядя Миша и мы с братом и мамой оказались в Латвии. Здесь нас разделили. Работоспособных дедушку с бабушкой угнали в Германию, а нас с мамой определили на хутор к хозяину. Мама, педагог по образованию, работала скотницей, а мы с братом пасли скот. Кроме нас на

этой ферме трудились еще русские. Мы жили в постоянном страхе за свою жизнь. «Лесные братья», то есть вооруженные латыши, держали нас на прицеле. Стрельба часто раздавалась совсем близко. Так продолжалось до тех пор, пока наши войска не освободили Прибалтику.

Домой добирались очень трудно. Тоска по Родине была столь велика, что прибавляло сил. В полусожженной деревне голод и болезни еще долго пришлось преодолевать. Каток войны оставил след на всю жизнь.

Советские рабочие на принудительных работах на горном предприятии в Бойтене (Верхняя Силезия) во время перерыва.

Германия, 1943 год.

Галина Филипповна КУЛИКОВА

Когда началась война, я не помню. Мне было три года. В памяти осталось только, как папа давал мне через забор сухофрукты, вынутые из компота. Отец ушел добровольцем в ополчение. Их сборный пункт был в школе и, наверное, через школьный забор он и передавал сухофрукты. Смутно вспоминаю, как мы с мамой ходили за водой на Обводный канал. Набрал воды, долго-долго шли домой. Наша квартира находилась на пятом этаже, и я помню, что ступеньки были очень скользкие. Во время налетов всегда вставали в дверной проем.

21 марта мама умерла. Мы с ней легли спать, а утром я не смогла ее разбудить. Я перебралась через нее и пошла к соседке. Сказала, что мама не встает, а я хочу есть. Соседка посадила меня на окно и сказала, чтобы я в него смотрела, как маму повезут на саночках.

Меня сдали в приемник. 3 апреля мне исполнилось 4 года, а 4 апреля меня по Дороге жизни вывезли на Большую землю. Очень долго мы плыли на барже. На остановках нас выводили покормить, и все женщины, которые встречали нас, плакали, говорили: «Ленинградские дети!» — и давали нам в руки кто что мог: семечки, картофелинку или кусок хлеба. Нас привезли в Краснодарский край. Было очень жарко. Очень хорошо помню, что виноград был зеленый. Мы спали на улице и все время на него смотрели.

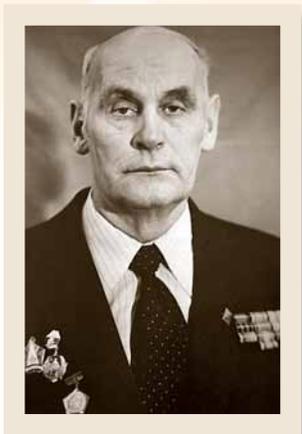

Когда немцы стали подходить к Краснодару, нас погрузили на подводы и повезли вглубь страны. Мы оказались в городе Фрунзе. Там в приемник стали приходить люди и разбирать детей в семьи. Брали, в основном, сирот. Я говорила, что папа жив и воюет. Всех, кто остался, повезли дальше. Так мы оказались на озере Иссык-Куль. В детском доме я пробыла до 1947 года. Самым большим шоком для нас, детей, стала смерть мальчика, которого звали Витя Рогозиков. Он все время подбирал камушки, соломки и ел их.

У него произошел заворот кишок, и он умер. Всех, кто умирал по дороге, заворачивали в какие-нибудь тряпки и так хоронили, а для Вити сделали гроб, и он стоял в большой комнате. И мы все ходили смотреть и испытывали жуткий страх.

Жизнь в детдоме была очень голодная. Иногда не было соли, и нам давали еду без нее. Но мы все равно это ели. В 1946 году отец вернулся в Ленинград. Наша комната была непригодна для жилья. Пол, двери были сожжены. Отец женился. Мачеху звали так же, как маму — Елизавета. Меня он разыскал и написал, что они с мамой ждут меня. Он не думал, что я могу помнить о том, что мама умерла и вообще, что я что-то помню. Но стресс от смерти мамы тогда сделал меня сразу намного старше...

Владимир Маркович ЛЯХОВСКИЙ

Родился я в 1920 году в Витебской области. В нашей семье было шестеро детей: пять братьев и сестра. Я — самый младший. Жили мы с матерью и отцом в собственном доме, у нас был сад, корова и лошадь. Отец работал председателем коммуны.

Первая трагедия случилась, когда мне было всего 4 года: тогда умерла мама. Когда мне исполнилось 6 лет, три моих брата переехали в Ленинград, потом забрали и сестру. Остались я, отец и брат Леонид. В 1928 году кто-то обвинил отца во вредительстве, и его посадили в тюрьму, в камеру смерти. Там он провёл несколько месяцев, ежедневно наблюдая расстрелы.

Мы с братом остались беспризорниками. Корову нашу забрал дядя. Соседка, помогавшая нам раньше, вообще перестала приходить. Мы сами кололи дрова, копали чужую картошку, ходили в обносках, спали на сене или на полу на матрасах. Когда отца признали невиновным и отпустили, он вернулся домой и увидел нас, опухших от голода, обессиленных мальчишек. От воспоминаний на глазах и сейчас выступают слёзы. У папы нашлись две буханки хлеба. Он отрезал нам по кусочку и больше не разрешил. Сказал, нельзя сразу много есть: заворот кишок будет.

Через некоторое время брат переехал в Ленинград. Позже туда же меня отправил отец, с ящиком яблок в при-
дachu.

Я поступил в училище имени Свердлова. Сначала я жил со старшим братом и его женой в санатории в Токсово, а потом они сняли комнату в общежитии, и я поселился у отца и мачехи-эстонки, которые к тому времени уже перебрались в Ленинград. Новая жена отца поила меня молоком и следила за мной. Тогда я впервые лёг спать на простыню. До сих пор помню те ощущения. Но через некоторое время я опять перебрался к брату и прожил у него полтора года. Его жена очень меня любила, стирала мне одежду.

В 1935 году я окончил училище и до 1940 года работал на заводе имени Свердлова фрезеровщиком-строгальщиком. Когда мне исполнилось 20 лет, меня призвали в армию в авиационные войска и отправили служить связистом в Литву. Одновременно я был тайным разведчиком-информатором. Я занимался очень важным делом: выслеживал тех, кто был против советской власти, записывал их в группы и наблюдал за ними. Однажды мне пришлось сутки просидеть в тюрьме с изменниками, собирая информацию, пока не прошли слухи, что я подсадной. Кончилось тогда все печально — мне выбили три зуба, но могло быть еще хуже.

Потом началась война и меня вызвали в военкомат. Нас, солдат, разместили на стадионе, построили в ряд человек 500, дали винтовки, патроны, форму, противогазы и хотели отправить на Пулковские высоты. Но в это время формировался батальон связистов, а так как у меня на форме были авиационные петлицы, у меня забрали оружие и отправили в батальон связи. Ленинград тогда находился почти в окружении. Нас посадили в эшелон и повезли на Волховский фронт. Однако когда мы добрались до станции Фетино, началась бомбёжка, мы разгрузились и побежали в деревню, а немецкая авиация дотла разрушила станцию.

В деревне на реке Волхов меня назначили начальником полевой связи в батальоне. Мы обслуживали радиостанции и проводную связь. Также помогали женщинам-лётчицам загружать бомбы в самолёты. Немцы бомбили нас, сбрасывали листовки, в которых говорилось, что Ленинград взят, но мы не верили. Однажды меня контузило при бомбёжке и засыпало землёй. Меня откопали, но я два месяца ничего не слышал.

Истребитель МиГ-3 с надписью «Смерть немецким оккупантам!» на аэродроме.

Истребители на снимке из состава 162-го истребительного авиаполка 43-й истребительной авиадивизии.

В 1942 в связи со сложной обстановкой на Московском фронте нам прислали пополнение и оружие, и мы отправились на помощь Москве. Вслед за нашим батальоном шел батальон чекистов — он сопровождал нас, чтобы никто не сбежал и не повернул назад. Каждого предателя и труса мгновенно уничтожали на наших глазах.

На Московском фронте ко мне подошёл командир батальона и спросил, сколько классов я закончил. Я ответил: «Девять». Тогда меня

послали в город Коканд под Ташкентом (Узбекистан) в авиационную школу. Выбрали мне шинель получше, чтобы не спутали с бродягой, приказали добраться до Москвы, оформить документы и от туда ехать в училище. В 1943 году меня приняли туда стажёром, а через два месяца зачислили курсантом. Учились мы день и ночь, жили в казармах, спали на двухъярусных кроватях, до столовой ходили полкилометра, зато нас хорошо кормили. Через год, закончив на отлично училище, я поехал обратно в Москву, в полк обслуживания связи главного командования Военно-воздушных сил. Меня назначили командиром штабного взвода, направили на Первый Белорусский фронт обслуживать

ставку на Киевском направлении. На одном берегу Днепра стояли мы, на другом — немцы.

Один незабываемый и приятный случай приключился со мной в это время. Из Москвы от самого Сталина в Киев пришла телеграмма Хрущёву с днём рождения. Ночью, под бомбёжкой, я нашёл место жительства Никиты Сергеевича и лично передал ему телеграмму, а он пожал мне руку!

Через некоторое время командир полка поручил мне сформировать отряд для поездки в Москву для обслуживания авиационного парада в 1944 году. Мы не спали ночами, проверяли всё, готовились к этому ответственному параду. Мы смогли подключить к участию все авиационные части вокруг Москвы, кроме Люберецкой дивизии. Радиостанция барахлила, и поэтому самолетам не удалось подняться в воздух, зато всё остальное прошло отлично. Я наконец-то спокойно вздохнул в ангаре, как вдруг ко мне подходит сын Иосифа Виссарионовича, Вася Сталин, в сопровождении начальника отдела. Я докладываю: «Я дежурный по связи». И тут Вася на меня как закричит: «Почему не поднялась в воздух Люберецкая дивизия?» И направил пистолет прямо мне в лоб. В тот момент мне показалось, что я чувствую, как у меня поседели и стали выпадать волосы, некогда бывшие кучерявыми и красивыми. Я подумал, что мне пришёл конец, но увидев неопишуемый ужас в моих глазах, чекист, стоявший рядом, схватил Василия за руку, опустил пистолет и сказал, что он разберётся и накажет меня по всей строгости закона.

Позже, в 1945 году, наш отряд вызвал командир и приказал готовиться к поездке в Вену (Австрия). Мы, счастливые, стали собираться, мечтали побывать за границей, погрузились на эшелон, но на второй день стоянки услышали жуткий шум и гам, спрашиваем: «Что случилось?» Нам отвечают: «Победа! Кончилась война!». Это было так неожиданно!

И тогда нас развернули и вместо Вены отправили через Сибирь, мимо озера Байкал, через всю Россию к морю. В порту нас погрузили на корабль, и мы отплыли в Северную Корею. На нижней палубе хранились бомбы, повыше — грузовые машины, в которых мы ночевали, на верхней палубе — цистерны с авиационным бензином. Во время плавания

поднялся жуткий 12-балльный шторм. Было безумно страшно, а мне выпало дежурство на верхней палубе. Вдруг я услышал крики: «Задраить люки!» Оглянулся, вижу — пожар! Горит шлюпка! У меня остатки волос встали дыбом, ведь как раз на верхней палубе цистерны с бензином. Шлюпку успели сбросить в море. Шторм благополучно выстояли. Пока плыли, ели консервы, пили спирт. Корабль, который шёл перед нами, на наших глазах подорвался на mine и затонул. Когда пришвартовались, поехали в Пхеньян. Дорога была опасной: проходила между скалой и пропастью, куда машины могли сорваться, но, к счастью, этого не произошло. Работали из Кореи с Москвой, развернули связь. Народ жил бедно, грязно, свирепствовали болезни, нам делали прививки. Там я женился на девушке из отряда, у нас родилась дочь Татьяна.

И всё было бы хорошо, если бы не прокурор, которому кто-то, желавший занять моё место, донёс на меня. Меня обвинили в том, что я не по назначению использовал грузовые машины. Прокурор схватил меня за погоны и стал кричать, тогда я направил пистолет на него и заставил его замолчать. Тот пообещал, что посадит меня и слово свое сдержал: посадил в корейскую тюрьму на два года. К тому же меня лишили звания и партийного билета. Тогда мою семью отправили в Ленинград, дочке было 5 месяцев. У меня за всю службу в армии с 1940 по 1947 год не было ни единого нарушения! А теперь — в тюрьму, хотя я был не виновен! Скоро меня отправили в другое место заключения — во Владивосток. Там меня заставили 10 суток по пояс в воде стоять и восстанавливать связь. Это сильно отразилось на моем здоровье — теперь страшно болят ноги. Через 4 месяца в одно прекрасное утро пришла бумага, что мне полагается один год условно. Мне выдали пропуск на выход из зоны, и вскоре я переехал к жене и дочке в Ленинград.

Подготовила Анна ДМИТРИЕВА

Людмила Давыдовна МАКАРЕНКО

Великая Отечественная война застала нашу семью в поселке Сясьстрой, где мы жили. Этот поселок Волховского района Ленинградской области находился в 140 км от Ленинграда и в 15 км от города Волховстрой. В конце августа, когда немецкие войска окружили Ленинград и шли уже ожесточенные бои на Волховском фронте, в поселке начали эвакуацию. Моя мама была на 7-м месяце беременности, с двумя детьми на руках 8 лет и 5 лет, поэтому нас эвакуировали в первую очередь — в начале сентября (не позднее 5–6-го числа) в город Сокол Вологодской области.

К вечеру семьи эвакуированных были размещены в товарных вагонах для перевозки скота. С обоих концов вагона были настелены доски (нары) высотой около 70–80 см. А под нарами расположили домашний скарб. Все взрослые думали, что война, как и Финская кампания, продлится 5–6 месяцев, и брали с собой только самое необходимое: одежду, постельное белье. А мама взяла металлическую никелированную кровать с пружинным матрасом и верхнее зеркало от трюмо.

Нас долго не отправляли, все ждали какой-то команды. Я думаю, что ждали темноты. Дети уже уснули, и, когда поезд тронулся, я не знаю. Поезд шел через станцию «Лунгачи» на Волховстрой и далее на Тихвин. В Тихвин мы прибыли около 10–12 часов дня. И очень долго стояли, пропуская военные эшелоны.

Люда Макаренко: 1 ряд, 3-я слева. 1944–1945 гг.

До города Сокол мы не доехали, а высадились в Череповце, чтобы отправиться в родное для мамы село Дмитриевское, что располагалось приблизительно в 60 км от города. Ехали на попутных подводах. Сначала до города Старая Ёрга, а затем до села. В Дмитриевском стояло 150 дворов, был сельсовет, школа-десятилетка, мельница, сыроварня. Родной дом мамы оказался закрыт, окна забиты. Последним из него уезжал младший брат мамы со своей семьей в город Леончегорск. Семья дяди еще не приехала в село, и мы временно остановились у свекрови старшей маминой сестры. Я пошла в школу. Но вскоре в эвакуацию приехали две невестки с семьями, и нам пришлось перебраться к двоюродной сестре мамы. У нее мы прожили около двух месяцев, пока не приехала жена младшего маминого брата. Глубокой осенью мы поселились в родном доме мамы уже вчетвером. Мама родила мальчика.

Продукты, которые мама взяла с собой, быстро закончились. И пришлось маме взятые вещи обменивать на еду. Очень хорошо помню, как мы питались гороховой кашей (гороховую муку маме давали в обмен на вещи).

Мама ставила самовар, мы садились вокруг стола, и, когда самовар закипал, мама заваривала гороховую муку в литровой эмалированной кастрюльке. Я наелась гороховой каши на всю жизнь. С тех пор не ем гороха. Жили впроголодь, почти разутые и раздетые, так как все труднее было обменивать вещи на продукты. Сельчане ссылались на свои малые запасы, и маме приходилось ходить по соседним деревням. И не всегда она приходила с мукой или крупой, или другими продуктами. Когда наступила весна, а затем лето, а с ними появилась и зелень, мама варила щи из лебеды, крапивы, щавеля, дудок. А мы, ребята, ходили по лугам и лесам и ели всю более-менее съедобную зелень: кислицу, заячью капусту, полевой хвощ, дудки. Затем поспевали ягоды, и мы ватагой ходили в лес за черникой, голубикой, на болото за морошкой и клюквой. Делали запасы клюквы, квасили дудки и хряпу — зеленые листья от качанов капусты, которые иногда оставляли на полях.

У дома мама вскопала несколько грядок и посадила овощи. Но этих овощей хватало на короткий срок. Работая в колхозе, мама получала муку. Но на трудодни ее давали мало. «Все для фронта, все для победы!» — и колхоз отдавал муку, зерно для фронта. А что оставалось, делили между колхозниками.

Колхозную землю женщины вспахивали на себе. Лошадей было очень мало и не хватало на пахоту. Шесть женщин впрягались в длинную жердь (по три с каждой стороны), а в центре жерди был привязан плуг, и седьмая женщина стояла за плугом, пахала. После посева зерновых точно так же, впрягаясь в жердь, тащя за собой борону, боронили землю. Точь-в-точь, как в фильме «Бабье царство». Тяжесть бороны мне пришлось испытать на себе. Весной, когда я заканчивала 4 класс, нам выделили небольшой участок земли. Мама и я вскопали огород, посадили картошку и посеяли немного пшеницы. Так вот этот засеянный участок вдвоем с мамой мы боронили, таща борону на себе, упираясь грудью в жердь. Собрать урожай не пришлось.

Как я уже говорила, на трудодни давали очень мало муки. И чтобы ее хватило для выпечки хлеба на более долгий срок, в муку добавляли болотный мох-сфагнум и головицу — пустые головки льна. Я никогда не забуду

вкуса двух хлебов. Первый — со мхом. Когда мама его испекла и вынула из печи, на вид хлеб был желтовато-белый. А когда стали его резать, то он рассыпался, и вкус его был непонятным. А второй хлеб — с добавлением головыцы. После выпечки и разреза он имел темно-зеленый, почти черный, цвет, влажный и горький на вкус. Но мы и этому были рады. Кусок такого хлеба и горсть замерзшей на чердаке клюквы, от которой «заходились» зубы и десны, — вот и вся еда.

Тетуська очень переживала за нас и украдкой от свекрови иногда приносила нам по горсти вяленой свеклы. Это было лакомство! С ней мы пили кипяток. Все время хотелось есть. От голода раскалывалась голова.

Голодная жизнь унесла через полгода самого маленького братика, а осенью 1942 или 1943-го (точно не помню) умерла младшая сестра. Мы с мамой остались вдвоем. Чтобы как-то прожить, уже после второго класса я с мамой пилила дрова на сыроварне. За три литра сыворотки надо было напилить три кубометра дров и сложить их в поленницу. Для меня пилка дров на первых порах была сущей мукой. Я с трудом дотягивалась до ручки пилы и, конечно, то давила на пилу вниз, то вверх, то отводила в сторону. Думаю, что для мамы это было еще большей мукой. Но со временем я научилась пилить, и с нормой мы уже справлялись. Иногда вместо сыворотки нам давали обрат — обезжиренное молоко. И тогда у нас была радость, праздник!

В селе была школа-десятилетка, в которой я училась, но в начальных классах учительница вела два класса: 1 и 3, 2 и 4. Там же работал хор и драмкружок, где я тоже занималась. Помню, ставили «Лошадиную фамилию»... Зимой уроки приходилось делать при свете лучины, не было керосина.

Весной школьники помогали колхозу вывозить навоз на поля. Старшие учащиеся возили его в санях, запряженных лошадьми, а я в числе других вилами разбрасывала навоз на еще не растаявший снег.

Во время сенокоса я с другими ребятами ворошила скошенную траву и складывала сено в небольшие копны. Во время уборки урожая женщины серпом жали

рожь, пшеницу, ячмень, овес, дергали лен, а я шла сзади, вязала снопы и ставила их в суслоны.

Когда в 1944 году сняли окончательную блокаду Ленинграда, городу для восстановления нужны были «трудовые руки». Сельсовет стал отправлять эвакуированных в Ленинград. В июне в Ленинград отправилась и я с мамой. Ехали мы уже в маленьких старых деревянных вагонах без спальных мест. Подъезжая к Волховстрою, мы видели разрушенные бомбами вокзал, дома. А в самом Ленинграде на Невском проспекте витрины еще были заставлены мешками с песком. В окнах вместо стекол была вставлена фанера. Не отменена была светомаскировка.

Маму определили в СМУ-3. Оно находилось на набережной реки Фонтанки (если не изменяет память — дом 23).

Поселили нас на улице Лагоды, в недостроенном двухэтажном доме коридорного типа, на втором этаже, по несколько семей в комнате 18 квадратных метров. В некоторых комнатах не было дверей, и дверной проем был занавешен серым, шинельного цвета одеялом. Мебели никакой. Спали на полу, что-то подстелив. Всех провели через санпропускник. И вскоре переселили в уже готовый дом по две семьи в комнату. Но к осени маме выделили комнату 9 квадратных метров, куда мы и переехали. Из мебели была только железная одноместная кровать. Столом служили два деревянных сундука, поставленные друг на друга. Крышка у них была покатая. Мама меня записала в 5-й класс 140-й женской школы Калининского района (тогда Красногвардейского). Нам выдали продовольственные карточки. Мама работала на восстановлении Невского химкомбината. Обедали они почему-то в столовой на 1-й Советской улице. И я приезжала к ней на обед. На первое давали какой-то суп, а на второе шроты — соевый жмых розового цвета и кисловатые на вкус. Мама делила обед со мной.

А потом меня определили на одну смену в пионерский лагерь от школы в деревню Лангереево, недалеко от станции Ижора.

Во время учебы нас кормили в школьной столовой. Тетрадок не было, поэтому домашнее задание по русскому языку и математике делали на чем придется: на старой газете, старых накладных, оберточной бумаге из магазина.

Крупы выдавали в кульках из толстой оберточной бумаги.

Тетради использовали только для контрольных работ. Учительница немецкого языка Розалия Владимировна читала нам письма с фронта от сына. А мы, школьники, собирали подарки для воинов Ленинградского и Волховского фронтов: кисеты, носки, махорку, папиросную бумагу, рукавицы; писали письма, в которых просили побыстрее выгнать врага с нашей земли и возвращаться с Победой.

В первых числах мая всех учащихся школы построили в колонну и повели по Большеохтинскому проспекту к единственному зданию производственного типа, на котором висел громкоговоритель. Все ждали, как говорили учителя, важного сообщения. По-моему, нас выводили два раза. Но важное сообщение пришло ночью. Я помню, как женщины стучали во все двери комнат и со слезами на глазах кричали, что война закончилась! Победа! Все обнимались и плакали. А в июне я с ребятами несколько раз ходила по площадь у Финляндского вокзала встречать воинов. Но отца я так не встретила. Как мы узнали позже, он попал в окружение под Киевом (Киевский котел) и был взят в плен, определен в лагерь для военнопленных в Одессе. После освобождения Одессы советскими войсками и освобождения из плена он воевал в штрафбатальоне 4-го Украинского фронта. В Венгрии был ранен и умер от ран 7 апреля 1945 года. Похоронен в венгерском городе Дьёр.

Валентина Михайловна МАКСИМОВА

К началу Великой Отечественной войны мне было всего 8 лет. С началом войны наша семья попала на оккупированную фашистами территорию в Калининской области, деревню Крапивно.

Очень хорошо помню, как вооруженные до зубов немцы ворвались в нашу деревню верхом на лошадях, громко горланя и выкрикивая фашистские лозунги. Они нас очень сильно напугали. От страха старики, женщины с ребятишками гуськом, а кто и ползком пробирались в укрытия, окопы или землянки. Все очень боялись и дрожали от страха, что фашисты могут кого-то расстрелять или поджечь дома. Жизнь на оккупированной территории проходила в постоянном страхе за свою жизнь и жизнь родных. Молодежь угоняли на работы в Германию. Ко всему прочему добавлялось постоянное чувство голода.

В 1942 году началась эвакуация. Нас погрузили в эшелон и 3 дня везли в неизвестном направлении. В итоге мы оказались в Латвии, где я прожила два с половиной года. Жизнь там тоже была очень трудной. Чтобы выжить, нужно было где-то работать, а нас на работу никто не брал. Да и работать могла только одна мама. Сначала мы просили милостыню, но позже нас все-таки подобрал один местный житель. Нас он поселил в большой, но очень холодной избе. Я, мой брат и мама спали на одной кровати, а бабушка спала на печи — самом теплом месте в доме.

Фронт двигался, и мы двигались дальше. Латыши к нам негативно относились, ведь никто не любил товарища Сталина.

В школу я пошла очень поздно, но к 1945 году закончила 7 классов.

Одним из самых страшных моментов в моей памяти в годы войны стала ночь нападения немцев на наш дом. Они нас ограбили и жестоко избили. Более того, в эту же ночь в нашу избу попал снаряд и снес половину стены, где стояла печь. Немцы в тот день всё сжигали на своём пути.

О нашей Победе я узнала в тот момент, когда мы просили с бабушкой милостыню. На дороге остановилась легковая машина, из которой пассажиры кричали о том, что война кончилась! Нашему счастью не было предела!

После Латвии я вернулась в Крапивно, а потом судьба привела меня в город Ленинград, который стал для меня родным. Более 30 лет я проработала в ленинградской конторе Государственного банка оператором машинно-счетной станции.

«Синенький скромный платочек, падал с опущенных плеч...» — до сих пор слушаю слова этой песни, а сердце сжимается от боли. Забыть то, что мы пережили в годы войны, — невозможно.

Подготовила Лидия Иванова

Нина Владимировна и Владимир Михайлович МОРДВИНЫ

Родилась я в Ленинграде.

Блокаду мы пережили с большим трудом: не было ни воды, ни еды, ни света. Однако самым главным желанием было — лишь бы остаться в живых. Когда только началась война, мы любили с девчонками ходить на крышу, играть в игру «Шпионы». Однажды даже приняли за врага своего соседа по дому, привели его в жилищную контору, но там над нами только посмеялись и спросили: «А чего вы своего-то привели?»

Однако были и не столь безобидные моменты. Бомбежки, обстрелы — всё это пугало нас и не давало спать ночами. Самым страшным моментом для меня стал декабрь 1941 года, когда мне пришлось в сорокаградусный мороз опознавать своего брата среди груды трупов.

Да, много всего в памяти осталось, только каждый раз вспоминать больно. Во время блокады я потеряла не только брата, но и отца. Хорошо, что хоть мама выжила. Никогда не забуду, как у нее отнялись ноги, и мне пришлось возить ее каждый день на санках до работы. Бывало и под обстрел попадали, и под бомбежку. Однажды меня даже в голову ранило. Все могло бы очень плохо закончиться, но я спряталась в шинель. Это меня и спасло.

Все это время мы старались поддерживать в доме тепло, насколько это было возможно. Вместо

Советский эсминец «Свирепый» (проект 7-У) у причала фабрики «Канат» (Петровский проспект, дом 20) на Петровском острове в Ленинграде в 1943–1944 годах.

дров мы использовали доски от зданий разрушенного завода. По словам мамы, это тепло нас и спасло. Согреть и спасти от смерти нам удалось и соседского мальчишку.

Потом я ушла добровольцем на фронт. Тогда мне было хотя и полных, но лишь 17 лет. Это было 30 июня 1942 года. Начала военную службу в 11-м полку войск аэростатного заграждения Ленинградского фронта. Всю блокаду здесь и воевала — от первого дня до апреля 1944 года. В этом же 1944 году наш полк расформировали и на базе его создали новый — 524-й — зенитно-артиллерийский полк, в котором я, будучи младшим сержантом, защищала свою Родину, как могла.

Помню, как в один из дней нас посадили в эшелоны и отправили в неизвестном направлении. Ходили слухи, что состав идет прямоком в Германию. На самом же деле наш эшелон прибыл в Благовещенск. Там 9 мая 1945 года от местных жителей, которые не могли сдерживать слез радости и ликования, мы и узнали о Великой Победе. Оказалось, что мы ехали целый месяц и ничего об этом не знали.

Но война для меня на этом не закончилась. Вскоре наш 524-й зенитно-артиллерийский полк направили на Дальний Восток, где развернулись боевые действия против милитаристской Японии. В звании младшего сержанта я прослужила там до сентября 1945 года, выполняла обязанности телефонистки. В этом же году меня демобилизовали, и я вернулась домой в Ленинград.

Моей давней мечтой было работать бухгалтером, но в бухгалтерию меня почему-то не взяли, поэтому я стала шить одежду. Недолго проработав швеей, я устроилась старшим инженером отдела снабжения на Октябрьскую железную дорогу, где и трудилась до самой пенсии.

Как участница обороны Ленинграда, я награждена медалью «За оборону Ленинграда», а за участие в боевых действиях Великой Отечественной войны мне вручили медаль «За победу над Германией».

Мой муж Мордвин Владимир Михайлович тоже немало сделал на благо Родины в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. для приближения Победы над врагом.

Родился Владимир Михайлович в 1920 году. А в 16 лет уже работал токарем на заводе «Арсенал». С началом войны его предприятие со всем оборудованием, инженерами и рабочими было приказано эвакуировать в город Омск. Поэтому всех работников туда и направили для организации производства. Владимир Михайлович пробыл в Омске недолго, вскоре его переправили в город Красноярск. И там он проработал до конца войны. На предприятии, где изготавливали детали для пушек и минометов, он один выполнял работу за троих: фрезеровщика, шлифовщика, токаря.

После Победы он вернулся в Ленинград, где продолжил заниматься своим делом на родном заводе. В 1980 году начал преподавать в профессионально-техническом училище.

Владимир Михайлович посвятил своему любимому делу 62 года – с 1936 по 1998 год. Он награжден орденом Ленина и медалями «60 лет Победы в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» и другими знаками отличия.

Подготовила Лидия ИВАНОВА

Алла Михайловна ОСИПОВА

Я родилась 6 марта 1938 года в Ленинграде. Наша семья состояла из трех человек: меня, мамы — Иогансон Лидии Александровны 1910 года рождения, папы — Иогансона Алексея Федоровича 1904 года рождения. Мама была служащей, а папа работал главным бухгалтером на заводе «Красный треугольник». Жили мы в комнате в коммунальной квартире по адресу: 11-я Красноармейская ул., д. 15, кв. 39.

Когда началась война, мне было три года. В начале июня мы с мамой выехали на дачу в поселок Сиверская. Никто не думал, что немцы так быстро подойдут к городу, поэтому мама не спешила возвращаться домой. Кончилось лето, мы вернулись в город, но выехать из Ленинграда уже не успели — он оказался в кольце блокады. Да и ленинградцы, которые оставались в городе, не спешили его покидать, так как все верили в скорую победу нашей доблестной Красной Армии.

Папа мой по возрасту и по зрению имел «бронь» от призыва на фронт. Но ни один мужчина не мог не встать на защиту Родины, своего города, поэтому и папа пошел добровольцем в отряд народного ополчения. Отряды народного ополчения состояли из немолодых, не обученных военному делу людей, причем плохо вооруженных. Отряд, в котором служил отец,

сразу отправили на Лужский рубеж, где в одном из боев папа погиб...

Мы с мамой остались одни. Наступили самые страшные дни блокады — январь и февраль 1942 года. Стояли лютые морозы. Канализация, водопровод, отопление не работало. Не было и электричества. Транспорт в городе весь встал.

Если раньше мертвых родственники на саночках увозили на кладбище, то теперь трупы лежали повсюду. Люди умирали по несколько тысяч в день, а в некоторые дни — по десятку тысяч. Многие замертво падали прямо на улице и тут же превращались в ледышки, так как стояли страшные морозы.

Чтобы хоть как-то согреться, люди, живущие в коммунальных квартирах, собирались в одной комнате возле печки «буржуйки». Жгли все: книги, мебель — оставляли только самое необходимое. Но и это не спасало, так как морозы были очень продолжительными.

В феврале 1942-го было издано распоряжение Ленгорисполкома о создании отрядов сандружинниц. Они обходили дома и искали детей, оставшихся без родителей. 16 февраля они пришли в нашу квартиру. В комнате на кровати, закутанную в тряпье, возле мертвой матери они нашли маленькую меня. У меня были обморожены руки и ноги. Сама я опухла от слез и голода. Сандружинницы завернули меня в одеяло и отнесли в детский дом.

Блокадные дети были очень истощены, поэтому было принято решение отправить их по Дороге жизни на Большую землю. В апреле 1942-го наш детский дом был отправлен в Ярославскую область, в село Великое. По дороге многие умерли, но я выжила.

Когда наш детский дом прибыл на место, в Ярославле и его окрестностях было объявлено, что приехали ленинградские сироты и их надо разбирать в семьи. Так у многих из нас появились новые родители. И у меня в том числе. Когда пришли меня удочерять, мне сказали: «Аллочка, на-

шлись твои родители!» И я, счастливая, побежала к ним навстречу. Так я попала к молодой супружеской паре, у которой не было детей.

В Ярославле немцев не было, но город часто бомбили. И я, как сейчас, помню грохот канонады, раскрытое окно и трепещущую на ветру занавеску (было лето), и как все жители, спасаясь от бомбежки, бежали к Волге.

С новыми родителями я прожила недолго. Однажды мне сказали: «Аллочка, мы не твои родители. Нашлась твоя родная мама». Оказалось, что меня нашла моя родная тетя — сестра моей матери, которая, узнав о гибели моих родителей, поклялась разыскать и забрать меня. Так, в декабре 1944-го у меня появилась новая семья.

В 1945-м мы вернулись в Ленинград.

Став взрослой, я стала искать место захоронения своего отца. В архиве мне сказали, что тот, кто умер в феврале 1942-го, захоронен на Пискаревском кладбище, на холме № 8. А где именно лежит мой отец — неизвестно. Из архива военкомата ответ был короткий: «Погиб в бою». И все. Но каждый год 9 мая со всей семьей я прихожу на Пискаревское кладбище, к холму № 8 и кладу на него цветы и кусок хлеба.

Сейчас у меня все хорошо. Мы с мужем недавно отметили «золотую» свадьбу. У меня прекрасные дочь, зять, внучка. Они окружили нас с мужем теплотой и заботой. Я инвалид II группы, ветеран труда, уже 40 лет живу в Калининском районе, в доме на Кондратьевском проспекте.

Людмила Михайловна ПЛЕШКОВА

Когда началась война, мне было 7 лет. Жили мы на Невском, 104. Как сейчас, помню, как мы с родителями хотели поехать за город, на дачу. Это был выходной, очень яркий и солнечный день. Мы вышли на проспект и натолкнулись на огромную толпу людей. На доме, где находится «Колизей», тогда висел репродуктор, из которого диктор что-то громко говорил. Транспорт не ходил. А народу было столько, насколько мог доноситься звук из громкоговорителя. Родители остановились и стали внимательно слушать. Я поняла, что речь идет о чем-то важном и очень серьезном. Толпа была по-нурая, все стояли молча, опустив головы. Никто друг на друга не смотрел. Тогда это было странно. Потому что Невский мне всегда казался центром добра и хорошего настроения. Жители и гости города очень любили гулять по этому проспекту, особенно на его солнечной стороне. Часто всей семьей здесь прогуливались и мы. А в тот момент все как будто сомкнулось в этой мощной толпе. Когда речь прекратилась, родители с «убитыми» лицами развернулись, и мы пошли домой. Дома мне папа объяснил, что началась война. До конца я, конечно, не осознавала, что это такое, но поняла, что произошло что-то страшное. Папа работал тогда инженером на Метрострое. Однажды он пришел с работы и сказал нам с мамой, что у них начинается эвакуация детей. Они предложили мне уехать, потому что в городе уже складывалась сложная обстановка. Я категорически отказалась, а родители не настаивали, и мы остались в городе.

Подробности тех дней я уже не помню, но скажу, что жизнь была довольно мрачная. Это было голодное время, но, как ни странно, я вообще не помню, чем мы питались. Помню только, как весной мама где-то набрала лебеды и приготовила маленькие лепешечки, по две штучки каждому. Я их ела с великим удовольствием и не переставала повторять: «Мама, как вкусно!» Они были действительно вкусные. Может быть, потому что она их поджарила на олифе, а может, мы настолько изголодались, что вкус этот казался нам неземным. Нам ведь приходилось есть то, о чем сейчас подумать страшно. Папа варил столярный клей, и мы с удовольствием ели этот «деликатес».

В 1942 году, зимой, папу с Метростроем мобилизовали на Ладогу. 5 февраля в мой день рождения он уехал. Перед его отъездом мы собрались вокруг буржуйки, которую папа сделал сам, грелись и разговаривали. О чем именно, я уже не скажу, но одна фраза мне запомнилась на всю жизнь. Папа сказал — «Эх, съесть бы сейчас хорошую кошечку». Я была потрясена, услышав эти слова, потому что знала, что он обожал животных, и в доме у нас всегда были и рыбки, и кошечки. В тот момент я была потрясена, и в то же время поняла, насколько он был голоден.

Папа уехал, а мы остались в Ленинграде. Мы — это мама с нами — двумя маленькими детьми: мной и моей младшей, годовалой сестрой Кирой, мамины бабушка, мать и отец. Несмотря на то, что жили мы в одной квартире, видела я стариков редко. Мама нас с сестрой все время закрывала в комнате. Боялась за нашу жизнь...

До войны сестренка была полненькая, булочурая и очень хорошенькая. К весне она превратилась в скелетик, кожа висела. Ножки стали кривые. Ей тогда в детской поликлинике выписали половину майонезной баночки манной каши. И я за этой кашей бегала на Кузнечный. Я была очень голодная, но понимала, что каша нужна Кире больше, чем мне. И поэтому позволяла себе лишь чуть-чуть, буквально попробовать ее. Мама видела следы от моих пальцев на каше, но никогда меня не ругала. Сестренка съедала все до последней крупинки. А если замечала, что я хочу остатки собрать пальцем, очень кричала.

Жители блокадного Ленинграда идут на Неву за водой.

5 марта 1942 года умерла наша бабушка. Мама со своей младшей сестрой завернули ее тело и отвезли на саночках на Охту. По дороге попали под сильный обстрел и чудом остались живы. Довезли труп до Охты, и за буханку хлеба бабушку там похоронили. 18 марта умер дедушка...

О блокаде в нашей семье никогда почти не говорили, слишком больно вспоминать то время. Но все-таки мама кое-что рассказывала. Вот одна из историй.

Хлеб выдавали по карточкам. Очередь надо было занимать еще ночью. В одну из таких ночей мама ушла. На улице было очень холодно, стоял трескучий мороз. Люди жались друг к дружке, и очень скоро очередь превратилась в толпу. И вдруг люди услышали шум машин, все начали выстраиваться в ряд, занимать свои места — хлеб привезли. Но когда подъехали грузовики, оказалось, что они полностью набиты трупами. С машин свисали руки, ноги, головы...

Весной я заболела, чем, уже не помню. К тому времени тело мое опухло от голода. Заметила я это ут-

ром, после сна. Стала надевать чулочки и увидела, как на ногах появились «подушки». Меня это очень удивило. Тогда я еще не понимала, в чем дело. Идти к врачу в поликлинику на Мойку у меня не было сил. Но не лечить меня мама не могла. Она взвалила меня себе на спину и понесла. Сказать, что ей было очень тяжело — мало: потому что руки и ноги ее были покрыты язвами. Она периодически останавливалась и просила меня: «Людочка, ну пройди хоть немного сама». А я была не в состоянии.

Однажды маму вызвали в райком и, так как на ее плечах были двое детей и престарелая бабушка, ей сказали, что нас в приказном порядке отправляют на Алтай. Остаться в городе было нельзя. Маме пришлось подчиниться и отправиться в эвакуацию.

Сначала мы ехали через Ладогу. Было это в конце лета, ночи были темные. По реке нас пепеправляли на каком-то катерке, больше похожем на лодку, и мы в темноте едва не натолкнулись на большой пароход. Начались крики, но, слава богу, все обошлось. А потом нас посадили в поезд, и до Алтая мы ехали в товарном вагоне. Бабушку мы не довезли, она по дороге умерла, и ее с поезда сняли в Тюмени. В поезде кормили нас хорошо, но мама не разрешала много есть, потому что люди от этого погибали.

Через месяц нас привезли в Закладное, это большое село в 300 км от Барнаула. Приняли нас там хорошо. Дали в избе комнату с плитой. В памяти моей осталось, как летом и осенью мы сидели около дома, хозяйка избы выносила целый противень жареных семечек, и мы их щелками до тех пор, пока все не съедали. Причем сельские ели семечки очень ловко: они закидывали их в рот, а оттуда, словно сама собой, вылетала шелуха. Кстати, когда мы вернулись в Ленинград и просили у мамы семечки, она покупала их на Кузнечном, но папа делать это запретил, говорил: «Развели тут гадость грязную». А я очень тосковала без семечек.

В Закладном мы жили хорошо: было нормальное питание, мама занималась огородом, я — сестренкой. Она, кстати, в это время по сути дела сама себя вылечила от рахита: ходила голенькой — сама раздевалась и ходила по солнцу, одежду с собой носила. Брала кружечку, подходила к молодой телочке и доила ее. Маленькая, с кривыми нож-

Две женщины в разрушенной артобстрелом ленинградской квартире.

ками, присядет и доит коровку, а та стоит не шелохнется, как будто понимает, что рядом с ней ребенок.

Когда мама устроилась на работу, Киру решили устроить в детский сад. В первый день она сходила в сад нормально, а на второй — ни в какую. Посадили ее в хозяйственную тележку, а она кричит. Мы с ребятами ее еле уговорили, накрыли какой-то тряпкой и привезли в сад. Было очень смешно! Но на другой день этот номер не прошел, и в детский сад Кира больше не ходила, все время была со мной. Однажды я за ней не углядела. Смотрю, Киры нет. Думаю, где она. Стала искать всюду. Испугалась. Побежала в огород, а она там хозяйничает: лук на грядке выдергивает! Хорошо, что он более-менее созрел и на зиму нам кое-что осталось.

В Закладном я ходила в школу, но воспоминания о ней у меня скудные. Помню, что тетрадок не было, поэтому приходилось писать на старых газетах между строк.

А чтобы я не замерзала по дороге зимой, мама очень тепло меня одевала: в пальто, а сверху — теплый шерстяной бабушкин пла-ток. И вот я такая укутанная, неуклюжая через сугробы ходила на уроки.

В селе протекала узкая речушка. Настолько узкая, что вместо моста использовали полено. Весной, после таяния снега, в этой речке было особенно много воды. И вот однажды мы с подругой решили по этому полену побегать туда-обратно. На мне было надето зимнее пальто, потому что было прохладно, мы раззадорились, я потеряла равновесие и в эту речку рухнула. Счастье, что воды было много, до бревна мне дотянуться было несложно. Я ухватилась за него, подруга придерживала мои руки, чтобы они не соскользнули, и переставляя их, я выбралась на берег. Мокрая, в пальто, замерзшая, я пришла домой, и от мамы мне, конечно, попало. Больше я не бедокурила.

Я часто помогала маме. Так как мы жили в степной части Алтая, то печку топить приходилось кизяком, а не поленьями. Летом мы с ребятами ходили в степь и собирали в мешки «продукты» жизне-деятельности коров для кизяков. Занятие это было не из приятных, но очень важных.

Через некоторое время нас перевезли в районный центр Завья-лово. И уже оттуда, когда сняли блокаду, летом мы уехали в Ленин-град. Наконец-то вернулись домой, и наша семья воссоединилась. Дом наш разрушен не был. Но жили мы в нем недолго, вскоре папе дали отдельную квартиру на Дмитровском проспекте, куда мы и пе-реехали.

Я хорошо помню окончание войны, как летом 1945 года по Вла-димирскому проспекту шли наши войска. Огромная колонна сол-дат, не спеша, с длительными остановками двигалась по проспекту. Я шла по улице и наблюдала за лицами бойцов. Они были усталые, суровые, запыленные. Я побежала домой, схватила ведро с во-дой и прибежала к солдатам. Так я бегала несколько раз. Мне очень хотелось им помочь.

Леонид Иосифович ПЧЕЛКО

Незабываемый воскресный день в конце июня 1941 года. Я в отпуске у матери. Ранним утром отправился на рыбалку. Вдруг над ближайшим лесом в небе появились два самолета. Отчетливо слышна стрельба из пулеметов. Одни из самолетов падает на землю и взрывается. Случилось что-то чрезвычайное.

Подплываю к берегу и бегу в колхозный клуб, где было радио. Застал выступление Молотова. На всю жизнь запомнил его слова «Враг будет разбит, Победа будет за нами!»

Мне еще нет 18 лет. Однако я уже подал заявление в Ленинградское артиллерийское училище имени Красного Октября и получил вызов для сдачи экзаменов. Что же делать? Решение принято — надо пробиваться в училище. Потребовалось 17 суток, чтобы добраться окольными путями до Ленинграда (до войны на это потребовалось бы всего 17 часов). В училище меня без экзаменов зачислили в курсанты. Так началась моя военная служба. Три месяца напряженной службы в Ленинграде. Познаю первые азы артиллерийской науки. В августе обстановка под городом резко обострилась. Была перерезана Октябрьская железная дорога. Нас срочно погрузили в эшелоны. Удалось проскочить на восток через станцию Мга. Через несколько суток мы оказались в Саратове, а затем в Энгельсе — на противоположном берегу Волги.

Быстрое обустройство на новом месте и снова — учеба по ускоренной программе, максимально при-

ближенной к условиям войны. Однако в октябре резко обострилась обстановка на дальних подступах к Москве. Войска Западного фронта, оборонявшие это направление, понесли большие потери. Достаточных сил для прикрытия непосредственных подступов к Москве не оказалось. Необходимо было принять неотложные меры. В Москве и области срочно создаются формирования гражданской обороны и дивизии народного ополчения. Было также принято решение привлечь к обороне столицы личный состав военно-учебных заведений.

В ночь с 23 на 24 октября 1941 года были подняты по тревоге и дивизионы нашего училища. Значительная часть курсантов была направлена для пополнения формируемой неподалеку 60-й стрелковой бригады. Таких бригад осенью 1941 года создавалось большое количество. Довольно простая их организационно-штатная структура позволяла проводить формирование бригад в короткие сроки. В состав бригады входили три стрелковых батальона, артиллерийские и минометные подразделения. Возникла серьезная проблема с командными кадрами. Их пополнение производилось, в основном, плохо подготовленными офицерами запаса. Я был направлен в минометный батальон, состоящий из двух рот, вооруженных 50-миллиметровыми минометами. Что это было за оружие! Дальность стрельбы всего 900 метров, вес мины 900 граммов. Командный состав в роте был укомплектован выпускниками краткосрочных пехотных курсов, не имевшими никакого представления об артиллерийской и минометной стрельбе.

Я был назначен командиром расчета этого «грозного» оружия. Остальной состав расчета был представлен лицами, прибывшими из запаса, ранее не служившими в артиллерии. Быстро пролетели несколько дней. Затем нас погрузили в эшелон и доставили на фронт в район станции Кубинка под Москвой. Несколько часов пешего марша — и мы оказались в расположении стрелкового батальона, который должны были поддерживать своим огнем.

Наша 60-я стрелковая бригада была включена в состав 5-й армии, оборонявшейся в центре оперативного построения Западного фронта. В начале контрнаступления, начавшегося 6 декабря, основные события

*Юные защитники Ленинграда.
1945 год.*

происходили на флангах фронта. Туда и направлялись средства усиления (танки, артиллерия, авиация). Армии центра вынуждены были довольствоваться лишь своими штатными средствами. Однако они пытались привлечь на себя побольше сил противника, чтобы не допустить их переброски на фланги, где враг наносил главные удары.

Итак, начались первые бои. Стрелковые батальоны нашей бригады переходили в атаку практически без артиллерийской подготовки. Скромные успехи достигались усилиями пехоты, с большими потерями. Возлагались определенные надежды на наши минометы.

Однако эффективность их применения оставляла желать много лучшего.

Впрочем, сохранился в памяти такой эпизод. Выдвигаясь к переднему краю, в лесу встретили расчет такого же немецкого миномета, как и наш (50-миллиметрового калибра). Немцы были одеты далеко не по-зимнему (легонькие шинели, пилотки, сапоги). Из четырех солдат расчета три уже были мертвы (замерзли), а четвертый умер на наших глазах. Мы же к этому времени были оснащены валенками, теплыми фуфайками, шапками-ушанками. Расстреляв по врагу немецкие мины, мы возвратились на нашу основную позицию, прихватив с собой трофей.

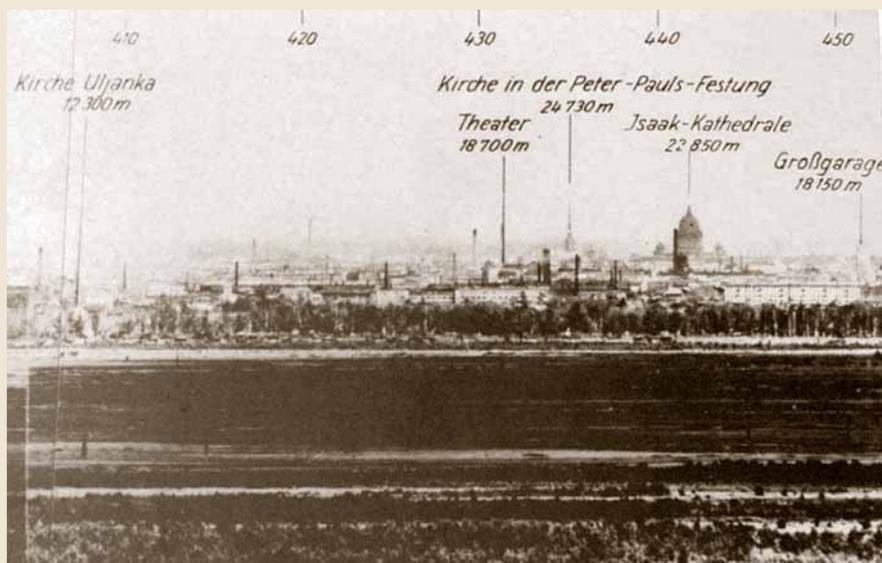
Получалось так, что пехота часто занимала исходное положение в тысяче и более метрах от врага (а даль-

ность стрельбы наших мин — менее 900 метров). Выход находили в том, что рыли траншеи впереди пехоты в глубоком снегу и ночью подбирались поближе к противнику. Но даже если это и удавалось, то большого эффекта не достигалось. Ведь мины приходилось тащить на себе. Так что, этот боезапас быстро расходовался, а пополнить его с рассветом было практически невозможно.

Между тем, вскоре положение улучшилось. Нас вооружили 82-миллиметровыми минометами (дальность стрельбы — 3 километра). Это уже позволяло вести стрельбу по всем правилам артиллерийской науки. Но возникли новые трудности. В отличие от артиллерийских подразделений более крупного калибра нас совершенно не обеспечивали средствами связи. Приходилось передавать команды по цепочке голосом. К тому же были и другие трудности. Ведь в нашем батальоне все командиры от младшего лейтенанта и выше не владели приемами ведения огня с закрытых огневых позиций. К тому же еще многие слабо владели русским языком.

Вспоминается такой эпизод. Вызывает меня на наблюдательный пункт командир роты и приказывает вести огонь из минометов. Я, вооружившись биноклем, готовлю данные для стрельбы, а команды минометам на ведение огня по цепочке передает командир роты. Вот здесь и изменилась моя дальнейшая служба. Рядом с нашим наблюдательным пунктом (НП) на 2-м этаже дома размещался НП минометного дивизиона 107-миллиметровых минометов (дальность стрельбы — 7 километров). Командир этого дивизиона заинтересовался, почему стрельбу ведет не командир роты, а сержант с курсантскими петлицами. Пришлось объяснить сложившуюся ситуацию. В итоге ночью за мной прислали посыльного и отправили в штаб бригады и затем на КП минометного дивизиона. Там мне объявили о назначении меня командиром взвода управления. Так я стал настоящим артиллеристом, имея на вооружении стереотрубу и средства связи. Был даже представлен к званию «младший лейтенант». Однако получить мне его не удалось. В середине января 1942 года уже в ходе общего наступления на подступах к Можайску я был ранен и отправлен на лечение в госпиталь.

Съемка Ленинграда через стереотрубу наблюдения немецких артиллеристов 18-й армии группы армий «Север», стоявших в районе Красного Села.

В связи с этим хочется сказать несколько слов о работе нашей медслужбы в годы войны. Трудности я испытал только на первом этапе — при доставке с места ранения на медпункт бригады. Здесь меня весьма доброжелательно встретил врач, налил мне для храбрости полстакана спирта и принялся за обработку раны. Двое суток я находился в весьма благоприятных условиях на даче Молотова, где разместился передовой госпиталь. А далее последовал переезд в санитарном поезде в более глубокий тыл — в город Гусь-Хрустальный, где я проходил лечение около 4 месяцев.

Моя военная судьба и дальше так же связана с московским направлением. После излечения в госпитале и окончания курсов младших лейтенантов артиллерии Западного фронта я снова на фронте южнее Москвы в 16-й армии (впоследствии 11-й гвардейской), которой в то время командовал генерал-полковник И.Х. Баграмян.

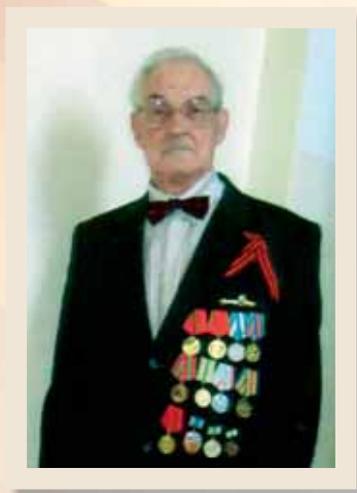
Весной 1943 года на фронте установилось относительное затишье. Обе воюющие стороны готовились к Курской битве. В связи с этим сохранился в памяти такой эпизод. Я — командир взвода управления артиллерийской батареи. Нахожусь на НП батареи в первой траншее. Пользуясь затишьем в боях, основательно оборудовал НП, оснащенный средствами наблюдения и связи. Однажды наблюдаю, что по траншее двигается группа людей во главе с младшим лейтенантом кавказской внешности и заворачивает на мой НП. Пытаюсь выдворить непрошенных посетителей. Однако подбежавший старшина сообщает, что младший лейтенант — командующий армией. Это была рекогносцировочная группа. Итак, конфликт улажен.

Командующий, прильнув к стереотрубе, стал расспрашивать, что я наблюдаю в своем секторе. Затем он приказал открыть огонь по одной из целей. Подаю команду на батарею. Выстрелы оказались удачными.

Перед уходом генерал Баграмян спросил меня, почему у меня на погоне одна звездочка и две дырки. Я доложил, что по окончании курсов перед объявлением приказа нескольким курсантам-отличникам было приказано подготовить погоны лейтенантов. Однако прибывший из штаба фронта полковник объявил, что всем присвоено звание младшего лейтенанта. Так и пришлось уехать на фронт с одной звездой и двумя дырками на погонах. Командующий приказал адъютанту записать мою фамилию. Через неделю в штаб полка прибыл приказ о досрочном присвоении мне звания «лейтенант», а через 4 месяца я стал уже старшим лейтенантом.

Таково мое скромное участие в битве под Москвой. Закончил я войну капитаном в должности начальника разведки полка, пройдя путь от Москвы до Кенигсберга. После войны служба в войсках. Учеба в двух академиях и многолетняя преподавательская работа сначала в военном училище, а затем в военной академии.

Иван Борисович САДИКОВ

В июне 1941 года за неделю до начала войны мы выехали на дачу в дачный поселок Всеволожское, недалеко от Ленинграда. На дачу поехали тетя Маруся с сыном Олегом и мама со мной и моим братом Глебом. Днем 22 июня мы слышали с окрестности громко говорящее радио, но слова разобрать было сложно. Нам сказали, что это говорит Молотов — Глава Советского Правительства и что началась война. В этот же день в небе появились какие-то самолеты. Вскоре раздались звуки артиллерийской стрельбы. Говорили, что это провались немецкие самолеты, и стреляют зенитки. Нас попросили выехать из воинской части. Помню, как мы сидели на вещах у дороги в тени деревьев. День был очень жаркий. Ждали транспорт. Мимо нас быстрым шагом шло много красноармейцев. Они были почему-то в шинелях, увешаны ранцами и оружием. Видимо, шли издали — были мокрые от пота и выглядели уставшими. Нам стало их очень жалко. Вещей у нас было много. Желающих уехать — тьма. Но все же мы сумели сесть в поезд, а папе пришлось ехать стоя на буферах между вагонами. Через несколько дней папу забрали в Красную армию как медицинского работника, несмотря на то, что ему в то время был 51 год. Накануне его ухода мы всей семьей сфотографировались в шикарном фотоателье на Невском проспекте. Мама пошла работать сборщицей автомобильных электроприборов в промкооперацию. В мои обязан-

ности входило ходить в булочную и в магазины за продуктами. На Глебе лежала уборка комнат.

Лето стояло очень хорошее, теплое, можно сказать, жаркое. В это время, в июне, начались ежедневные регулярные воздушные тревоги. Они были частые и иногда следовали одна за другой. Некоторые были очень продолжительные. Но о бомбежках еще не было слышно.

Сигналы воздушной тревоги подавались звуками электросирен, короткими гудками фабрик и заводов, пароходов и паровозов и дублировались по радиотрансляционной сети звуками сирены и словами: «Воздушная тревога! Воздушная тревога! Воздушная тревога!». Троекратное повторение слов передавалось несколько раз. Отбой воздушной тревоги объявляли по радио. Сначала звучал фанфарный звук трубы, затем слова: «Отбой воздушной тревоги! Отбой воздушной тревоги! Отбой воздушной тревоги!», фанфарный сигнал и троекратное повторение слов повторялось 2–3 раза. Гудки фабрик и заводов, обозначающие начало работы, были отменены.

При объявлении воздушной тревоги булочная прекращала работу и закрывалась. На улице милиционер всю очередь и прохожих загонял в ближайшую подворотню. Так что иногда приходилось приносить хлеб, простояв полдня в очереди. Помню, в булочной кроме разных сортов хлеба и булок продавались пирожные и торты «Пралине». В магазинах было все, но мы ничего не покупали сверх ежедневных нужд.

Так продолжалось недолго. С 16 июля решением Ленгорисполкома в соответствии с постановлением Совнаркома СССР была введена карточная система на хлеб, основные продовольственные и промышленные товары и были выданы карточки. В магазинах осталось только то, что продавалось по карточкам.

В очередях можно было услышать разное. Говорили, что немец бросает с самолетов листовки. Тексты тех, что произносили, казались мне примитивными. Например: «Дамочки, не ройте ямочки, все равно придут наши таночки». И позже появилась листовка: «Бей жида-политрука, морда просит кирпича».

Рядом с булочной на углу Гороховой и набережной реки Мойки находилась большая швейная фабрика имени Володарского. Когда бы я ни проходил мимо, у ее широких дверей всегда стоял грузовик, и в него грузили навалом только что сшитые красноармейские шинели. Фабрика работала круглосуточно. Из наших окон хорошо были видны ее всегда освещенные окна и непрерывно идущий густой черный дым из фабричной трубы.

В сентябре 1941-го мама начала ходить на оборонные работы за «Кировский завод». Там она трудилась на земляных работах. Возвращаясь домой, она шла по убранному полю и, как и другие женщины, подбирала оставшиеся верхние зеленые листья капусты. По пути прихватывала всякие щепки и все, что могло служить топливом и можно было унести на плечах или в руках. На входе в город на контрольно-пропускном пункте проверяющие женщин милиционеры спокойно отбирали у них все, что им понравится.

На КПП был один добрый милиционер, который не обижал женщин. Мама однажды пригласила его к нам. Он пришел, мы вместе пообедали. Он оказался очень хорошим человеком, бывшим конником. Рассказывал о своей

Бойцы Волховского фронта сооружают противотанковые препятствия.

бывшей службе в кавалерии. Надо сказать, что в блокаду милиционеры были изнурены службой и нехваткой питания. У них паек был меньше, чем у солдат. Запомнился мне один милиционер, который всегда стоял на посту на углу Демидова переулка и улицы Плеханова в самую холодную пору — декабрь-январь. Утепленный насколько позволял объем шинели, в ватных брюках, валенках, с толстой громадной канадской винтовкой с длиннющим штыком, прислонившись к стене дома, он еле держался на ногах.

Почти с самого начала войны жить нам пришлось по законам военного времени. Например, все торговые и зрелищные предприятия должны были заканчивать работу в 22 ч 45 мин; запрещалось движение легкового транспорта и пешеходов с 24:00 до 4 часов утра; запрещался въезд в город лицам, в нем не прописанным. Запрещалось фотографирование и кино съемка. Была введена военная цензура на всю почтово-телеграфную корреспонденцию с правом конфискации гражданских и военных писем. И теперь мы от папы и род-

Угол Невского и Лиговского проспектов. Жертвы первых обстрелов города немецкой артиллерией. 1941 год.

ных получали письма, просмотренные военным цензором. На задней стороне конверта стоял фиолетовый штамп «Проверено военной цензурой» и номер военно-контрольного пункта. Если цензору в письме что-то не нравилось, он зачеркивал это чернилами. Если такого было много или текст был очень «вредный», то он конфисковывал письмо.

В первых числах июля началось создание на добровольной основе армии народного ополчения. Одними из первых ушли добровольцами все наши старшие ребята по двору, рабочие, студенты — очень хорошие парни: Скосырев, Данилкин, фамилии еще троих забыл. Через две недели от них уже не было вестей.

С середины июля в городе началось военное обучение всех мужчин, не занятых на оборонных работах, без отрыва от производства по 2 часа в день.

В июле же началось формирование истребительных батальонов для борьбы с парашютными десантами. В дальнейшем, в составе НКВД, — для обороны города, для

борьбы с диверсантами, ракетчиками и контрреволюционными выступлениями.

Мы, ребята, и прохожие с интересом наблюдали за строевыми занятиями мужчин в гражданской одежде, которые проводились на Исаакиевской площади. Среди мужчин были молодые и средних лет люди, они занимались построениями без оружия под командой военных.

Наблюдали мы и за занятиями военных. На всем пространстве Исаакиевской площади, вокруг храма, занимались строевой подготовкой бойцы народного ополчения. Одеты они были в новенькую военную форму, колом стоящую на них. Обуты — в большие солдатские ботинки с обмотками. Вид ног высоких мужчин в обмотках мне не нравился. Мне казалось, что такой образ унижает бойца.

В августе немцы подошли близко к городу, и создалось опасное положение. В связи с этим в конце августа началось формирование батальонов народного ополчения уже непосредственно для обороны города на предприятиях из трудящихся этих предприятий, подчиняющихся районному штабу.

В батальоны на добровольной основе включались и женщины. Из подростков организовывали группы для разведки, связи, снабжения боеприпасами и продовольствием.

В нашем районе все школы и педагогический институт им. Герцена были заняты военными госпиталями, поэтому на занятия я и мои товарищи 1 сентября не пошли. Как я уже говорил, мы с Глебом ходили в магазины, занимались домом, готовили обед по указанию мамы, болтались во дворе в наших окрестностях и слушали радио.

С блокадой жизнь стала проще и строже. Мы, ребята, перестали бегать во двор с ручной сиреной. Сигналы оповещения о воздушной тревоге были хорошо слышны во всех уголках города и в домах. Милиционеры перестали загонять пешеходов в подворотни. Пешеходы и пассажиры городского транспорта при тревоге сами спешили в укрытия, если успевали. Многие обыватели сами уходили в бомбоубежища при воздушных налетах и артобстрелах, но многие, как наша семья, наоборот — перестали туда ходить. С наступлением

темного и холодного времени мы, мальчишки, прекратили лазать по крышам.

Наше любимое ленинградское радио стало работать 2–3 часа в сутки, передавая только важную и необходимую информацию. Остальное время, днем и ночью, мерно, как сердце, громко стучал метроном. Вскоре в связи с ухудшающимся положением на фронтах и тяжелой обстановкой в городе оно перестало информировать нас, и мы жили в полном неведении обо всем.

Из четырех окон нашего эркера открывался вид на Мойку и Исаакиевскую площадь. Помню, как-то стоим мы с моим лучшим другом и одноклассником Володей Артемьевым из 5-й квартиры (его еще звали «китайцем») и видим, как через площадь едет грузовой трамвай с двумя платформами, доверху загруженными мешками с мукой. Такие грузовые трамваи частенько проходили по площади. И у нас загорелась крамольная мысль: как бы сбросить один такой мешок. Начали рассуждать, как это сделать. Но получилось так, что мы стали видаться редко, хотя жили на одной лестнице и когда-то частенько ходили друг к другу, и поэтому авантюра наша не удалась.

В сентябре от разрыва снаряда на набережной реки Мойки у нас выбило стекла в эркере в двух окнах из четырех. Я заделал их фанерой и картоном. Холода тогда наступили рано, мы достали из сарая печку-«буржуйку», которую папа хранил еще с гражданской войны. Дров не хватало, чтобы обогреть наши комнаты площадью 25,5 и 20 м², и мы перешли жить в самую маленькую комнату. В керосиновых лавках перестали продавать керосин и денатурат — спирт для розжига примусов. Потом пропали и спички. Так как дров было немного, то буржуйку топили только для приготовления пищи. За это время она немного согревала комнату.

В сентябре перестали освещать улицы. В конце октября прекратили подачу электричества. Для освещения нашей комнаты из двухсотграммовой баночки из-под горчицы я сделал светильник, его еще называли «коптилка», хотя в комоде у мамы лежали две большие белые, перевитые золотой лентой, подвечечные свечи. Они лежали вместе с белыми перчатками, фатой и белыми искусственными цветами, оставшимися от

свадьбы мамы с папой. Но как бы ни было тяжело без света, эти свечи мы не трогали, и даже мысли не было их использовать.

С прекращением подачи электричества замолчали и электрические звонки.

В октябре 1941 года уже в темное время мы с Глебом пришли домой и чем-то занимались. Вечером с работы пришла мама, сидим, разговариваем. Вдруг раздается звонок с парадного хода, и в комнату входит милицейский командир с сопровождающими. И грозно говорит маме: «Почему вы не закрыли окна?! Вы грубо нарушили закон о светомаскировке. Собирайтесь, поедemте с нами». Наши светящиеся четыре больших окна эркера на фоне темных домов были хорошо и далеко видны с Исаакиевской площади, по Мойке от Фонарного переулка с одной стороны эркера и от Педагогического института им. Герцена с другой стороны. Мы сразу осознали, что мы наделали, и страшно испугались. Не можем вымолвить ни слова, сидим как в землю вкопанные. Потом я бросился закрывать окна. Я понял, что это моя вина: я пришел домой и не опустил шторы. Это было очень тяжелое преступление, город осенью в то время часто бомбили, и поэтому нарушение светомаскировки подвергало опасности жизни многих людей. В осажденном городе с такими нарушителями не церемонились. Я знаю случаи, когда в блокаду по освещенным не закрытым окнам милиция стреляла. Мама начала просить простить ее, говорила, что она только пришла с работы, очень устала и не успела закрыть окна. Обещала, что этого больше никогда не повторится. Но тщетно, милиционер был неумолим: «Собирайтесь и все. Вы нарушили и должны за это ответить». Мама начала плакать, стала на коленях умолять его простить ее, не оставлять детей одних, так как понимала, что из милиции уже не вернется. Как раз в это время она проходила в качестве свидетельницы по уголовному делу в отношении нашей соседки Зои Фрейндлих, которая была арестована за разговоры в бомбоубежище и в комнате соседки Е.Г. Григорьевой якобы об успехах немецкой армии и критики действий Красной Армии и ее руководства.

Милиционер стоял на своем: «Быстро собирайтесь и едем с нами». Скорее всего он хотел выполнить

свой служебный долг, да и был не один и не знал реакции своих окружающих. И в то же время понимал, что дети без матери пропадут. Так или иначе, видимо, после душевной борьбы он сказал: «Ладно». Вышел и уехал, и за ним ушли все. Мы с мамой сели и долго молчали.

Я удивляюсь, как мама все это могла выдержать: ежедневный физический труд, голод, сильные душевные и нравственные переживания. Одна, без мужа, с двумя детьми. В блокаду мама потеряла 24 кг своего веса и стала вместо красивой «гранд-дамы» «тощей селедкой». Могучее было поколение, ничего не скажешь.

Как-то раз зимним морозным вечером к нам зашел переночевать старый мамин знакомый моряк, капитан первого ранга. Как сказала потом мама, он был начальником отдела снабжения Балтийского военно-морского флота. Я помню его высоким, большим, в тельняшке. Мы сидели с коптилкой в полутьме, и нам, закутаным во что попало, показалось удивительным то, что ему без верхней одежды не холодно. Он посидел, поговорил с мамой, закурил невиданные мне доселе длинные папиросы из красивой черной коробки, на которой золотыми буквами было написано «Герцоговина флор». Я умудрился стащить у него одну папиросу. С собой он ничего не принес. У нас он тоже ничего не ел. Мама постелила ему свою постель, сама легла на мою, а я лег вместе с Глебом. Рано утром он ушел. Мама вскоре узнала, что его расстреляли.

В конце октября из-за сильных морозов вышли из строя все домовые водопроводы в жилых домах и в общественных зданиях. Раз не работал водопровод, то, естественно, не работала и канализация. По большой и малой нужде вынуждены были «ходить» в ведро с крышкой, которое стояло у нас в большой комнате. Я регулярно выливал его содержимое в Мойку. Некоторые жильцы дворовых флигелей нашего дома выливали нечистоты прямо из своих окон во двор: либо у них не было сил, либо просто от разгильдяйства. Под окнами образовались сталактиты и горы из грозного льда.

С началом блокады начались регулярные обходы милицией всех квартир подряд. Обычно к вечеру в квартиру приходили два милиционера. Они проверяли документы, спрашивали о жильцах из закрытых комнат. Прове-

Колонна солдат идет маршем у «Кировского завода» в Ленинграде.

ряли, нет ли посторонних в квартире. Ловили шпионов, диверсантов, всякого рода уголовников, но в основном дезертиров, военных без документов.

Начиная с октября 1941 года, начались ежедневные ночные воздушные налеты одиночных бомбардировщиков. Налеты производились с больших высот.

Самолеты летали с большими интервалами, растягивая налеты на всю продолжительную осеннюю ночь. Сидим вечером или лежим ночью тихо и прислушиваемся к звуку летящего самолета, ждем, где он сбросит бомбы.

Летящий немецкий самолет имеет характерный звук, отличный от звука летящего советского самолета. Мы его отлично узнавали. Самолет жужжит-жужжит, вдруг раздается сильный удар, от которого вздрагивает дом, звенит посуда, и абжур над столом начинает качаться. Еще и еще несколько таких же. Значит, бомбы упали где-то близко. Или

раздаются более слабые удары, но дом все равно потрясывает. Было жутковато. Мама боялась и сразу начинала что-нибудь делать: перебирать и протирать посуду, зеркала. Я, как мог, старался успокоить ее, говорил: «Мама, не бойся, если попадет, то погибнем все сразу». Мне казалось, что это ее немного успокаивает. При воздушном налете взрывы следовали один за другим, когда немцы сбрасывали кассету бомб. Бывали и одиночные, но очень большой силы. Хорошо помню удары бомб, разрушившие дома на углу Кирпичного переулка и улицы Гоголя (ныне Малой Морской), где в подвале погибло много людей; дом на углу Столярного переулка и улицы Плеханова (ныне Казанской); на углу Гражданской и канала Грибоедова; на углу улицы Плеханова и проспекта Майорова (ныне Вознесенского); на углу набережной реки Фонтанки и проспекта Майорова; на углу Демидова переулка и Сенной площади.

1 октября 1941 года постановлением Военного совета Ленинградского фронта снова была уменьшена норма выдачи продовольствия: рабочим — 400 г, всем остальным — по 200 г хлеба. Запасов у нас не было никаких. Начали шарить в большом кухонном столе на кухне, в буфете, в шкафу в прихожей, в кладовке. Находили какие-то мешочки с остатками старых круп, манки (которой чистили фетровые ботиночки), остатки горчицы, чая, кофе и прочих приправ. Как-то, осматривая шкаф в прихожей, я нашел две литровые черные запыленные бутылки с чем-то. Оказалось, это олифа для разбавления масляных красок. Разговорившись как-то раз в очереди, я узнал, что олифу можно есть, пожарив ее с гвоздикой и солью. Потом нашел еще несколько флаконов с рыбьим жиром.

Как-то мама принесла кусок вымени, килограмма один или два. Нечего говорить, как мы все были рады. При приближении немцев к Ленинграду жители пригородов бежали в город, и их расселяли в пустых квартирах. Так, в доме № 2 по Демидову переулку (напротив нашего дома) появилась женщина с коровой из Дачного. Она держала корову сколько могла, а потом ей пришлось ее зарезать. Мама каким-то образом узнала, что в доме № 2 продают мясо. Ей достался кусок вымени.

Однажды отец, забежав к нам на минутку, дал нам два настоящих солдатских ржаных сухаря. Они на

вид были небольшие, хорошо высушенные, не прелые, с божественным запахом ржаного хлеба. Когда один сухарь размочили в кипятке, мы ахнули: получился здоровенный кусок хлеба. Приезжая в Ленинград за медикаментами и донорской кровью для своей аптеки полевого госпиталя, дислоцированного в лесах под Всеволожском, отец пару раз привозил нам несколько плиток хлопкового и подсолнечного жмыха. В Ленинграде его называли «дурандой». Я его разбивал молотком, молот в мясорубке и окончательно размельчал в ступке. Из этой муки Глеб на олифе жарил котлетки.

В один из своих редких приездов в Ленинград отец привез с 4–5 штук метровых сосновых отрезков. Надо сказать, что грузовая полуторка, на которой приезжал отец, была газогенераторная. Работала не на бензине, а на дровах — сосновых чурочках. По обеим сторонам кабины автомобиля стояли два больших черных цилиндра. В них закладывались чурочки, и там вырабатывался газ, на котором работал мотор автомобиля. На таком дровяном автомобиле отец без страха привез нам дрова. В кузове автомобиля всегда имелся запас таких чурочек.

У нас было негласное распределение обязанностей: я ходил в магазин, подчас довольно далеко от дома, пилил и колот дрова на мелкие полешки для буржуйки и делал прочие работы потяжелее. Глеб занимался приготовлением обеда. Многие работы мы делали сообща: ходили за водой, за дровами и пр. Каждый день мы подметали пол, мыли посуду, приносили дрова и воду, ходили в магазин, выносили нечистоты, бегали во двор. Сварив обед и укрыв его, чтобы не остыл, сидели, укутавшись, в шапках, обхватив ногами теплую буржуйку, и читали, поджидая маму с работы. Мы не позволяли себе съесть ни одной ложки из приготовленного обеда до прихода мамы, при этом не следили друг за другом, зная, что этого никто из нас не сделает.

Народ по городу передвигался только пешком. На улицах и в переулках народу было вроде и не видно, но на больших проспектах, в частности на Измайловском и Майорова, народ шел густой чередой. Каждый что-то нес в руках или на себе или вез на санках.

Кто-то спешил, другие волоклись, еле передвигая ноги, часто останавливались или падали, поднимались или их поднимали, ставили к стене, и они шли, держась за стены домов.

Часто везли трупы умерших, завернутые «куклой» в одеяло или простыню. Под тканью резко обозначался контур человеческого тела. Трупы везли на одних или спаренных детских санках или на фанере один или два человека, сами похожие на трупы. Трупы везли на кладбища или на сборные пункты. Мамин начальник, еврей, попросил маму и еще одну работницу отвезти свою умершую родственницу на сборный пункт, кажется, на Канонерский остров. Мама с работницей отвезли ее на санках за пайку или две хлеба. Везли на санках и неходячих больных. В большинстве случаев мужчину везла женщина. Проходили малочисленные команды красноармейцев. В задних рядах солдаты поддерживали ослабевших товарищей. По улицам проезжали редкие грузовики и командирские легковые машины «эмки». Грузовые машины были газогенераторные. Проезжали большие пятитонки, подбиравшие умерших с улиц, дворов и из сборных пунктов. Пятитонки доверху с горкой были завалены трупами. На них сидели румяные от мороза женщины в ватниках и ватных брюках.

Когда начались холода, оказалось, что у меня нет зимнего пальто. Мама договорилась с одной женщиной, что она недорого сошьет мне пальто из старого папиного. Женщина жила далеко, на ул. Чайковского, в большом шикарном доме с широкими мраморными лестницами, красивыми перилами и высоченными потолками, на третьем этаже в большой барской квартире, обставленной очень хорошо и из которой веяло ледяным холодом. Эта женщина сшила мне теплое пальто ниже колен из черного драпа с широким воротником из крашеной кошки. Я это пальто сразу возненавидел, так как в нем я был похож на девочку, хотя пальто было теплое и сидело замечательно.

8 декабря 1941 года был мой день рождения. Мне исполнилось 13 лет. Вдруг под вечер неожиданно приезжает папа. Папа приехал в Ленинград на автомашине за партией донорской крови для своего полевого госпиталя, стоявшего в лесу в районе железнодорожной станции Всево-

Палата детской больницы с новогодней елкой в блокадном Ленинграде. Зима 1941—1942 годов.

ложская. Папа привез нам буханку черного хлеба, небольшой кусок копченой колбасы, двухсотграммовую бутылочку подсолнечного масла. В этой бутылочке он копил масло, сливая его со своей армейской порции каши. Привез еще три метровых полена сосновых дров. Перед тем как сесть за стол, он сказал мне, чтобы я сбегал за «Танте Лизой» — тетей Лизой — старой немкой, приятельницей отца, дамой преклонных лет, живущей в первом дворе. Когда мы сели за стол и перед ней поставили чашку горячего сладкого чаю и кусочек черного хлеба с парой кружков колбасы, она заплакала и сказала: «Есть все-таки Бог».

В декабре пришел ко мне мой друг Володя Артемьев из пятой квартиры. До этого мы долго не виделись. Как сейчас помню, пришел он в каком-то накинутом пальтишке, страшно исхудалый, опухший от голода. Сели вокруг

буржуйки. Я еще дал ему стакан кипятка и маленький подсушенный сухарик черного хлеба. Посидев, он рассказал, что мать его пропала, наверно, умерла на улице, не дошла до дома. Она работала далеко, у Финляндского вокзала, телеграфисткой в пожарной охране. Вероятно, он пришел от безысходности, подсознательно напомнить о себе и проститься. Наверно, он назавтра умер. Потому что через пару дней я, случайно выйдя, увидел, как по набережной Мойки бабушка везла его труп на санках. Я встал как вкопанный. Я был потрясен, вот когда такое слово применимо. Не мог ни подбежать, ни крикнуть, а она удалялась все дальше и дальше. Слезы брызнули из глаз, тогда это была моя самая горестная потеря. Вскоре умерла и его бабушка.

Умер от голода Олег из девятой квартиры. Он был старше меня. Он пошел работать рабочим на завод «Электросила» на Московском проспекте. Ему приходилось ходить пешком в такую даль. Молодому организму не хватило пищи на восстановление такой потери энергии.

В феврале 1942-го отец привез с оказией из своей воинской части небольшую посылочку и попросил нас отнести ее по одному адресу. Кто-то по-видимому посылал немного продуктов, «оторванных» от себя, своим родным. Нам надо было отнести эти гостинцы на улицу Маяковского. Помню, что пошли мы с мамой, когда было уже темно. Идти было от нашего дома у Исаакиевской площади довольно далеко. В темноте мы нашли дом и квартиру и отдали посылочку в руки. Так далеко зимой в блокаду я не ходил и город за исключением своей округи и Измайловского проспекта до 12-й Красноармейской не видел. Здесь я получил представление об этой части города. Удивило большое количество снега, а в некоторых местах, особенно у ДЛТ, на улице были чуть ли не метровые наносы. Несмотря на вечер, народу на Невском было немало. Было темно и тихо. Все передвигались быстро и молча.

Зимой 1942 года пошел я в очередной раз за дровами на задний двор в наш новый сарай в подвале Конюшенного флигеля. Идти надо было далеко: пройти наш двор, три арки и территорию весо-кассовой мастерской. За мною увязался и тащился сзади Глеб. Только я прошел двор весо-

кассовой мастерской и вышел из-под арки, вижу в трех шагах от меня на листе фанеры лежат два детских трупа — девочка лет 12 и мальчик лет трех. Смотрю, из дверей одноэтажного флигеля, бывшего кегельбана, спускается наш управдом Кондратьев и несет под мышками еще два детских трупа и укладывает их рядом на фанеру. Чтобы этого не видел Глеб и не испугался, я резко развернулся, шагнул назад и сказал: «Пошли назад, я забыл дома ключ от сарая».

Во флигеле, где находился наш сарай, жили рабочие, но зимой они вымерли все до единого. Как я знаю, трупы умерших жильцов нашего дома хранились в обширном помещении конюшни под первой аркой Демидовского дворца. Всякий раз, когда я шел за дровами и проходил мимо, я видел в неплотно закрытые ворота все помещение, заполненное аккуратно уложенными трупами в штабеля выше человеческого роста. Трупы еще лежали в первой парадной от Демидова переулка в темном углу под лестницей.

Лютой зимой 1941—1942-го многие семьи не заявляли об умерших и не отмечали их смерть в домовых книгах, а сами трупы тайно выбрасывали. Делалось это для того, чтобы не сдавать карточки умерших этого месяца и получить на них в следующем месяце.

Война и блокада изменили обстоятельства и условия жизни людей. Изменилась цена многих вещей, понятий, поступков и поведения. Так как все в общей массе переживали одинаковые невзгоды, люди стали человечнее, добрее и отзывчивее. Старались помочь друг другу, как могли. Сосед помогал соседу. Делились кружкой кипятка, на улице поднимали упавшего и ставили его к стене, чтобы он мог идти дальше. У проруби помогали начерпать воды и поднять ведро наверх на набережную. Это я сам делал и видел неоднократно.

В народе не уважали нытиков. Наоборот, людей, попавших в страшную беду и державшихся из последних сил, уважали, брали себе в пример для поддержания своих душевных сил, подавляя инстинкт самосохранения. С другой стороны, если человек не выдерживал всепобеждающего голода, его не осуждали, жалели, понимая, что и сами под гнетом обстоятельств могли сломаться в два счета. Многих задела «моральная дистрофия» — т. е. у них надломился моральный дух.

В самое тяжелое время блокады наиболее характерными настроениями у многих были страдания от голода, одиночества, чувство обреченности и отрешенности, апатия, чувство горечи за свой город, ожидание развязки, ожидание смерти — избавительницы от ужасов блокады.

Иногда мама начинала роптать, сетовать на тяжелые, невыносимые условия жизни, голод и холод, усталость и страх. Я старался как-то ее успокоить. Говорил: «Да, нам голодно, холодно и страшно, а бойцам нашим в окопах еще тяжелее». Это, я думал, ее как-то успокаивало и примиряло. Она осеняла себя крестным знаменем, шептала какую-то молитву и успокаивалась.

Блокадная весна 1942 года

Весной оттаяли водопроводные трубы в домах и заработал городской водопровод. Начал ходить трамвай, сначала грузовой отвозил сколотый грязный лед, снег и разные грузы по городу, затем появилось несколько пассажирских маршрутов.

С 4 апреля вновь начались регулярные воздушные налеты на город.

На ул. Дзержинского (Гороховой) в пивной стали продавать пивными кружками хвойный витаминный напиток ярко-зеленого цвета.

Дольше и теплее стало светить солнышко. Начала пробиваться травка. Стало немного сытнее. На черном рынке килограммовая буханка хлеба стоила 500 руб.

Народ чуть меньше стал умирать. У тех, кто пережил зиму, но потерял вес тела больше критического, продолжался невосстановимый процесс разрушения. То же самое происходило и с моим знакомым Васей Галушкиным. Когда я встретил его в апреле, он очень плохо выглядел: это был дистрофик с кровоточащими губами. Мы с ним часто сидели на земле, прислонившись к стене каменного забора напротив нашего дома. Он мне рассказал, что зимой у него умер отец, брат Ваня и сестра Нина, осталась только мать. Я помню, как он говорил: «Ну, теперь-то я выживу, появились солнце и трава». Но через некоторое время, в мае, он все же умер. У него была

слишком большая потеря веса. Процесс разрушения был уже необратим.

В магазинах начали продавать огородные семена. Появились книжки о съедобных травах. На Невском открылось много разных магазинов. Мне запомнились только книжные: «Военная книга», Дом книги, Книжная лавка писателей и на Литейном. При них были маленькие развальчики. Полки книжных магазинов и развальчики были уставлены большой и толстой книгой в серой обложке — избранные сочинения В.В. Маяковского, весь тираж которой остался в Ленинграде.

На Невском люди с рук продавали много ценных, редких и интересных книг. Те, кто имел лишние деньги, например, командированные военные, могли себе сделать хороший подарок. Я покупал тоненькие книжки-брошюрки чисто местной военной и блокадной тематики.

На Невском, на мосту через канал Грибоедова на солнечном припеке мы с Глебом часто сидели на камнях, прислонившись спинами к теплому парапету.

После весенней всеобщей городской уборки Ленинград стал чистым городом, самым чистым за всю свою историю. Дворники работали, но убирать было нечего. Людей было мало. Есть на улице было не принято. Лошадей, основных загрязнителей города, не было вовсе. Многие мужчины-курильщики умерли зимой, а те, кто остался, были на пересчет. Транспорта, кроме трамвая, практически не было. Промышленность еле теплилась. Поэтому улицы, дворы, лестницы, воздух и вода в Неве были чистыми как никогда. Самым грязным был Невский.

Весной многим стало очевидно, что не все страдали от жесточайшего голода и холода зимой. Горожане увидели достаточное количество упитанных молодых женщин с цветущими телами и румяными лицами.

У людей произошел рост самосознания, выработалась привычка ко всему относиться критически.

Блокадная школа 1942 года

В конце апреля 1942-го нам сообщили, что в мае начинаются занятия. Мы с Глебом отнесли свои документы в школу, и в начале мая я пошел учиться в шестой класс, а Глеб во второй.

Детей со всей округи собрали в школу № 239, помещавшуюся в большом треугольном доме на проспекте Рошалья (ныне Адмиралтейский), выходящем на площадь Воровского (ныне Исаакиевскую) и на проспект Майорова (ныне Вознесенский). До революции в нем помещалось военное министерство. В народе его называли «Дом со львами». Перед портиком с восемью колоннами парадного входа на высоких гранитных постаментах стояли два белокаменных льва, держащих лапу на шаре, так называемые «сторожевые львы». На одном из них спасался Евгений во время наводнения 1824 г. в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник».

*«Он очутился под столбами Большого дома.
На крыльце с поднятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые.
И место, где потоп играл
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь...»*

Детей собрали со всей округи. Классы были многочисленными, человек по 30 и более. Собрали учителей, переживших страшную зиму. Большинство из них выглядели плохо. Молодых среди них не было. Наша учительница была пожилым человеком с бледным, опухшим от голода лицом. Одета была в несколько кофт и пиджак и все время ежилась от холода. Завучем была К.В. Ползикова-Рубец. Детей собрали в школу не столько для учебы, сколько для того, чтобы выявить наличие выживших, ходячих, подкормить, спасти и определить их дальнейшую судьбу.

Или эвакуировать, как нас, или оставить для продолжения учебы, или отправить в ремесленные училища, как Виталия Мазунова.

В школе было организовано дополнительное питание без карточек. Детям давали второе и третье. По-

Лето 1942 года. Зенитная батарея на Университетской набережной Ленинграда.

мню, как малыши все допытывались: «А макароны будут?» Учителей, по-моему, не кормили.

Столовая помещалась в большом подвальном помещении. В большой комнате без окон стояли рядами длинные столы из досок с лавками по обеим сторонам. Обедали «поклассно». Каждый класс садился за свой стол. Официантки разносили на подносах второе, например, макароны с котлетой и подливой. Ребята иногда прихватывали лишние порции, и мы тут же сообща их съедали.

Столовая служила и бомбоубежищем. В нее мы спускались при объявлении воздушной тревоги или артиллерийском обстреле района организованно, всем классом.

В школе по желанию можно было учить английский или немецкий язык. Хотя в детстве мне давали начальные знания немецкого языка, я захотел учить английский. Подобралась небольшая группа из класса — четы-

ре-пять человек, занимавшихся в отдельном классе. Учительница могла каждый день заниматься с каждым учеником. У меня были хорошие успехи, но так как учиться пришлось недолго, то больших знаний я не приобрел. В институте я язык еле тянул.

Наш шестой класс находился на втором этаже в большой светлой комнате с высокими окнами, смотрящими в упор на восточную часть Исаакия, и опасными при артобстреле рядом с колоннадой. Второй класс Глеба находился на той же стороне, но на первом этаже. Во время большой перемены мы резвились на площади между школой и Исаакием. Нам было лень выходить на площадь через главный парадный вход и мы спускались вниз по водосточной трубе через открытое окно. В школу я, Витя и еще один мальчик приносили артиллерийский порох — «макарены», — в точности похожие на обычные макароны, только коричневые. Мы его поджигали, бросали на асфальт, затаптывали ногами пламя, и он начинал со свистом летать. Кстати сказать, дома я грел самовар этими же «макаронами» и «вермишелью» — артиллерийским порохом в виде маленьких цилиндриков желтого цвета, диаметром 5 мм, длиной 1,5 см, пронизанных продольными порами. В самоваре гудело и бушевало пламя, и самовар вскипал через 2–3 мин. Мама всегда удивлялась и не верила, что такое возможно. Но такое пламя быстро прожгло трубу, и самовар вскоре протек и вышел из строя.

Помню, как в школу на велосипеде приезжал Арон — еврей, живший на углу пр. Майорова и Максимилиановского переуллка в бывшем магазине с большими витринами. Его отец — офицер привез ему шикарный американский велосипед с никелированными крыльями и американским флагом на передней стопке. Арон здорово фасонил им, но давал некоторым ребятам проехать несколько кругов.

Однажды, когда мы резвились на площади, внезапно начался артиллерийский обстрел. Снаряды со страшным грохотом падали близко от нас. Мы стремглав взбежали наверх и легли за колоннами собора. Мимо летели осколки от снарядов. Один снаряд упал на трамвайные пути прямо напротив входа в школу, напротив львов, другой — рядом на углу пр. Рошаля (Адмиралтейского) и пр. Майорова (Вознесенского),

Ребенок на улице блокадного Ленинграда у плаката «Уничтожить немецкое чудовище!». Зима 1941—1942 годов.

разбил водопровод, и из колодца хлынула вода на улицу, затопив двор дома № 4 по пр. Майорова. Тут же нашли большой снарядный осколок с изображением орла со свастикой, который взял себе нашедший его школьник. Несколько снарядов упало в Александровском саду, убив двух солдат. Немец бросил несколько снарядов. Обстрел также внезапно прекратился, как и начался.

В июне 1942 года согласно распоряжению Рона (районного отдела народного образования) было решено для помощи городу в обеспечении овощами и для укрепления здоровья детей

вывести старшеклассников, начиная с шестого класса, в колхоз на станцию Пери Финляндской железной дороги.

Сборы были недолгими. Чемодан у меня был большой и тяжелый. Мы организованно на трамвае доехали до Финляндского вокзала. Прежде чем мы попали на перрон, нас пересчитали и проверили. Я всю дорогу стоял у окна, смотрел на знакомые места. До войны мы каждый год снимали дачу в Токсово. На отходящей железнодорожной ветке

я увидел бронепоезд, вооруженный пушками и зенитками, у которых находились матросы в тельняшках. Мы высадились на станции Пери и прошли 2 километра пешком в гору до нашего места. Оно оказалось на высоком пригорке, который окружали поля,

обрамленные близким лесочком. Разместили нас в большом высоком сарае с нарами по периметру. Но были и другие постройки.

На следующий день нас разбили на бригады. Одна бригада пошла полоть грядки с редиской, вторая — собирать щавель на лугу, третья — на другие работы. Работали до обеда, после обеда — сон, так называемый «мертвый час», вечером — детская самостоятельность.

Недалеко от нас, у станции Лемболово, проходила линия обороны. Иногда в тиши слышались звуки стрельбы и воздушных боев. Погода стояла теплая и тихая.

Вечерами можно было бродить по окрестностям. Однажды я гулял в лесочке у поля и увидел Витю с ребятами, сидящими у костра. Я подошел, вижу: пекут картошку. Они сказали, что выкапывают только что посаженную. Я постоял и пошел прочь. Оказалось, что все это видел председатель колхоза и рассказал об этом нашему руководителю, нашей любимой Ксении Владимировне Ползиковой-Рубец, завучу школы. Я был вызван на допрос, где признался, что видел ребят, но этим делом не занимаюсь. Их отправили из лагеря домой, обещали судить. Но не судили.

Невский проспект зимой в блокадном Ленинграде. На переднем плане художник, пишущий этюд.

К.В. Ползикова-Рубец жила в нашем доме в первой парадной от Демидова переулка, как и Витя, на 3 или 4 этаже. После войны она написала чудесную книжку «Они учились в Ленинграде», в которой рассказывалось и о нас, но под другими именами. Пережив блокаду и войну, она умерла на операционном столе Военно-медицинской академии во время элементарной операции по удалению аппендикита.

Мы, ребята, при посильном труде на свежем воздухе, на природе набирались сил, крепили для будущей зимы и одновременно приносили пользу, выращивая овощи для Ленинграда. Мы были окружены заботой и вниманием взрослых. Испытывали благодарность за эту возможность в блокадном городе.

Мне недолго пришлось быть в лагере. Вскоре за мной приехала мама, и через несколько дней мы покинули наш любимый Ленинград и выехали далеко на восток, в Сибирь.

Эвакуация из Ленинграда

Я и Глеб очень не хотели уезжать, говорили, что все равно убежим по дороге и вернемся в Ленинград. Страшную смертельную зиму мы, слава богу, пережили, стало получше, мы ничего не боялись, верили в нашу победу, и в городе нам было жить очень интересно. К тому же, мы были большими патриотами. Любили свой город, ненавидели фашистов и старались помогать взрослым как и чем могли. Мама тоже не хотела уезжать из своего гнезда, но отец убедил маму эвакуироваться. Мы ведь тогда не знали, что фашисты не отказались от второго штурма города, спланированного Гитлером на сентябрь 1942-го. В последующие годы город подвергался регулярным бомбежкам и особенно жестоким артобстрелам в 1943 году. Так что, может быть, эвакуация спасла нам жизнь, и наш кусок хлеба достался защитникам города. Да и предписания мы не могли послушаться.

Приехал отец, помог маме собрать вещи. Он навязал большие и тяжелые тюки: старались взять как можно больше, так как не знали, вернемся ли когда-нибудь.

Помню, отец задел и опрокинул ведро с нечистотами и залил тюк. Но все решили, что это к счастью.

Не помню, как доехали до Московского вокзала. Погрузились достаточно быстро и организованно в пассажирские вагоны. Быстро попрощались с отцом, он задерживаться не мог, потому что был отпущен всего на несколько часов.

Как только эшелон был заполнен, сразу, без сигналов он был отправлен в путь. Эшелон быстро гнали без остановок на станциях, опасаясь воздушных налетов немцев. Так мы «долетели» до города Тихвин — места первого пункта питания в пути. Станция и все в округе было разбито, лежало в развалинах. Люди вылезали, выползали из вагонов и получали первое и второе с хлебом. Запомнился такой случай. Мужчина опрокинул котелок с кашей на землю и потом собирал эту кашу с земли.

Как проехали опасную зону, так в Вологодской области поехали уже значительно тише. Дверь нашего вагона не закрывалась, и мы с Глебом всю дорогу сидели, свесив ноги, и смотрели на проезжаемые места. По дороге мы останавливались на станциях, где нас должны были кормить. Мы много и долго стояли на разных полустанках, в поле, в лесу. При остановках эшелона все высыпали из вагонов опорожняться под ними и поблизости и быстро возвращались в вагоны. Все боялись отстать от эшелона, не успеть залезть в высокий вагон с насыпи. Иногда эшелон трогался внезапно, без гудка. Если эшелон останавливался, подходили колхозники, меняли свои продукты на соль, вещи брали неохотно. На всех станциях была вывеска, написанная крупными буквами «КИПЯТОК». Из окна был выведен кран или стоял бак с жестяной кружкой на цепи и с отверстием на дне, чтобы ее не украли. Помню большие станции — Буй, Шарья, Ишим, Омск, Новосибирск, Барнаул. Помню, как проезжали Уральские горы. Я впервые видел горы, перед глазами открывались прекрасные дали.

Алла Леоновна СЕЛЕЗНЕВА

Когда началась война, мне было 2,5 года. Моя семья: папа, бабушка и мама — все жили вместе в одной комнате в коммунальной квартире на улице Жукова в доме 10А.

Папа сразу ушел на фронт, мы еще оставались в этом доме, но вскоре его разбомбили, и нам дали на время квартиру какого-то военнослужащего на улице Тарасова дом 11, кв. 41, недалеко от завода, где работала мама — ЦПРП «Ленэнерго» (Центральное предприятие ремонтного производства).

Мама пробовала нас эвакуировать. И мы — я и бабушка — сели в поезд, который попал под обстрел. Я помню, как мы оказались на какой-то крупной развязке железнодорожных путей и пробирались под стоящими составами, чтобы выйти к шоссе, и очень долго добирались обратно к Ленинграду. Страх, который охватывал меня, когда переходили, переползали через рельсы под вагонами поезда все время в моей душе. Домой мы все-таки попали, я уже не помню, кто нам помог. Больше мама нас никуда не отпускала. Началась зима: холод, голод, но бабушка прижмет меня к себе, укроется одеялом в темной комнате (света не было, окна завешены черной бумагой) и начнет рассказывать сказки. Она знала их множество.

Маму скоро перевели на закрытый режим работы — завод работал на войну. Она там и спала. Домой отпускали только на один выходной денек.

Мой двоюродный брат из Первоуральска, Балаев Иван Павлович 1923 года рождения, только окончил школу и сразу после выпускного вечера ушел на фронт.

Как ни странно, он оказался на наших Синявинских болотах, где шли горячие бои. Был ранен, попал в госпиталь в Ленинградской области. Когда подлечился, ему разрешили заехать к нам. Я помню, как он поделился с нами пайком: хлебом, сахаром и салом. Вечером мы все собрались у буржуйки, согрели кипятком и так счастливо провели время: все вместе поели, наговорились. Меня он все время держал рядом, пел мне песенки. Потом опять ушел на фронт.

Папа тоже сражался под Ленинградом и тоже попал в госпиталь после контузии. Мы с мамой поехали его навестить. Это было очень далеко, в каком-то особняке в пригороде, за высоким забором. Нам разрешили только коротенькое свидание. Жить становилось все труднее. Все ждали лето, хоть какую-то траву: лебеду, клевер — чтобы сварить и поесть. Однажды мы нарвали шиповник — он оказался таким вкусным, сладким. После войны я никогда больше не ела такого шиповника.

Как только сняли блокаду 27 января 1944 года, мама взяла меня с собой на завод обедать. Давали гороховую кашу. Я съела, у меня спрашивают: «Понравилось?» А я говорю: «Я такой каши с дом бы съела». Все казалось таким вкусным!

Бабушка приболела, мама принесла ей глицерин для лечения, я попросила попробовать. Он такой сладкий, и говорю: «Можно я его тоже буду пить?» Сказали: «Нельзя». — «А полизать можно?» Так хотелось сахара.

Помню, как папа вернулся с фронта. Это было огромное счастье! Но у него очень болели ноги и глаза — все это от ранений. Хорошо, что хоть руки были очень умелые. Всем он чинил часы. Мне шил всю одежду: пальто, шапку и бурочки.

Жизнь стала налаживаться.

Михаил Айзикович СЕРЕБРЯНСКИЙ

Я, Серебрянский Михаил Айзикович, родился 20 августа 1919 года в городе Гомель (Белоруссия) в семье фотографа. После окончания 8 класса поступил в автомобильный техникум, где проучился 4 года, и в 1939 году был призван в ряды Красной Армии. Это произошло 4 октября 1939 года.

Службу проходил в 4-м батальоне 46-й автотранспортной бригады Белорусского особого военного округа. Вскоре батальон был передислоцирован в Ленинградский военный округ, и с 30 ноября 1939 года принял участие в войне с Финляндией. После окончания войны, в марте 1940 года принял участие в событиях в Прибалтике. Более двух месяцев мы пребывали в столице Латвии — городе Рига, а в начале августа своим ходом отбыли в состав Белорусского военного округа в город Старые Дороги, где начал формироваться 15-й отдельный автомобильный полк из нескольких прибывших батальонов.

22 июня 1941 года полк получил боевое задание прибыть в город Слуцк на погрузку 55-й стрелковой дивизии, которую мы отдельными колоннами доставили в район Барановичи, Слоним, Волковыск. Приказ был выполнен. Дивизия с ходу вошла в соприкосновение с противником, который наступал в направлении Минска.

Первые месяцы войны были очень тяжелыми для полка. Не было связи с высшим командованием. Выполняли отдельные задания по перевозке боеприпасов, горючего. Это продолжалось до августа, когда мы оказались в районе Смоленска. Далее дислокация менялась часто, отступление наших частей под натиском врага вынудило нас отходить на восток, теряя технику и бойцов.

Колонны автомобилей подвергались яростным атакам с воздуха. Большое количество машин было разбито, сожжено.

В этих условиях, чтобы сохранить технику, командование полка — майор Григорий Яковлевич Бесков, комиссар полка Бочаров, начальник штаба майор П.Г. Никитинский приняли решение возвращаться к месту дислокации — в Старые Дороги, где необходимо было эвакуировать семьи офицеров, проживавших в военном городке.

Городок к прибытию автомашин — это было 27 июня — подвергся бомбардировкам: склады частично были разрушены, лежали трупы солдат.

Семьи офицеров — жены, дети, родители — были погружены в автомобили и доставлены на железнодорожную станцию Бобруйск.

Трупы солдат с возможными почестями были захоронены.

Далее, не имея никакой связи со штабом округа, полк с начальным составом автомобилей и личным составом направился на восток. Ехали под частыми обстрелами авиации. По указанию командования полка попутно доставлялись боеприпасы, горючее, вывозились раненые различных воинских частей. Большое количество автомобилей полка находилось в отрыве от него, были захвачены различными воинскими частями.

Прибыв в район Смоленска, полк впервые с начала войны стал управляться командованием Западного фронта и получил место дислокации в районе Вязьмы.

Было приказано организовать поиски пропавших автомобилей. Были выписаны специальные удостоверения офицерам, назначенным для этой цели. На важных пересечениях дорог были организованы дежурства и проверка автотранспорта.

За короткий срок несколько десятков автомашин были задержаны и возвращены в полк. Работа продолжалась.

В районе Вязьмы личный состав полка приступил к оборудованию стоянки автомашин, личного состава. Это был август-сентябрь 1941 года.

Но обстановка с каждым днем накалялась. Войска противника танковыми колоннами теснили наши войска, наступила опасность окружения занимаемого нами района. Под огнем противника с воздуха полк вынужден был по приказу командования оставить его и передислоцироваться в район Можайска. Но и эта дислокация была временной. Части Западного фронта вели ожесточенные бои с рвущимся к Москве противником. Переехали в район Жуковки, а в начале октября полк был дислоцирован в п. Переделкино. Положение на фронте было угрожающим. 20 октября в Москве было объявлено осадное положение. Участились налеты вражеской авиации, часто объявлялись воздушные тревоги. Бойцы противовоздушной обороны мужественно отражали налеты противника. Огонь зенитных орудий, воздушное заграждение, летчики истребительной авиации не давали вражеским бомбардировщикам вести прицельные бомбежки. Бомбы сбрасывались где попало. Однако отдельные самолеты бомбили жилые дома и другие объекты, вызывая пожары и жертвы мирного населения.

Москва в те грозные дни превратилась в неприступный лагерь. Рылись окопы на подступах к столице, устанавливались рогатки, заграждения, бойцы местной самообороны охраняли дома на крышах от зажигалок.

Личный состав полка резко усилил работу по обеспечению частей фронта боеприпасами, продовольствием, вывозом раненых бойцов и перевозкой личного состава на передовые позиции. Каждый день в штаб полка прибывали десятки представители от частей фронта с нарядами на выделение необходимого количества автомобилей.

В короткие сроки формировались колонны, водители получали необходимый запас продуктов, проводился инструктортаж.

Особое внимание уделялось соблюдению светомаскировки, так как перевозки проводились, в основном, в ночное время.

В этих целях машины были оборудованы светомаскировочными устройствами. Автомобили использовались с большой интенсивностью. Порой казалось, что водители не выдержат этого ритма. Возвращаясь из рейса, они заправляли машины и тут же получали задание отправляться в новый рейс.

А каждый рейс — это был подвиг. Доставка непосредственно на фронт была сопряжена с риском для жизни. Ведь она осуществлялась часто под огнем противника с воздуха, в условиях темноты, бездорожья.

Но моральное состояние личного состава полка было на уровне выполняемых задач.

Вспоминается такой эпизод. Был получен наряд на выделение машин в распоряжение инженерных войск фронта. Машины были выделены, и впоследствии мы узнали, как они были использованы. Силами инженерных войск были изготовлены фанерные макеты автомобилей, были оформлены колонны и установлены на надлежащих второстепенных дорогах. Эти колонны засекались воздушной разведкой противника, по ним были направлены бомбардировщики, и в короткие сроки эти мнимые колонны бомбились и уничтожались. Это отвлекало авиацию противника от обстрела и бомбежки основных путей передвижения наших колонн.

Такие операции проводились неоднократно и сыграли большую положительную роль.

К концу ноября 1941 года нашими войскам Западного фронта в ходе оборонительных боев противнику были нанесены большие потери личного состава и боевой техники. Немецкие войска были не в состоянии продолжать наступательные операции. В этих условиях войска Западного фронта, получив подготовленные резервы, 5—6 декабря 1941 года перешли в решительное контрнаступление.

Успех нашим войскам сопутствовал. За 3—4 месяца противник был отброшен от Москвы на 150—300 км. Были освобождены от врага сотни населенных пунктов, захвачено много пленных. Большое количество боевой техники, в том числе и автомобилей, было брошено на дорогах.

Так, в районе освобожденного г. Клин, куда мы доставляли боеприпасы, было брошено большое количество автомобилей. Это были большегрузные дизельные машины грузоподъемностью 10—12 тонн. Немцы не смогли их завести, так как на морозе вышли из строя аккумуляторы.

По заданию командования полка в район г. Клин была послана группа специалистов и ремонтников, которые смогли наладить запуск брошенных автомашин. Более 50 автомобилей были доставлены в распоряжение полка. Среди них были и несколько летучек с хорошим набором станочного оборудования. Это грамотно было использовано для целей перевозок и ремонта автомобилей полка.

Результатом проведенной контрнаступательной операции стал разгром большой группировки немецких частей и соединений. Эта победа явилась первым большим успехом нашей армии с начала войны.

Эта победа имела и международное значение.

Победа под Москвой вдохновляла всех бойцов и командиров на дальнейшую борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Это было только начало большой битвы, которая еще предстояла, так как враг был еще очень силен и опасен.

Потери наших войск под Москвой были большие. Спустя столько лет с большим чувством горечи участники защиты Москвы вспоминают тех, с кем пришлось разделить эти страшные дни.

С большой благодарностью мы всегда будем помнить об их подвиге во имя Родины.

Вечная память защитникам Москвы, и мертвым, и живым!

Валентин Евгеньевич ТЕЛЕШ

Родился 10 мая 1921 года в семье профессионального военного Телеш Евгения Валентиновича, штабс-капитана, участника первой Мировой войны, Георгиевского кавалера, с 1918 года — комбрига Красной Армии.

В сентябре 1940 года был призван в ряды Красной Армии, 1 мая 1941 года окончил полковую школу в звании младшего сержанта по должности командира танка Т-26.

Великую Отечественную войну встретил 22 июня 1941 года на советско-румынской границе, на реке Прут. 28 июля 1941 года в танковом сражении под Уманью (Украина) был тяжело ранен. Затем военный госпиталь в Кисловодске, «батальон выздоравливающих» в Сталинграде и переподготовка на механика-водителя танка Т-34. В середине ноября в составе маршевой танковой роты прибыли под Москву в распоряжение командира 1-й гвардейской танковой бригады генерала Катукова. С 20 ноября участвовал в обороне Москвы и в контрнаступлении в декабре, январе, начале февраля 1942 года (в составе 1-й гвардейской, 8-й и 21-й танковых бригад), с апреля 1942 года в составе 12-го гвардейского отдельного тяжелого танкового полка прорыва РГК. С этим полком прошел всю войну.

Участник сражения на Курской дуге, участвовал в боях против гитлеровских войск на Орловском направлении.

За мужество и отвагу, проявленные в Орловско-Кур-

ском сражении, мне было присвоено звание младшего лейтенанта (к тому времени я был старшим сержантом) и одновременно я был награжден медалью «За боевые заслуги» командующим 63-й армии.

Принимал участие в освобождении Украины, Польши, Чехословакии. Войну закончил в Праге 9 мая 1945 года. После войны, как не имевший военного образования, был направлен в Ленинградскую высшую бронетанковую школу им. Молотова, которую с отличием окончил в 1946 году. С 1946 по 1953 год служил на разных должностях (Прикарпатский военный округ, Киевский военный округ, группа Советских войск в Германии, Прибалтийский военный округ). С 1953 по 1957 год учился в Ленинградском высшем военно-педагогическом институте им. Калинина.

По окончании института был назначен преподавателем в Ленинградское Суворовское офицерское училище им. Кирова; после разделения училища в 1958 году на высшее общевоинское училище им. Кирова и Ленинградское Суворовское военное училище был назначен старшим преподавателем, начальником цикла истории и географии. В Суворовском училище проработал 10 лет, заслужив почетное звание «Отличник народного просвещения».

В 1967 году был назначен заместителем начальника кафедры истории Ленинградского высшего военно-политического училища ПВО, в 1969-м был утвержден начальником кафедры. В училище проработал до 1976 года (9 лет). В августе 1976 года уволился в запас, а с 1 сентября стал работать доцентом в Ленинградском институте путей сообщения (ныне Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения), где проработал еще 23 года.

Ученая степень — кандидат исторических наук. Ученое звание — доцент. Награды: 2 ордена «Отечественной войны I степени», орден «Отечественной войны II степени», 3 ордена «Красной Звезды», 2 медали «За боевые заслуги», медали «За оборону Москвы», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», «Ветеран ВС СССР», чехословацкая медаль «20 лет словацкого восстания», «100-летие со дня рождения Ленина» и более 20 юбилейных медалей, посвященных Вооруженным силам СССР, в честь Победы в Великой Отечественной войне, медаль маршала Жукова и другие.

Московская битва через перископ механика-водителя танка Т-34

Пролог

После окончания школы в 1940 году я был призван в ряды Красной Армии и направлен в 77-й танковый полк 39-й танковой дивизии, дислоцировавшейся в Черновицах, в 18 км от границы с Румынией (союзника фашистской Германии).

1 мая 1941 года окончил полковую школу: получил воинское звание «младший сержант» и был назначен командиром танка Т-26. Весь май и начало июня 1941 года мы занимались боевой подготовкой и отработкой взаимодействия нашей роты в составе 77-го танкового полка.

22 июня 1941 года в 4 часа утра дивизию подняли по тревоге и перебросили своим ходом на помощь пограничникам, которые уже сдерживали германо-румынские части, не давая им форсировать пограничную реку Прут. Ожесточенные бои сопровождались неоднократными контратаками наших танкистов и стрелковых частей, но силы были неравны, и где-то 3–5 июля мы стали отходить к Черновицам, которые пришлось оставить 5–6 июля. Начался отход на восток, сопровождавшийся боями.

28 июля 1941 года во время большого танкового сражения в районе Умани на Украине наш танк подбили, и он загорелся. Механик-водитель погиб, меня тяжело

Советский танковый десант при поддержке танка Т-34 атакует занятую противником деревню. Западный фронт.

ранило, заряжающего — легко, он вытащил меня из горящего танка, погасил горевшую одежду, наспех перевязал, остановил машину с ранеными и помог погрузить меня в кузов ЗИС-5. В Первомайске нас, раненых, погрузили в товарные вагоны и отправили эшеленом на восток. Лишь 14-го августа мы узнали, что прибыли в Кисловодск.

В начале октября сформировали батальон выздоравливающих танкистов, и нас отправили в Сталинград на тракторный завод, который стал выпускать танки Т-34. За полтора месяца из меня сделали какого ни есть, а механика-водителя танка Т-34. Командирами на этих танках были офицеры.

Битва за Москву

Время было очень тревожное, враг рвался к столице, и в середине ноября был сформирован железнодорожный эшелон с танками и нас в срочном порядке отправили в Москву. Туда мы прибыли 20 ноября 1941 года. «Маршевые роты» распределили в состав Западного и Калининского фронтов. Наша маршевая рота в составе 10 танков была передана в 12-ю гвардейскую танковую бригаду генерала Катукова и в тот же день вступила в бой на волоколамском направлении.

В середине ноября началось второе генеральное наступление вражеских войск на нашу столицу. В обращении к войскам Восточного фронта Гитлер требовал «в ближайшее время, любой ценой покончить с Москвой». Располагая большими силами, фашистское командование было уверено, что на этот раз Москва не устоит.

Ожесточенные бои развернулись в районе деревни Крюково (кстати, один из солдат, павших там, покоится в могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены). 1-я гвардейская танковая бригада и наша танковая рота, совместно с другими частями и соединениями 30-й армии генерала Лелюшенко, вели тяжелые оборонительные бои на подступах к Москве.

В одном из боев, 30 ноября, наш танк был подбит вражеским бронебойным снарядом, но, к счастью, машина не загорелась. Снаряд разбил один из катков танка, пробил бортовую броню и застрял в заднем левом аморти-

заторе, и я на малой скорости вывел машину из боя. В этот же день, несмотря на повреждения танка и легкую контузию экипажа, нас своим ходом (ведь до столицы было всего несколько десятков километров) отправили на ремонт в Москву.

Часа через два мы были уже на танко-ремонтном заводе, который находился в Новодевичьем монастыре. В течение двух дней бригада мальчишек, которым было лет по 14–16, под руководством мастера (а ему было лет за 50) заменили каток, амортизационную пружину, приварили заплатку на пробойину в броне, заправили танк горючим и пополнили боекомплект.

2 декабря 1941 года мы прибыли в распоряжение командования 60-й армии (1-я гвардейская танковая бригада, понесшая большие потери, была выведена из боя). Наш экипаж передали в 8-ю танковую бригаду полковника Ротмистрова. В составе 8-й танковой бригады с 5 декабря участвовали в контрнаступлении на Калининско-Клинском направлении и успешно продвигались вперед. 12 декабря мы подошли к станции Решетниково (на железной дороге Москва-Ленинград).

В бою за станцию Решетниково, прямо на железнодорожном переезде танк был вновь подбит фашистами, замаскировавшимися в окопе под будкой смотрителя за переездом. Я увеличил скорость (благо мотор работал, хотя танк был объят пламенем) и успел похоронить под будкой в окопе весь оружейный расчет вместе с орудием. Мы выскочили из танка и брезентом сбили огонь. Наши войска продвинулись далеко

Деревенские дети сидят на башне подбитого и брошенного немецкого танка. Зима 1941–1942 годов.

вперед, освободив Калинин и Клин. Командир танка лейтенант Соколов отправил заряжающего разыскать 8-ю танковую бригаду и доложить о местонахождении танка и его состоянии, чтобы к нам выслали бригаду ремонтников для замены сгоревшего мотора. Прошло дней 5–6, а помощи всё не было; видимо, не до нас было, тем более, что мы оказались в «глубоком тылу» наступавших войск Красной Армии.

На наше счастье, через какое-то время у нашего танка остановилась машина с каким-то не то полковником, не то генералом, на морозе в -30°C не разберешь, и он спросил: «Кто такие, почему стоим в тылу, а не на передовой?» Узнав, что танк небоеспособен, он уехал. На следующий же день приехала ремонтная бригада, привезла новый танковый мотор, за три дня его заменила и передала приказ командира 21-й танковой бригады: «Своим ходом прибыть на ж/д станцию Завидово», что мы и сделали. Командир бригады объявил нашему экипажу, что приказом командующего 30-й армии мы переходим в подчинение командира 21-й танковой бригады.

В составе этой 21-й танковой бригады мы участвовали в наступательных боях под Ржевом, освобождали Великие Луки, Нелидово и десятки других населенных пунктов, преследуя врага, отступавшего на запад. Весной 1942 года бригаду вывели на переформирование в г. Петушки.

На базе 21-й танковой бригады был сформирован 12-й отдельный гвардейский тяжелый танковый полк прорыва РГК (позже я узнал, что было создано всего 15 таких полков). С этим полком я прошел всю войну, окончив ее 9 мая 1945 года в Праге, и за плечами у меня были Курская битва, освобождение Орла, освобождение Украины и Польши, Дуклинский перевал и освобождение Чехословакии.

Ольга Даниловна УСОВИЧ

Я родилась 24 февраля 1930 года в Ленинграде. Мать моя родом из Украины, работала на фабрике «Красная нить». Об отце я знаю очень мало. Со слов матери, он работал на заводе имени Карла Маркса. Жили мы к началу войны на углу Флюгова переулка и Выборгской набережной. Дом наш был двухэтажным, окна выходили на набережную, а во дворе стоял сарай. Родители мои держали кроликов, отец очень любил ходить в лес. Возвращаясь с прогулки, он всегда приносил с собой кулечек с хлебушком, как подарок от кроликов или от белочки. В 1937 году в один из дней отец не вернулся с работы. Через некоторое время мы выяснили, что его посадили... За что? Так и неизвестно. И до сих пор мне непонятно. А немного позже, в 1938-м из города выслали и маму вместе со мной.

Нас направили в Актюбинскую область, в поселок Хобда, что в Казахстане. В том же году навестить нас приехала тётя Шура — мамина младшая сестра, которая

жила в Ленинграде. Увидев, в каких ужасных условиях мы находимся, она забрала меня с собой обратно в Ленинград. По дороге в северную столицу мы с ней заехали к тете Наде — средней маминной сестре, которая жила в Кочетовском районе Кемеровской области. Посмотрев, в каких тяжелых условиях она работает в совхозе, с каким трудом обрабатывает степи, тётя Шура высказала своё недовольство бригадиру, за что вскоре и поплатилась — её посадили на год. Мне пришлось остаться в Казахстане, о поездке в Ленинград не могло быть и речи. И вот я, полуголодная, без тёплой одежды осталась жить у тёти Нади, у которой было своих четверо детей. Зима тогда студёная стояла. В хате было так холодно, что не передать словами. А пурга какая была!.. Иной раз весь дом заносило! Поскольку одежды тёплой у меня не было, в школу я не ходила. Дядя Миша, сожитель тёти Нади, сделал мне трепы — обувь без задников. Подошва у них была деревянная, а верх обычно делали из кусочка тряпки или кожи. В них-то я и встречала морозы.

В 1939 году тётушку освободили, и я приехала в Ленинград. Здесь я жила у тёти Шуры на улице Некрасова, в доме 33, в 4-й квартире. К тому времени мне исполнилось 9 лет, и только тогда я пошла в первый класс. Летом 1941-го началась война. Нашу школу эвакуировали в июле или в середине августа (сейчас точно не скажу) в Старую Руссу. Когда нас привезли на эту станцию, мы поняли, что перед нашим прибытием разбомбили эшелон с детьми: груды из железа и мертвых детских тел еще не успели убрать. Перед нами мелькали то руки, то ноги детей, всё было в крови. Мне это ужасное зрелище запомнилось на всю жизнь...

По дороге в эвакуацию в поезде я познакомилась с женщиной, которая сопровождала свою дочь. Доехав до станции Великие Луки, мы с ней решили послать письмо тете Шуре, чтобы та забрала меня, потому что мне было очень страшно! К концу сентября мы вернулись в Ленинград, и я пошла в 3-й класс. В доме № 31 находилось наше бомбоубежище, там мы прятались от фашистских обстрелов. Вечерами мы ходили с ребятами по улицам города, как и все любопытные дети. Однажды увидели, как в Таврический сад упал вра-

жеский самолет, и пошли на него посмотреть.

К 1942 году силы уже были не те, да и питание тоже. Поэтому в школу мы перестали ходить. Галя — моя двоюродная сестра, дочь тети Шуры, дошла до полного истощения, а у меня почему-то, наоборот, опухали ноги. Даже рельсу перешагнуть было невозможно. Выживали мы в то время, конечно, за счёт тёти Шуры. Она у меня красивой женщиной была. Всё чаще стали появляться в нашем доме молодые люди в военной форме. Кто жмых приносил, кто овес, кто шоколад. Но питания нам всё равно не хватало.

К концу марта началась очередная эвакуация. На железнодорожной станции нас погрузили в эшелон. Первый паек мы получили только в Свердловской области. Помню, тётка меня послала за ним, я пошла, и в это время наш вагон стали перегонять на другую линию. Кто хоть как-то мог ходить, пытались за ним бежать вдогонку, а у меня не получалось. И вот я, со своими толстыми ногами, стою и плачу, можно сказать, кричу, — испугалась, что тётка снова меня бросила. Я подумала, что она хочет снова отправить меня к матери. Но это, к счастью, оказалось не так. Мы почему-то опять поехали в Актюбинскую область, к тётке Наде. Она к тому времени родила ещё одну дочку, муж тети Нади заболел туберкулёзом. Поэтому она нас с Галей не оставила у себя, и мы поехали в Петропавловск (это там же, в Казахстане).

Сестре в дороге стало плохо, и её забрали на «скорой».

Тетя Шура сказала, что она умерла, и посоветовала мне пойти в ближайший приют, в котором мне помогут.

Дала она мне 30 рублей, и я пошла в детприемник. Документов у меня никаких не было, поэтому всю информацию обо мне там записали с моих слов. Я сказала, что меня бросила тетка, и после этого меня направили в детский дом, что находился на станции Булаево в селе Медвежко. Там я прожила до 1944 года.

К тому времени мне исполнилось 14 лет. В детском доме мы делили одни валенки на четверых. Морозы были лютые, температура опускалась аж до 50 градусов. Несмотря на холода, надо было учиться, поэтому меня отправили в железнодорожное училище № 2 в Петропавловск, где я получала специальность слесаря-инструментальщика по ремонту вагонов.

К концу 1944 года случилось невероятное. Как-то раз спускаюсь по лестнице детского дома, а навстречу мне бежит девочка и спрашивает, как меня зовут. Я ей грубо ответила, так и не назвав своего имени. Спустя время она меня снова находит и называет уже по имени. «Тебя же Лёля зовут?» — говорит она. Как оказалось позже, это была моя сестра Галя, которая, как я думала, умерла. Судьба нас свела невероятным образом! Оказывается, к тому времени Галя жила в другом детском доме в нескольких километрах от нашего. Условия там были ужасные, поэтому я попросила нашу воспитательницу Екатерину Ивановну, чтобы та помогла перевести сестру в наш детдом. Екатерина Ивановна любила меня, хоть я и не была послушным ребенком, и Галю в итоге перевели. В детском доме еды, конечно же, не хватало, поэтому время от времени я работала в огороде у нашего социального работника тети Поли. В благодарность за помощь она давала нам продукты.

Однажды тетя Поля сообщила мне, что тетка забрала Галю к себе в Ленинград. Мое состояние в тот момент было ужасным, как будто земля ушла из-под ног. Я написала тете Шуре письмо с обидой на то, что она меня бросила, а не отвезла к маме. Я сильно плакала, мысль в голове была одна — бежать в Ленинград. Вместе с девочкой из детского дома мы подсели в вагон с углем, позже пересели в тамбур вагона с детьми. Но наша попытка не удалась. В Молотове нас поймали и задержали как беспризорных. Три месяца мы провели в этом городе, пока

о нас не навели справки. Я ничего не скрывала, а моя спутница многое не помнила.

Когда мы всё-таки добрались до тётки Шуры, а произошло это 8 ноября 1945 года, та, увидев нас на своем пороге, упала в обморок. Конечно, мы для нее были обузой, но, несмотря на существующие трудности, она стала нам помогать. Девочку вскоре отправили в Эстонию, там она устроилась на работу. А я так и осталась в Ленинграде.

В начале января тетку снова посадили. В этот раз за спекуляцию. Дали 5 лет. Сожитель, с которым она жила до последнего времени, отправил меня к матери. Условия, конечно, у нее были паршивые. Мамин друг устроил меня работать на молочный завод ученицей счетовода. Помимо этого я подрабатывала — продавала творог и молоко.

В 1947 году тётю освободили из тюрьмы досрочно, и Галя мне написала письмо с просьбой вернуться к ним в дом. Пока я жила с мамой, ходила в вечернюю школу. Знания, конечно, были не ахти, но всё-таки я успела получить бумажку об окончании семи классов. Приехала я к тётке летом в 1947 году. Устроилась на работу кондуктором, чтобы получить рабочую карточку. Было мне тогда 17 лет. Проработала я год, а потом пошла на трехмесячные курсы в промышленный техникум.

Но судьба опять меня ударила по рукам. Тётку снова сажают, дают 10 лет. А я начала зарабатывать, торгуя мукой на Кузнечном рынке. Это, конечно, было опасно, но кушать хотелось. Мы с сестрой к тому времени подросли, и Галя связалась с плохой компанией — стала воровать. Вскоре ее поймали. Поскольку она была несовершеннолетней, ее держали под следствием 7 месяцев, но потом освободили.

Затем я устроилась ученицей вязальщицы в ателье «Лентрико-таж» на Лиговском проспекте. Проработав там 6 месяцев, перешла на другую работу — на завод имени Ленина ученицей токаря. С тех пор, с 1947 года, у меня есть трудовая книжка. В 1948-м я устроилась на фабрику «Возрождение», где проработала до 1989 года.

Подготовила Полина Спектр

Леонид Иванович ЦАРИКОВ

Родился 14 мая 1924 года. Полковник артиллерии. Участник Великой Отечественной войны. Три раза ранен.

Награжден пятью боевыми орденами: Александра Невского, Отечественной войны I степени (два), Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями, а также почетным дипломом «За мужество и героизм в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», золотой медалью и удостоен звания лауреата форума «Общественное признание».

Осенью 1941 года в городе Фрунзе Киргизской ССР была сформирована 385-я стрелковая дивизия. В состав дивизии входили 1266-й, 1268-й, 1270-й стрелковые полки и другие части. После короткого периода боевой подготовки дивизия была направлена на Западный фронт и в декабре 1942 года в составе 10-й армии приняла участие в контрнаступлении наших войск под Москвой. Командовал дивизией генерал-майор Супрунов Митрофан Федорович.

Дивизия наступала в направлении Кирова Смоленской области. Я имел честь воевать в составе батареи 76-миллиметровых пушек 1270-го стрелкового полка в должности командира взвода управления.

Боевой эпизод, о котором пойдет рассказ, имел место в ходе наступления 1270-го стрелкового полка. Батальоны полка упорно пробивались на запад, действуя в лесисто-болотистой местности, пересеченной множеством водных преград.

Противник оказывал ожесточенное сопротивление на заранее подготовленных рубежах обороны, прикрываясь заболоченными участками, поймами речушек и ручьев.

Бойцы стрелковых подразделений шли вперед по торфяной грязи, утопая по колено. Поднос боеприпасов, оказание помощи раненым превратилось в сложную проблему. О применении танков и другой тяжелой техники не могло быть и речи...

Вот в таких условиях подразделения 1270-го стрелкового полка вышли к населенному пункту Мокрое Смоленской области. Эта совершенно нетронутая войной деревня была расположена на высоте среди болотной хляби. Перед деревней простиралось болото, поросшее густым кустарником.

76-миллиметровая батарея полковых пушек поддерживала 2-й стрелковый батальон капитана Репетунова. Командир батареи капитан Показеев, как и положено, находился на командно-наблюдательном пункте батальона.

Подразделения батальона втянулись в ольховник болотистой поймы и как в воду канули... Проходит некоторое время, пора быть атаке на населенный пункт Мокрое, но ее нет.

Начались разговоры на повышенных тонах по всем линиям связи. Это обычное дело, когда успеха нет или обстановка предельно неясная. Конечно, «сверху» задают большие вопросы: «Почему лежите?», «Откуда бьет?», «Доложите» и т. д. «Снизу» отвечают хитросплетениями туманных слов... Ругань. Дошла очередь и до командира батареи: «Где находишься? Что видишь?» — и по-неслось... Когда начальственное негодование особенно накалялось, Показеев подносил телефонную трубку к моему уху...

К этому времени Мокрое уже полыхало, подожженное снарядами нашей артиллерии. Но вот где находятся подразделения — этого Показеев не знал. Отсюда задачи — вперед, взвод управления! Беру пару разведчиков, трех связистов с катушками кабеля. Двинулись вниз, в пойму.

***Расчет советской 122-мм гаубицы М-30
в бою против немецких танков.***

*На переднем плане погибший артиллерист.
3-й Белорусский фронт.*

Прошли метров триста. Начали попадаться убитые и раненые. Кустарник стал попадаться реже. Откуда-то ударил немецкий пулемет. Пули зашелкали по веткам. Дальше идти было нельзя. Слева обнаружили группу наших солдат. Подползли к ним. Младший лейтенант — с перевязанной рукой, весь в торфяной грязи, рассказал:

— Почти вышли из кустарника, со стороны немцев — ни одного выстрела. Еще прошли шагов полсотни — и тут началось! Откуда-то справа, вовсе не со

стороны деревни, кинжальным фланговым огнем была выбита в одну минуту половина личного состава роты.

Я все понял. Пока мы по заявкам пехоты вели огонь по Мокрому, фрицы под прикрытием ольховой заросли занимали совсем другую позицию, вне нашего огневого воздействия. Деревня с ложным опорным пунктом отвлекала внимание и огонь на себя, а истинная позиция гитлеровцев была в стороне. Правофланговая рота напоролась на засаду и фак-

тически была уничтожена. Остатки ее залегли где-то в сотне метров от немцев. Точно позиции их не просматривались. Найти эту позицию была моя задача. Доложив командиру батарее обстановку по телефону и оставив связистов на месте, я с разведчиками пополз вправо, где местность постоянно поднималась. Ползли осторожно, с оглядкой.

Кончается кустарник. Никого нет. Проползли метров сто на бугорок. Вижу слева деревню, которую должен был взять стрелковый батальон. К ней справа идет грунтовая дорога. Присмотрелся. Вдоль грунтовки — многочисленные окопы, из которых торчат немецкие каски. Наши стрелки на них и не наступали. А фрицы сбоку фланговым огнем выкосили целую роту, когда она продвигалась в направлении деревни Мокрое.

Ползем назад к телефону. Доложил обстановку командиру батарее. Тот — выше. Получили распоряжение оставаться на месте, корректировать огонь артиллерийского дивизиона.

Окопы противника проходили вдоль дороги, которая была нанесена на карту. Артиллеристы дивизиона были люди знающие и с первого пристрелочного залпа цель накрыли. Далее в течение двадцати минут дивизион кромсал позицию гитлеровцев. Был введен в бой второй эшелон полка, который уничтожил уцелевших фрицев, с десятков взял в плен и продолжил наступление.

Для себя на будущее из этого эпизода я сделал вывод: чтобы удержать важный в тактическом отношении пункт, вовсе не обязательно в нем размещать силы и средства. Нужно было их расположить так, чтобы огнем прикрыть подступы. Отсюда важность разведки. Нужно сказать, что немцы часто использовали прием организации огневых засад. Они были умелыми воинами, и побеждать их можно было еще большим умением. Война учила жестоко.

Екатерина Михайловна ЧУГУНОВА

Я родилась 5 марта 1923 года. Мне было 18 лет, когда началась война. Помню этот день очень хорошо. Все легли спать, радио, как всегда, осталось включенным. В 4 часа утра первые позывные гудки разбудили весь город. Все выбежали на улицу, и по радио объявили, что началась война с Германией. И парни, и девушки — все старались рвануть на фронт добровольцами, каждый хотел помочь своей Родине. Любая информационная сводка с хорошими новостями радовала меня.

Еще до войны, в 16 лет я устроилась на завод «Арсенал». Во время Великой Отечественной войны наш завод принимал государственные заказы. Лично я в те годы работала на пулеметных стволках, изготавливала горячие клепки для пушек.

Детство мое было тяжелым. В семье было четверо детей — три сестры и один брат. Отец ушел из семьи еще до войны, а мать зарабатывала мало. Жили мы очень бедно. В школу ходить не могли — не было теплых вещей. Поэтому я закончила всего 7 классов. Мы с мамой работали вдвоем. Что помню из детства, так это наш холодный дом на улице Ключевой. Одноэтажный, деревянный, без огорода и скота. В середине комнаты стояла печь, но топить ее было абсолютно нечем. Мы собирали все что могли: щепки, ветки. Есть, конечно, нечего было. Летом собирали щавель, варили суп. Любили бульон из гор-

Заградительные аэростаты на Невском проспекте блокадного Ленинграда.

чицы с крапивой и «лебединые» лепешки. Лебеду мы отваривали, отжимали и жарили на плите.

В годы войны пришлось еще хуже. Все 900 дней блокады мы сидели на хлебе и воде. Зимой топили талый снег, а летом ездили на санях за водой на Неву. В редких случаях готовили студень на столярном клее. На семью у нас было всего 100 г масла.

Помню я нашу трудповинность — каждую неделю мы должны были свозить по покойнику на Пискаревское кладбище, чтобы получить карточку на еду. Помимо этого от завода выходили на уборку города: чистили мосты от снега, копали траншеи для военных, убрали железнодорожные пути. Сама я очень хотела на фронт, но меня не брали по состоянию здоровья. После смены на заводе я бежала в госпиталь — помогать раненым. За это меня прозвали сестрой милосердия. Вся вымотанная физическими нагрузками, скоро и я попала в больницу — с дистрофией 3-й степени.

Как-то раз, помню, на Финляндском вокзале продавали колбасу. До вокзала с сестрой нам надо было идти пешком. Подходим, а там — обстрел. Пришлось пробираться ползком.

Рваные, грязные, всё равно мы добрались до очереди.

Дети из ленинградского интерната №7 на прогулке.

Но колбасы нам не хватило! Так досадно было! Ни с чем пришлось возвращаться домой, в такую даль...

Самым страшным воспоминанием тех времен стала бомбежка нашего завода, когда меня в цеху засыпало. Лежала я вниз головой около часа. Думала, не выживу. Потом меня откопали рабочие. Вся в синяках, но радостная от спасения, я продолжала работать и дальше после этого происшествия. Тогда, кроме меня, больше никто не пострадал.

В годы войны семья наша часто болела: то чесоткой, то куриной слепотой. Как удалось выжить — до сих пор для меня загадка. Одно радовало и дарило надежду в те годы — радио. Оно было нашим верным спутником. Оно же стало и вестником Победы. По радио мы узнали о том, что война закончилась. Никогда не забуду того восторга, который пришлось испытать в те минуты. Все выскочили во двор, обнимаемся, целуемся, счастье непередаваемое!

Сейчас у меня 14 медалей. Самые дорогие мне — «За доблестный труд» и «За оборону Ленинграда».

Подготовила Полина Спектр

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Время не стоит на месте. В этом году мы отпраздновали уже 68-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне. За послевоенные годы выросло несколько поколений, которые не знают ужасов войны. Война оставила глубокий след в памяти тех, кто её пережил. Потому что история — это судьба каждого, кто вынес на себе тяжесть смертельных боёв, четыре года ожидания и надежды, кто в годы войны проявлял беспримерное мужество и стойкость.

Невыносимо трудно было всем — и старым, и малым, и солдатам, и их близким. Но особенно страдали дети. Страдали от голода и холода, от невозможности быть детьми, от кромешного ада бомбёжек и страшной тишины сиротства...

Трудно спокойно смотреть кадры военной хроники с детьми, потому что именно эти мальчишки и девчонки на своих неокрепших плечах вынесли все тяготы войны, выстояли, отдали свои жизни ради Победы. Как же они выжили, дети войны? Как помогали приближать час Победы?

Вместо отцов и старших братьев

С первых дней войны молодежь выступила зачинателем патриотического движения. Работать за себя и товарища, ушедшего на фронт, выполнять в дни войны две нормы — стало обычным делом. В 1941—1942 годах численность молодежи на оборонных предприятиях возросла. Если в 1940 году доля подрост-

Работницы молодежной фронтовой бригады К. Ивановой изготавливают 120-мм минометные мины.

ков на них составляла 6%, то в 1942 — 18%, а в наркомате тяжелой промышленности 24 и 49,4%, соответственно.

27 июня 1941 года газета «Правда» сообщала, что около 2 тыс. московских школьников пришли на промышленные предприятия, чтобы заменить взрослых. В начале июля свыше 1,5 тыс. школьников города Томска встали у станков вместо ушедших в действующую армию.

В стране ширилось движение «Молодёжь — на производство!». В это движение быстро включились старшеклассники. В декабре 1941 года школьники города Горького взяли обязательства без отрыва от учёбы помогать предприятиям лёгкой промышленности в выполнении заказов фронта. После уроков они работали на швейных фабриках, в обувных мастерских, изготавливали ложки, вязали варежки, носки, шарфы, подшлемники, участвовали в пошиве обмундирования.

Советские женщины сдают металлические предметы для нужд фронта на пункте приема. 1942 г.

В 1942 году в цех завода «Серп и молот» пришло более 3 тыс. неопытных, молодых рабочих. Среди них около 100 человек — бывшие школьники. Они быстро осваивали профессию сталевара, перевыполняли плановые задания, и вскоре о молодёжном цехе узнала вся страна. Пять месяцев он завоёвывал Красное знамя ГКО.

С началом войны на Магнитогорский металлургический комбинат пришло несколько тысяч выпускников ремесленных училищ. Их возраст не превышал 15–17 лет, но они стали обслуживать крупнейшие агрегаты, работали у доменных печей и прокатных станов, являясь образцом трудового героизма.

29 мая 1942 года ЦК ВЛКСМ обратился ко всем учащимся школ с призывом: наравне с отцами и матерями, старшими сестрами и братьями работать для фронта. На этот призыв школьники ответили активным участием во всех патриотических движениях. Вот некоторые примеры. На московском заводе «Каучук» бывшая семиклассница Аня Белкина пошла в самый вредный цех, быстро освоила специаль-

ность каландровщицы, и в том же году её назначили бригадиром молодёжной бригады. Бригада должна была за смену заготовить 5 т резиновых смесей и тем самым обеспечивать работу других цехов. Ребята не только выполняли это задание, но и перевыполняли его. В 1943 году за отличную работу их бригада была награждена Почётной грамотой городского комитета комсомола, а в 1944 году — Почётной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Нельзя без восхищения читать о трудовом подвиге 16-летнего Мити Ключина. Когда начались занятия в 1941 году, он не пошёл в школу, а направился на завод и попросился работать на станке, хотя раньше никогда его не видел. С помощью мастера цеха он быстро овладел специальностью слесаря. Пытливость и настойчивость помогли Мите перейти на обслуживание двух, а потом трёх станков, а затем ему доверили и молодёжную бригаду. Став бригадиром, он стал думать, как улучшить организацию труда. Для этого он упорядочил доставку инструментов к станкам, усовершенствовал перевод станков с рабочего положения на холостой ход и обратно. В итоге время обработки деталей сократилось в 3 раза. Бригада стала выполнять задания на 260–270%.

Во многих городских школах страны были созданы детские производственные мастерские, в которых изготовляли продукцию, в том числе и такую, которая шла для оборонных предприятий. Например, в Москве в 375 таких мастерских работало более 17 тыс. учащихся. Менее чем за год они произвели продукции на сумму около 40 млн рублей. Во многих школах была налажена починка шинелей и морских кителей. Ребята изготовляли приклады и ложки для винтовок и автоматов, лыжные палки и т. д.

Центральная станция юных пионеров провела смотр «Юные техники в помощь фронту». В нём участвовали 201 тыс. юных техников. Их руками было изготовлено 500 тыс. деталей для боевой техники.

В 1944 году ЦК ВЛКСМ объявил Всесоюзный смотр технического творчества пионеров-школьников. В нём участвовало свыше 600 тыс. юных мастеров. В ходе смотра было изготовлено более миллиона изделий для фронта и сёмей фронтовиков.

В годы войны не прекращались и занятия в школах. Как бы ни было трудно, особенно в прифронтовой зоне, зачастую в бомбоубежищах и подвальных помещениях, при свете керосиновых ламп и свечей дети продолжали учёбу. Когда занятия срывались бомбёжками, учителя давали уроки на дому, устраивали консультации, принимали зачёты по темам. Многие учащиеся находились в школах с 8 часов утра до 18 часов вечера. Несмотря на трудности, успеваемость в большинстве случаев была высокой.

Большую работу под руководством учителей-биологов школьники проводили на пришкольных участках. Например, в ряде школ Омска выращивали сахарную свеклу, которая там никогда не росла; а в Перми вывели новый сорт огурцов и цветной капусты, семена которых передали в колхозы. В школе № 9 города Тулы школьники вывели более 50 новых сортов яблок, груш и вишен.

Значительный вклад в производство продукции для фронта внесли выпускники ремесленных училищ и школ ФЗО, в которых с июля 1942 по 1945 год различные производственные специальности получили более 2 млн юношей и девушек.

На один из заводов Свердловска в начале 1942 года пришло более 100 выпускников ремесленных училищ. 54 из них были объединены в одну бригаду во главе с мастером М. Бондиным. Ребята быстро освоили производство оборонных изделий и в том же году дали 1,5 тыс. т проката. Бригаде было присвоено звание «Лучшая комсомольско-молодёжная смена» Свердловской области.

На том же заводе работал бывший ученик ремесленного училища Леонид Потапенко, которому уже на заводе исполнилось 15 лет. За две недели он выполнил двухмесячную норму.

На колхозном фронте

Победа над немецко-фашистскими захватчиками ковалась не только в цехах заводов и фабрик, но и на колхозных полях и фермах. Несмотря на огромные трудности, которые пришлось преодолевать сельским труженикам, все годы войны фронт и тыл обеспечивались сельскохозяйственными продуктами и необходимым сырьём. И это при том, что

Делегация колхозников Ленинского района Московской области передает Красной Армии танковую колонну «Московский колхозник», состоящую из 21 танка КВ-1С.

тяжелейшая обстановка сложилась уже в первые месяцы войны. Значительная часть мужского населения деревни ушла в действующую армию. В основном все работы приходилось выполнять женщинам и старикам.

Поэтому рядом с дедами, матерями, старшими братьями и сёстрами трудились и самые юные граждане нашей страны — пионеры и школьники. Их можно было видеть в поле и на животноводческой ферме, в обозе с хлебом и на заготовке кормов.

Более 20 млн ребят помогали взрослым и за годы войны выработали свыше 585 млн трудодней. Так, пионеры села Борисово Московской области в 1941 году пропололи 34 га свеклы, 12 га — моркови, 60 га — клевера и около 30 га садов, а в 1941—1942 годах 185 тыс. пионеров Подмосковья на колхозных полях выработали 12 млн 30 тыс. трудодней. В течение месяца при Алешинской МТС Калининской области 11 школьников окончили курсы трактористок и получили назначение на работу в колхоз.

Комсорг цеха №5 завода №402 (ныне ОАО «Производственное объединение «Северное машиностроительное предприятие») М.Т. Фомич вручает переходящее Красное знамя фронтовой бригаде Ивана Васильевича Телепнёва.

Источник: Северодвинский городской краеведческий музей.

В 1941 году 5 млн пионеров и школьников работали на прополке, окучивании и подкормке картофеля и овощей, на уборке и выработали свыше 145 млн трудодней.

Только в 38 областях страны свыше 190 тыс. школьников в 1942 году окончили курсы трактористов и комбайнёров, участвовали в посевной и уборочной кампаниях. Самоотверженно трудились юные патриоты на колхозных полях. Например, 8 апреля 1942 года В. Нагорный в колхозе «Красный партизан» Красноярского края на пароконном круге вместо 0,4 га вспахал 2, в последующие дни по 3, а 15 апреля — 4 га.

Ещё в мирное время пионер Петя Серёгин из Вологодской области во время каникул помогал брату убирать урожай на комбайне. Он хорошо изучил его, и частенько брат доверял ему управлять машиной, а когда началась война

и брата призвали в действующую армию, то заменил его за штурвалом. При норме 180 га он убрал урожай с площади более 400 га.

8 ноября 1942 года в соответствии с Постановлением секретариата ЦК ВЛКСМ проходил Всесоюзный пионерский воскресник «Пионеры — фронту». В нём участвовало около 2,5 млн пионеров и школьников. Они заготовили свыше 75 тыс. кубометров дров для семей фронтовиков, а также собрали 4268,1 тонн металлолома, 355,4 тонн дикорастущих и лекарственных растений, 2719 пудов колосьев, перебрали свыше 2 млн тонн овощей, утеплили 565 школ, 172 скотных двора, отгрузили 297 тонн угля, 63 тонны торфа, очистили от снега 29 тыс. км железнодорожных путей.

В каких только работах не участвовали сельские школьники! Они создавали посты по охране хлеба, проводили рейды проверок готовности в колхозах к полевым работам, собирали колосья, удобрения, срезали верхушки клубней картошки для посадки, ухаживали за молодняком на животноводческих фермах, за рабочими лошадьми, протравливали зерно, делали щиты для снегозадержания.

Например, в 1942 году в 26 областях из собранных колосков было намолочено 8 млн 683 тыс. пудов зерна. Когда же начинался обмолот зерновых и сдача хлеба государству, школьники принимали активное участие в «красных обозах». Так в ноябре-декабре 1941 года в Алтайском крае они участвовали в 6 тыс. обозах, в Ярославской области в 1943 году в 1314 обозах и в 2314 транспортных бригадах. Большую помощь оказали школьники в сборе дикорастущих плодов и лекарственных растений. Только в 1941—1944 годах они собрали их 240 784 т.

В годы войны трудовое крестьянство страны стремилось дать фронту и тылу всё, что только могло, чтобы помочь отстоять Родину от захватчиков.

Взнос пионеров и школьников

Защита Родины от фашистского нашествия потребовала от каждого гражданина СССР найти своё место в общем строю борьбы на фронте и в тылу. В Директиве от 29 июня 1941 года СНК СССР и ЦК ВКП призывы-

вали всех советских людей «организовать всестороннюю помощь действующей армии, ...обеспечить снабжение армии всем необходимым...».

Опасность, нависшая над Родиной, глубоко запала в душу каждому советскому человеку. Поэтому советские люди стремились помочь армии всем, чем только могли. Одним из патриотических движений в те дни были различные взносы в фонд обороны страны, усиление её боевой мощи.

Исключительный патриотизм в движении за сбор средств для Красной Армии и Военно-морского флота проявили пионеры и школьники. На собранные по копейке деньги они приобретали танки, самолёты, «катюши» и другое оружие и передавали их воинам действующей армии.

Когда в стране развернулось движение за создание танковых колонн, пионеры городов и сёл задумались, а какое участие в нём они могут принять. Появилось много различных инициатив. Так, 1 сентября 1941 года учащиеся 102-й школы Кировского района города Горького обратились ко всем пионерам и школьникам Горьковской области с призывом построить танк «Пионер». Их поддержали учащиеся всех школ области. Состоялись собрания и линейки пионеров, на которых они брали обязательства активнее включаться в сбор макулатуры, металлолома, лекарственных трав. В сельских школах — работать в звеньях и бригадах, а все заработанные деньги перечислить на счёт танка «Пионер». Прошло несколько месяцев, и 250 тыс. рублей были собраны. На Горьковском заводе на них был построен танк, который 18 января в парке Кировского района города был передан танкистам.

В марте 1942 года в Москве и в Московской области, по инициативе пионеров и школьников Ленинского района Москвы, развернулось движение за сбор средств на постройку танка «Таня».

10 апреля 1942 года состоялось заседание бюро МК и МГК ВЛКСМ, на котором была одобрена эта инициатива, а также обязательства ребят Подрядниковской средней школы Егорьевского района и пионерской дружины Тимирязевского района Москвы заработать по 5 и 6 тыс. рублей. Деньги планировалось внести на строительство танка

*Ленинградский школьник
Андрей Новиков дает сигнал
воздушной тревоги.*

«Таня» в честь Героя Советского Союза Зои Космодемьянской. К концу сентября на счёт танка «Таня» пионеры перечислили более 300 тыс. рублей. Этим было положено начало сбора денег на танковую колону «Московский пионер», которая летом 1943 года была передана фронтовикам.

Пионеры и школьники Липовецкой средней школы Туринского района Свердловской области в 1942 году заработанные в колхозе и вырученные за сданную макулатуру 5 тыс. рублей передали на танковую колону «Свердловский комсомолец».

В 1941–1944 годах пионеры и школьники Курганской области заработали в колхозах 757 тыс. рублей, собрали

2,8 тыс. т металлолома, сдали его на заготовительные пункты, а вырученные деньги перечислили в фонд Красной Армии.

Учащиеся Попереченской школы Юргинского района Кемеровской области экономили на завтраках, зарабатывали трудодни в колхозах, собрали металлолом, выращивали овощи на пришкольном участке, а в 1943–1944 годах собрали все вырученные деньги и купили танк «Попереченский школьник». Они отдали его бывшему ученику школы Г. Новикову, сражавшемуся на фронте.

Патриотическое движение пионеров и школьников за сбор средств на строительство танков и танковых колонн подхватили все школы страны. К весне 1943 года молодёжь и школьники собрали на вооружение для действующей армии около 542 млн рублей.

Передача самолета Пе-2 «Таганрогский пионер» 135-му гвардейскому Таганрогскому бомбардировочному авиационному полку.

Самолет был построен на деньги, собранные таганрогскими школьниками после освобождения города 30 августа 1943 года. Передача происходила 19 мая 1944 года в День пионерии на аэродроме Веселое в Крыму.

На многих фронтах в воздухе были пионерские боевые самолёты: «Пионер Сибири», «Ташкентский пионер», «Пионер Узбекистана», «Пионер Ростова», «Пионер Кирова», «Пионер Коми АССР» и др.

Таким образом, в многочисленных формах жертвований, в самоотверженном труде для нужд армии и флота проявились высокий советский патриотизм, единство, сплочённость и дружба народов нашей страны.

Пионеры и школьники вместе с воинами

С воинами-фронтовиками постоянно были связаны пионеры и школьники. В своей работе они старались походить на взрослых, потому что прекрасно понимали —

только общими усилиями тыла и фронта можно победить фашистских захватчиков.

Они сознавали: для того чтобы вернуть прежнюю мирную жизнь, необходимо разгромить врага, а для этого нужно давать действующей армии всё, в чём только она нуждается. Пионеры и школьники находили различные, посильные для них способы и средства помощи армии.

10 июля 1941 года Совинформбюро сообщило: «Юные пионеры помогают органам НКВД вылавливать гитлеровских шпионов и диверсантов. Город Киев был погружён в темноту. Лишь в одном окне местной гостиницы и в окнах двух других домов, расположенных в разных концах города, появился свет. Школьники взвода Владимира Косинского выследили врагов, занимавшихся сигнализацией, и сообщили милиции. Три вражеских поста были немедленно ликвидированы. При обходе участка на окраине города два дружинника этого взвода заметили прячущегося в кустах человека и доложили милиционеру. Незнакомец, оказавшийся диверсантом, был арестован». Так бдительно несли дозор школьники в прифронтовых районах.

Когда же в стране развернулось движение по подготовке подарков для воинов-фронтовиков, школьники приняли в нём самое активное участие. Например, в июле 1941 года около 100 тыс. различных подарков были отправлены фронтовикам от школьников Ленинграда. В 1942 году пионеры и школьники Егорьевского района Московской области для фронтовиков изготовили 18 тыс. конвертов, 2 тыс. носовых платков и 2 тыс. вышитых кисетов для табака.

В 1944 году ЦК ВЛКСМ объявил Всесоюзный смотр технического творчества пионеров и школьников. Этот смотр сыграл большую роль в изготовлении подарков для воинов. В результате руками пионеров и школьников было изготовлено более миллиона различных изделий, значительная часть которых была отправлена в качестве подарков в действующую армию.

Как правило, каждая посылка с подарками школьников воинам-фронтовикам сопровождалась письмами, которые не могли не задеть сердце бойца или командира.

Во многих из них были слова «Мести за папу!». Это означало, что мальчик или девочка, которые своими руками готовили данный подарок воину, уже остались сиротами. Их папы, защищая Родину, героически погибли и никогда уже не вернутся к ним.

С огромным волнением писали ребята эти письма и с ещё бóльшим читали ответы на них. Вот что ответил лейтенант Петров, дочь которого работала слесарем на заводе. Он пишет, что получил письмо с фотокарточкой своей дорогой дочурки. До слёз взволновался сам и его товарищи по батарее.

Частыми гостями в госпиталях были школьники и дети из детсадов и детдомов. Для раненых они читали книги, писали письма их родным, дежурили у постели, выступали с концертами. Их внимание и старательность вызывали у раненых не только волнение, но и уважение к ним.

В годы блокады Ленинграда городской Дворец пионеров силами пионеров и школьников дал 300 концертов в госпиталях и воинских частях.

Пионеры Медведевской школы Бологовского района Калининской области оборудовали комнату в подшефном госпитале для раненых, сделали для неё 8 скамеек, 6 табуреток, 2 стула, написали лозунги и плакаты, выпускали стенгазету. Они читали раненым книги, газеты, сводки Совинформбюро, собирали книги у населения для библиотек госпиталей. Деньги, заработанные в колхозах и на предприятиях, полученные за сбор лекарственных растений, сдавались в «фонд раненому воину». Например, пионеры и школьники, проживавшие в домах № 8 и 10 по улице Железной г. Днепропетровска, на эти цели сдали 52 рубля.

Тимуровское движение

Одной из важнейших составляющих патриотических движений Великой Отечественной войны стало тимуровское движение пионеров и школьников. Пионеры и школьники многих городов и сёл страны не ограничивались только поддержкой начинаний своих родителей в оказании помощи раненым бойцам и командирам, но и проявляли собственную

инициативу. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры. Одним из них являлось шефство над семьями погибших отцов и семьями фронтовиков. Характерным и типичным примером был отряд Володи Миленкова в городе Новосибирске, созданный на Рабочей улице, в доме № 92.

В годы Великой Отечественной войны тимуровским движением были охвачены сотни тысяч школьников, а к её окончанию в нём участвовало более 3 млн школьников.

Только на фронт

С объявлением войны в стране миллионы людей рвались на фронт. Вчерашние школьники, студенты, молодёжь осаждали военкоматы, они требовали — не просили! — убеждали, а когда это не помогало, то с искренним чувством шли на подлог — завышали свой возраст на год, а то и на два. Война — дело мужчин, но юные граждане сердцем ощущали свою причастность к происходящему на их родной земле, и они, как истинные патриоты своей Родины, не могли остаться в стороне от разыгравшейся на их глазах трагедии.

Они шли буквально на всё, чтобы стать в строй защитников Родины. Кое-кому это удавалось. И происходило это не только в тех районах, куда докатился фронт. На фронт убегали мальчишки и девочки из далёких тыловых городов и деревень. Их стремление было продиктовано только одним нескрываемым желанием — вместе с армией громить ненавистный фашизм.

22 июня 1941 года от пионеров и школьников города Омска с просьбой послать их на фронт поступило 4 тыс. заявлений, а 29 июня их было уже 9 тысяч. Вот что написал в своем письме на имя райвоенкомата Кировского района учащийся школы № 13 г. Кирова Миша Траницын: «Прошу меня зачислить в ряды Красной Армии. Я учусь в школе снайперов, умею метко стрелять. Я уверен, что моя рука там, на фронте, не обманет меня, и все пули пойдут туда, куда требует их посылать советский народ».

Ненависть и желание отомстить вызывали у советских людей известия о зверствах и бесчинствах гитлеровцев на нашей земле. Уже первые дни войны показали,

что гитлеровские захватчики стремятся любой ценой осуществить свои планы по введению «нового порядка». Они силой насаждали режим террора и насилия.

Эти планы фашистские мракобесы начали осуществлять на нашей земле с первых дней нападения. Так, ворвавшись во Львов в ночь на 2 июля 1941 года, фашисты уничтожили 3 тыс. врачей, инженеров, адвокатов, учителей и др. Захватив 17 июля 1941 года местечко Езерище Меховского района Витебской области, гитлеровцы сожгли школьную и районную библиотеки, а в разрушенном здании школы, опутав её колючей проволокой, разместили советских военнопленных.

Стремление попасть на фронт, в действующую армию, в те дни проявили многие школьники. Некоторые старшекласники не уходили из военкоматов, пока их просьба не удовлетворялась. Так, например, когда отец, брат, старшая сестра ушли в действующую армию, 16-летний Кирилл Осипенко заменил отца на столичном заводе. Проработав всего несколько дней и увидев, как молодые рабочие уходят на фронт, он пошёл в военкомат и подал заявление, в котором написал, что хочет вместе с братом, отцом и сестрой громить фашистов.

В дни проведения мобилизации учащиеся старших классов помогали военкоматам выписывать и разносить мобилизационные повестки военнообязанным. Например, в разноске и вручении повесток военнообязанным в Ленинграде участвовало 16 тыс. школьников.

24 июня СНК СССР издал постановление «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов». Это были первые народные формирования, в основном из коммунистов и комсомольцев. На второй день после объявления постановления в Сталинский райком комсомола Москвы пришёл секретарь комитета комсомола завода электровакуумных приборов

Е.И. Левитин с 56 юношами и девушками с просьбой зачислить их в истребительный батальон. Среди присутствовавших было немало школьников, которым ещё не исполнилось и 15 лет. Секретарь райкома предложил оставить только взрослых. В ответ раздались голоса недовольных.

Их мнение и настойчивое требование выразила Галина Ануфриева: «Сейчас, когда гитлеровские разбойники рвутся в глубь страны, издеваются над нашими людьми, мы не можем безучастно смотреть на это. Если нам не разрешают уйти на фронт, нам никто не может запретить воевать с фашистами в тылу». Г. Ануфриеву поддержала Маша Гордеева: «Мне 14 лет, но я хорошо владею винтовкой, об этом говорит мой значок «Ворошиловский стрелок». В школе я хорошо изучила санитарное дело и, если потребуется, смогу оказать помощь раненым». Из прибывших ребят 49 были зачислены в истребительный батальон.

Храбро сражались и юные партизаны. Вот что сообщалось 9 июня 1942 года в утренней сводке Совинформбюро: «Юный партизан Николай из отряда товарища В. бросил в окно штаба противника гранату с привязанной к ней пачкой взрывчатки. Взрывом убило 12 офицеров. Храбрый партизан невредимым вернулся в свой отряд».

Многие примеры свидетельствуют о высоком патриотизме советского народа, преданности его социалистической Родине, о самопожертвовании во имя свободы и независимости своей Отчизны. 20 тысяч юных патриотов награждены медалью «За оборону Москвы».

Детские дома

Великая Отечественная война принесла смерть, горе и неисчислимые страдания миллионам людей в нашей стране. Сотни тысяч советских детей потеряли одного из родителей или стали сиротами. Забота о детях, оставшихся без попечения родителей, стала одной из важнейших задач партии и органов государственной власти СССР как в годы войны, так и после её окончания.

С началом войны количество детских домов по сравнению с предвоенными годами резко увеличилось. Значительная их часть была эвакуирована из прифронтовых районов вглубь территории Советского Союза. Число детей, вывезенных из фронтовых областей и оставшихся без родителей, было очень большим. На Урале и в Сибири создавались

новые детские дома для детей, потерявших родителей. Для сирот и детей, родители которых были в действующей армии, начали создавать специальные детские дома.

Но этих мер все же было недостаточно. В этой связи в сентябре 1942 года было принято Постановление Совета Народных Комиссаров СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», в котором государственным ведомствам, партийным, профсоюзным и комсомольским организациям предписывалось проявлять заботу о детях-сиротах. Эти ведомства сыграли огромную роль в судьбе детей, оставшихся без попечения родителей. Общественники и активисты разыскивали детей, снимали их с поездов. В дальнейшем через приемники-распределители ребят направляли в детские дома. Подростков обучали рабочей профессии и устраивали на работу.

Получило широкое распространение создание детских домов при колхозах, заводах и фабриках за счет профсоюзных и комсомольских организаций, а также милиции. Так, за счет колхозов содержалось 4 тысячи детских домов. Комсомольскими организациями было организовано 126 детских домов.

Вместе с тем часть детских домов не удалось эвакуировать, и они остались в прифронтовой полосе. И тут детдомовцы, как могли, помогали взрослым. Часто детские дома открывали даже в прифронтовых городах.

О детских домах блокадного Ленинграда следует говорить особо.

В блокадном Ленинграде количество детей-сирот было очень большим. Бесперывные бомбежки и артиллерийские обстрелы, продолжавшиеся всю блокаду, унесли тысячи жизней ленинградцев. Но погибали ленинградцы не только от разрывов вражеских бомб и снарядов. С уничтожением фашистами Бадаевских складов начался голод. Разумеется, родители отдавали своим детям последние крохи хлеба и сами умирали от голода. Последствия голода чем-то напоминают бомбу замедленного действия.

В своей книге «Блокада день за днем» А.В. Буров описывает ряд случаев, когда дети оставались совсем одни, а их родители погибали. Таких детей были тысячи. Например,

Ишакский детский дом открылся в Чебоксарском (бывшем Ишлейском) районе в августе 1943 года. Тогда из блокадного Ленинграда было эвакуировано более 100 детей из трех детских домов: детского дома № 73 Невского района, № 9 и № 43 Выборгского района.

автор отслеживает хронику блокадной жизни семьи Чистяковых.

В завершающих строчках своих записей Катя Чистякова написала: «Мама умерла последней. Ей очень хотелось жить. Однажды она сказала мне: “Катенька, как не хочется умирать...” 27 мая 1942 года я пришла из школы и принесла маме кусочек хлеба. В школе нас

кормили супом, поэтому хлеб я сэкономила для мамы. Согрела самовар и пошла будить её. Думала она спит, но мама была мертва. Я осталась одна...»

Вот ещё один случай. В маленькой деревушке Кожежки, недалеко от Сланцев, каратели по подозрению в сотрудничестве с партизанами расстреляли ленинградку Агриппину Борисовну Матвееву. Расстреляли на глазах у двенадцатилетнего сына Аркаши. Расстреляли и сестру. Так Аркаша Матвеев, закончивший перед самой войной в Ленинграде третий класс, начал нелегкую самостоятельную жизнь. Вначале ходил с котомкой по деревням. Потом стал пастухом. Заодно выполнял поручения партизан. Когда Ленинградскую область освободили, отправился домой. Если его останавливали контрольные посты, предъявлял справку, выданную Лужецким сельсоветом. Заканчивалась она такими строчками: «Мать его Агриппина Борисовна расстреляна немецким карательным отрядом 13 июля 1942 года.

Родной отец живет в г. Ленинграде». По этой справке мальчика пропускали всюду. И он нашел отца.

Но некоторые дети оставались совсем одни. Очень многих ленинградских детей спасли милиционеры, бойцы местной противовоздушной обороны, комсомольские активисты и работники ЖЭК. Их направляли в детские дома, которые начали принимать детей уже в первые дни блокады.

На Выборгской стороне, в декабре 1941 года был открыт детский дом, получивший номер 51. Несмотря на трудности блокады, он был полностью подготовлен к приему детей. Уже в первые дни блокады он принял большое число воспитанников, в основном, маленьких. Дети были не только голодны. Они были сильно изранены во время бомбежек и артиллерийских обстрелов города. Часто детей доставляли в бессознательном состоянии. Работники детского дома самоотверженно выхаживали ребят. Педагогам помогали шефы — рабочие фабрики «Красный маяк». Труд взрослых был вознагражден: дети выздоравливали. Здоровых детей отправляли в тыл, но многие оставались в детском доме.

Над детским домом № 51 шефствовали воины Волховского фронта. Офицеры и солдаты переводили на счет дома свои деньги, посылали продукты и подарки. Часто они сами приезжали к детям в гости. Этому детскому дому помогали и тыловые детские дома. Воспитанники получали продуктовые посылки из Кировской области и Казахстана. Детский дом № 51 города Ленинграда спас жизни многим детям.

Людские потери росли, всё больше детей становились сиротами. Так, в 1943 году в детских домах было 308 тысяч, а в 1944 году уже 534 тысячи детей.

В большинстве детских домов были открыты учебно-производственные мастерские. Детские дома вносили свой посильный вклад в Победу над врагом. Производственные мастерские выполняли военные заказы. Воспитанники изготавливали военное снаряжение и обмундирование, оборудование для полевых госпиталей, ремонтировали сельскохозяйственный инвентарь. Ребята участвовали в полевых работах и уборке урожая в колхозах. Детдомовцы помогали семьям

воинов: кололи и пилили дрова, носили воду, занимались с маленькими детьми. Воспитанники детских домов делали своими руками подарки и посылали их бойцам на фронт. Они выступали с концертами в частях и госпиталях. Занятые большой трудовой и общественной деятельностью, ребята, вместе с тем, хорошо учились. В тяжелой жизненной ситуации дети рано выросли.

К концу 1945 года только для детей погибших фронтовиков было создано 120 детских домов, в которых воспитывалось 17 тысяч детей.

После Великой Отечественной войны огромное количество детей остались сиротами или стали беспризорниками. Для них открывались новые детские дома — их общее число увеличилось до 4065.

Детские дома были представлены различными типами:

1. Дошкольный — для детей 3—7 лет.
2. Школьный — для детей 7—14 лет.
3. Смешанный, объединяющий дошкольный и школьный детские дома.
4. Специальный — для детей, родители которых погибли от рук фашистских оккупантов.

Все детские дома работали интересно и содержательно. В этом отношении показательна работа детских домов Алтайского края. Например, в них организовывались разновозрастные отряды для выполнения единовременных заданий (Ребрихинский детский дом), постоянные и временные бригады (Аскатский детский дом). Аскатский детский дом вел рентабельное животноводство. Это позволило отказаться от государственного снабжения в виде нарядов на мясо, масло, жиры.

Говоря о работе детских домов послевоенного периода, надо подчеркнуть, что трудовое воспитание в них находилось на очень высоком уровне. Дети работали наравне со взрослыми. Весь коллектив детского дома в селе Красный Бор Смоленской области построил новую школу на месте разрушенной фашистами. Педагоги и старшие дети изготовили наглядные пособия для младших: кассы для букв, гербарии. Воспитатели и воспитанники Нижне-Архызского детдома Ставропольского края под техническим руководством работников «Сельэлек-

тро» выполнили монтажные работы и за 3 месяца построили собственную электростанцию мощностью 25 кВт. В Ставропольском крае, кроме того, осуществлялось сельскохозяйственное обучение воспитанников. Дети применяли полученные знания в работе на учебно-опытных участках. Выращивая ягоды, фрукты и овощи, они проводили опыты по селекции.

В 50-е годы в стране открылся ряд детских домов для одаренных детей-сирот, куда принимали талантливых ребят. Впоследствии они поступали в музыкальные, художественные училища и балетные школы. Это были специальные дома, в которых создавались условия для индивидуальных занятий с такими детьми. Выпускники музыкальных училищ, как правило, определялись в музыкальный взвод военных оркестров, что решало их дальнейшую судьбу.

Большое внимание в детских домах тех лет уделялось эстетическому, или художественному, как тогда говорили, воспитанию. Дети занимались хоровым и вокальным пением, танцами, изобразительным искусством. В детских домах создавали оркестры (духовые, струнные, народных инструментов), различные самодеятельные театры: кукольные, теней, драматические. Увлекались постановкой пьес, инсценировками, литературно-музыкальными композициями. При организации эстетического воспитания в детских домах создавались «единые» кружки. Они охватывали несколько видов самодеятельности. Такой кружок работал в Денисовском детдоме Красноярского края. В него входили все воспитанники старшей группы. Каждый член кружка пел в хоре, выступал с художественным чтением, играл в спектаклях. Воспитанники выступали в танцевальных ансамблях, ставили литературно-музыкальные композиции. Дети сами шили костюмы, готовили все оформление, световые эффекты.

В Волгоградской области было также много специальных детских домов. Они начали создаваться в 1943 году, сразу после победы под Сталинградом. Воспитатели видели свою задачу в том, чтобы прежде всего отвлечь детей от тяжелых воспоминаний.

Для этого как нельзя лучше подходило именно художественное воспитание. Для занятий выделялись специальные помещения. На работу в детдома приглашались специалисты в области различных искусств. При подборе кад-

ров предпочтение отдавалось воспитателям, имевшим способности и умения в разных видах художественного творчества. Хорошей постановке эстетического воспитания в детдомах Волгоградской области в значительной мере способствовало то, что они тесно сотрудничали с областным отделом искусств и областным Домом народного творчества. Эти учреждения обязали театры и сельские дома культуры оказывать помощь детским домам.

Но в работе детских домов послевоенного периода были и свои проблемы. Так, воспитательные группы, объединявшие детей одного или смежных возрастов, были слишком велики — от 30 до 35 воспитанников. С ними занимался лишь один воспитатель.

Основную проблему для детских домов составляло трудоустройство выпускников. Дети находились в учреждении до 14 лет, только отличники оставались до 18. Возникали сложности и с продолжением образования. Впоследствии положение о содержании воспитанников в детском доме было пересмотрено.

В 1959—1965 годах детские дома были преобразованы в школы-интернаты.

Суворовские училища

В годы Великой Отечественной войны суровая необходимость заставила руководство страны опереться на патриотическое сознание народа, обратиться к славной военной истории России. Появилась необходимость в создании учебных заведений по образцу кадетских корпусов. Одной из причин этого было также большое количество детей-сирот.

21 августа 1943 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР в Постановлении № 901 «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» предписали НКО в период с 1 октября по 1 декабря 1943 года сформировать 9 суворовских военных училищ (СВУ) «типа старых кадетских корпусов».

Цель создания суворовских училищ определялась следующим образом: «подготовить мальчиков к военной службе в офицерском звании и дать им общее среднее

образование». Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР предписывало Народному комиссариату обороны:

- училища сформировать в период с 1 октября по 1 декабря 1943 года;
- к 1 октября разработать и издать штаты и Положение о СВУ, учебные программы и планы, укомплектовать училища руководящими кадрами и постоянным составом;
- к 1 октября отремонтировать отведенные училищам помещения;
- к 15 сентября представить на утверждение СНК «образцы форм одежды воспитанников суворовских военных училищ».

Генеральный штаб Красной Армии 27 августа 1943 года издал директиву, в которой были определены конкретные мероприятия по формированию СВУ и сроки их выполнения. Она предписывала «формирование училищ закончить к 20 ноября, с расчетом начать занятия 1 декабря 1943 года».

В начале сентября 1943 года военно-строительные управления фронтов и округов начали ремонт зданий, предназначенных для расквартирования СВУ, бельевые фабрики приступили к пошиву необычного для них белья и обмундирования для первых суворовцев, с центрального склада Главсануправления в адреса училищ отправили медицинское имущество. Было предусмотрено своевременное обеспечение и всем остальным имуществом, необходимым для быта и учебы будущих офицеров. Получили училища и подробную инструкцию о наборе воспитанников. Именно так называли тогда первых суворовцев — «воспитанник». И только через два года воспитанников СВУ стали называть «суворовцами».

В ноябре в училища стали прибывать их первые воспитанники. Среди ребят первого набора было много сирот, были и непосредственные участники боев, некоторые из которых имели правительственные награды.

В Харьковское СВУ в числе первых был принят Костя Кравчук, награжденный орденом Боевого Красного Знамени за спасение двух боевых знамен частей Красной Армии. В это же училище прислали Сергея Николаева. Было ему тогда 12 лет. Родителей убили фашисты. Находясь

в партизанском отряде, Сергей заминировал дорогу и взорвал проезжавшую по ней вражескую машину, уничтожив 25 гитлеровцев. С медалью «За оборону Сталинграда» пришел во второй класс Харьковского СВУ Петя Сорокин. В этом городе погибли его родители, сам он по мере сил помогал защитникам Сталинграда, был ранен.

Другой защитник Сталинграда Ваня Глухов, сын старшего лейтенанта, поступил в Новочеркасское СВУ. На его груди рядом с медалью за оборону этого города поблескивала медаль «За боевые заслуги».

Одиннадцатилетний Коля Мищенко стал учиться в Калининском СВУ. Его родителей немцы расстреляли в 1941 году, а Коля ушел в отряд белорусских партизан, вместе с которым перешел линию фронта. Провел в тыл врага нашу разведгруппу, за что получил медаль «За боевые заслуги».

С правительственной наградой поступил в это училище и Володя Хивзер, который, сражаясь в партизанском отряде, 13 раз ходил в разведку в тыл врага.

Впервые сел за парту в младшем подготовительном классе Калининского СВУ Боря Меркушев. В начале войны он жил у бабушки под Ржевом, оказался в оккупации. Отец погиб, защищая Ленинград, а мать погибла при бомбежке в этом же городе. Вскоре после освобождения нашими войсками деревни, где жил мальчик, умерла его бабушка. Борю выбрали и усыновили бойцы 4-й отдельной штурмовой инженерно-саперной бригады в 1942 году. Так и шел он боевыми дорогами с саперами, пока не отправили его в ноябре 1943 года в суворовское училище. Спустя годы полковник запаса Меркушев Борис Иванович часто вспоминал, как 19 февраля 1946 года начальник училища генерал-майор Еремин перед строем товарищей вручал ему от имени Президиума Верховного Совета СССР медаль «За победу над Германией».

К 1 декабря 1943 года не все училища набрали положенное число учащихся. Остальных присылали во время учебы из действующей армии, из партизанских отрядов, из разрушенных городов и деревень, из госпиталей...

1 декабря во всех 11 училищах в торжественной обстановке начался учебный год. Это событие отметили в специальных статьях, репортажах местные и центральные газеты.

В течение декабря первым СВУ были вручены боевые знамена.

В училище суворовцы распределялись по ротам согласно штату. В первой роте были воспитанники двух старших классов — шестого и седьмого. Рота состояла из трех взводов, состоящих из отделений. На должности командиров отделений и заместителей командиров взводов назначались лучшие суворовцы, которым соответственно присваивались звания «вице-сержант» и «старший вице-сержант». Позднее была введена для суворовцев должность старшины роты и звание «вице-старшина». Остальные роты состояли из учебных отделений. Из числа лучших суворовцев в них назначались старшие учебного отделения. Тем не менее руководство взводами первой роты и учебными отделениями младших рот осуществляли офицеры-воспитатели, имевшие помощников из числа сержантов срочной или сверхсрочной службы.

Внутренний порядок в училищах поддерживался на основании «Правил внутреннего распорядка и поведения воспитанников Суворовского военного училища». В отличие от средней школы в учебные планы СВУ были включены геология, психология, военная, строевая и физическая подготовка. На изучение иностранного языка отводилось больше времени, чем в школе. После каждого учебного года проводились лагерные сборы.

Танкисты 17-й гвардейской танковой бригады и сын полка на танке Т-34-85.

Источник: семейный архив А.Б. Пономарева.

В 1944 году по образу и подобию первых СВУ было открыто еще шесть училищ. Они были учреждены Постановлением СНК СССР от 21 июня 1944 года. Видимо, учитывая опыт 1943 года, училища второй очереди размещались в городах, или не подвергавшихся оккупации, или уже частично восстановленных. Война продолжалась, и судьбы ребят, поступивших в эти училища, были как две капли воды похожи на судьбы суворовцев, стоявших в строю первых СВУ.

Среди суворовцев первого набора Казанского СВУ был сын полка Ваня Пахомов. В 1942 году, когда немцы близко подошли к его селу, мальчик остался один: отец воевал на фронте, а мачеха бросила мальчика. Ваню подобрали бойцы отходящей из села части. Так он стал сыном разведывательного эскадрона 115-й кавалерийской дивизии. Летом 1944 года был тяжело ранен, лежал в госпитале, затем снова вернулся на фронт. Хотя и недолго, но воевал с пулей в сердце. Ее извлекли в казанском госпитале. После лечения воевал в звании ефрейтора, с медалью «За отвагу» он прибыл учиться «на офицера».

Другой сын полка — Павел Рагулин поступил в Тульское СВУ. В апреле 1944 года он отличился при форсировании Днепра: протянул два телефонных провода с левого берега реки на правый, обеспечив связь между первым и вторым эшелонам родного 416-го стрелкового полка. За это был награжден медалью «За боевые заслуги». С ней он и прошел по Красной площади в строю суворовцев на параде Победы в 1945 году. После окончания суворовского училища учился в артиллерийском училище и в академии. Уволился из армии в звании полковника в 1986 году.

Ребята-фронтовики приезжали на учебу в суворовские училища и в победном 1945-м. С письмом маршала Г.К. Жукова в Курское СВУ прибыл в сентябре 1945 года Иван Сергиенко. Маршал рекомендовал начальнику училища принять сына полка 70-й стрелковой дивизии в училище. Но у Ивана были на груди и другие рекомендации: орден Славы III степени за действия в составе разведгруппы при форсировании Буга, орден Красной Звезды за бой на Зееловских высотах, медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

В 1945 году за парты сели и будущие наставники суворовцев — под Москвой, в Хлебникове, открылся Военно-педагогический институт со специальным факультетом подготовки офицеров-воспитателей для суворовских военных училищ.

В этом же году состоялся первый выпуск в суворовских училищах, созданных комиссариатом внутренних дел. Их первые выпускники провели в стенах училища всего лишь два года. Позже они продолжили учебу в пограничных училищах. Затем охраняли сухопутные и морские границы нашей страны. Многие выпускники отличились при охране государственной границы. В 1948 году выпускник Ташкентского СВУ лейтенант Борис Зимин был награжден высшей правительственной наградой за то, что в одиночку задержал двух хорошо подготовленных нарушителей границы.

Космонавт Владимир Джанибеков тоже начал свое образование в СВУ. Окончив Ташкентское СВУ в 1960 году, так отзывался о своей alma mater: «Если я чего и добился в жизни, то этим я обязан суворовскому училищу. Я убежден, что необходимо развивать сеть суворовских и нахимовских училищ. Так готовить кадры будущих офицеров, как это делают суворовские и нахимовские училища, не сможет никто!»

С 1950 года в СВУ стали принимать ребят в возрасте 10 лет, окончивших 3 класса обычной школы.

25 мая 1956 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление «О порядке приема в суворовские и нахимовские училища». Некоторые СВУ были расформированы и на их базе были устроены школы-интернаты. Оставшиеся СВУ были переведены на трехлетнее обучение, а с 1969 года — на двухлетнее.

На сегодняшний день в ведении Министерства обороны РФ находится 7 СВУ: Екатеринбургское, Казанское, Московское, Санкт-Петербургское, Тверское, Ульяновское и Уссурийское.

Сегодня основой воинского воспитания суворовцев становятся славные традиции русской армии, ее офицерства. И, несомненно, большую роль в воспитании суворовцев играет изучение традиций их предшественников — кадетских корпусов России. Да и у самих суворовцев за полувековую историю сложились славные традиции. Гордостью суво-

ровцев являются космонавты Ю. Глазков и В. Джанибеков, генерал-полковник Б. Громов, летчик-испытатель О. Гудков, академики А. Витушкин и В. Панов, писатель О. Михайлов, народный артист России Г. Васильев, спортсмены Ю. Власов, В. Попенченко и многие другие.

Малолетние узники фашистских концлагерей

За 1418 дней войны пострадало огромное количество людей. Военнослужащие, мирные жители, дети испытали на себе все ужасы войны. Дети и война — понятия, казалось бы, несовместимые. Со дня ее окончания прошло уже 68 лет. Но, чувствуя ветеранов Великой Отечественной, вспоминая с благодарностью их ратные и трудовые подвиги, мы обязательно вспоминаем и тех, кто все ужасы и тяготы войны познал еще ребенком. Сколько их было в действующей армии, в партизанских отрядах и подпольных организациях в тылу врага?! Многие были награждены орденами и медалями, получили высокое звание Героя Советского Союза. Но были и те, для которых ужасы войны усугублялись их полным бесправием, ежедневным унижением и страхом за свою жизнь. Это малолетние узники концлагерей.

На территории Германии и оккупированных ею стран действовало более 14 тысяч концлагерей:

Германия — Бухенвальд, Галле, Дрезден, Дюссельдорф, Катбус, Равенсбрюк, Шлибен, Шпремберг, Эссен;

Австрия — Амштеттен, Маутхаузен;

Польша — Красник, Майданек, Освенцим, Пшемьсль, Радом;

Франция — Мюлуз, Нанси, Реймс;

Чехословакия — Глинско, Кунта-гора, Натра;

Литва — Алитус, Димитравас, Каунас;

Эстония — Клоога, Пиркуль, Пярну;

Белоруссия — Барановичи, Минск,

а также лагеря были на территории Латвии и Норвегии.

В концентрационных лагерях содержались одновременно миллионы людей. Время пребывания в них было достаточно коротким, так как основное назначение

Советские дети-узники 6-го финского концлагеря в Петрозаводске. Во время оккупации Советской Карелии финнами в Петрозаводске было создано шесть концлагерей для содержания местных русскоязычных жителей. Лагерь №6 размещался в районе Перевалочной биржи, в нем держали 7000 человек. Фотография сделана после освобождения Петрозаводска советскими войсками 28 июня 1944 года.

лагерей – «фабрики смерти». Самыми ужасными считались Дахау, Освенцим, Майданек, Бухенвальд, Маутхаузен и Саласпилс. Узник, продолжительность жизни которого в лагере составляла менее года, приносил нацистам почти полторы тысячи рейхсмарок чистой прибыли. В трудовых лагерях содержалось, в основном, угнанное с оккупированных территорий трудоспособное население – женщины и дети. Маленьким узникам фашистских лагерей пришлось многое выстрадать. Выжить им удалось, в основном, благодаря присутствию рядом матерей, которые отдавали детям последние крохи хлеба, всегда

готовы были прийти на помощь и закрыть своим телом. Не обошлось и без помощи добрых людей. Немаловажную роль сыграла и доля случайности.

В концлагерях, гетто, других местах принудительного содержания погибло более 13 миллионов советских людей, из них 1 миллион 200 тысяч детей. Всего же жертвами фашистской неволи были более 5 миллионов детей. Дожил до освобождения лишь 1 ребенок из десяти.

9 мая 1945 года закончилась Великая Отечественная война. День Победы над фашистской Германией останется в памяти нашего народа как одна из самых знаменательных дат истории. Дожившим до освобождения казалось, что главные страдания позади, но все обернулось не так.

Пройдя ужасы концлагерей, репатрианты, вернувшиеся на Родину, становились людьми «второго сорта» и через всю жизнь им пришлось нести нелегкий груз «отверженных». Лишь в годы перестройки в обществе началось «потепление» отношения к жертвам сталинских репрессий, которыми нередко становились и бывшие узники фашистских концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, в том числе и малолетние.

Степень влияния трагического детства на дальнейшую судьбу бывших малолетних узников, конечно же, велика, ведь до сих пор эти люди не могут вспоминать тот период своей жизни без слез. Но тем не менее их дух не сломлен в большей степени благодаря их личным качествам.

Около 1200 этих сильных духом людей проживают сегодня на территории Калининского района, 160 из них — в муниципальном образовании Финляндский округ.

ПОКЛОНИМСЯ ВЕЛИКИМ ТЕМ ГОДАМ!

ПОКЛОНИМСЯ ВЕЛИКИМ ТЕМ ГОДАМ!

Содержание

АНТОНОВА Маргарита Ивановна	5
АНТОНОВА Валентина Ивановна	7
АСАФОВА Надежда Леонидовна	11
АФАНАСЬЕВА Анфиса Георгиевна	16
АШЕЙЧУК Ростислав Иванович	23
БАРОНШИНА Александра Ефимовна	25
БЕЛЬКОВА Лидия Александровна	33
БУМАГИНА Лариса Евгеньевна	38
БУРДАЕВА Нина Федоровна	55
ВОЛКОВ Алексей Федорович	58
ГАВРИЛОВ Вадим Александрович	60
ГОЛУБЕВ Владимир Александрович	66
ГОМОЮНОВ Константин Константинович	75
ГОРБАЧЕВА Галина Ивановна	85
ДМИТРИЕВА Валентина Николаевна	102
ЕГОРОВА Людмила Васильевна	106
ЖУРАВЛЕВА Нина Павловна	113
ЗИМНИЦКАЯ Ольга Тимофеевна	117
ИВАНОВА Наталия Александровна	120
КАШТАЛЬЯНОВА Ефросинья Дмитриевна	128
КОРОЛЕВ Илья Иванович	132
КОТЕЛЬНИКОВА Елена Константиновна	134
КУЗНЕЦОВА Людмила Сергеевна	137

КУЛИКОВА Галина Филипповна	139
ЛЯХОВСКИЙ Владимир Маркович.....	141
МАКАРЕНКО Людмила Давыдовна	146
МАКСИМОВА Валентина Михайловна	152
МОРДВИНЫ Нина Владимировна и Владимир Михайлович	154
ОСИПОВА Алла Михайловна.....	157
ПЛЕШКОВА Людмила Михайловна	160
ПЧЕЛКО Леонид Иосифович.....	166
САДИКОВ Иван Борисович.....	172
СЕЛЕЗНЕВА Алла Леоновна.....	197
СЕРЕБРЯНСКИЙ Михаил Айзикович	199
ТЕЛЕШ Валентин Евгеньевич	204
УСОВИЧ Ольга Даниловна	210
ЦАРИКОВ Леонид Иванович.....	215
ЧУГУНОВА Екатерина Михайловна.....	219
Детство, опалённое войной.....	222
Поклонимся великим тем годам!.....	252

*Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга
муниципальный округ Финляндский округ*

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Часть 4. Детство, опаленное войной

При оформлении книги использовались материалы:
из личных архивов участников Великой Отечественной войны,
жителей блокадного Ленинграда, труженников тыла
и узников фашистских концлагерей

Чуйков В.И., Рябов В.С. Великая Отечественная. Фотоальбом.
Москва: Планета, 1985.

<http://waralbum.ru>

ООО «Эри»

Дизайн обложки – Л.Л. Грабарь

Верстка – И.Н. Быков

Корректор – М.Л. Водолазова

Бумага мелованная.

Формат 70×100 ¹/₁₆, Тираж 1000 экз. Подписано в печать 05.08.2013.

Заказчик: Местная администрация муниципального образования
Финляндский округ.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «ИПК «Береста».

Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28.